

ИЛЪЯ ЧАВЧАВАДЗЕ

Советской
печатью

©

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА ОСНОВАНА М. ГОРЬКИМ

Редакционная коллегия

Ф. Я. Прийма (главный редактор),

И. В. Абашидзе, Н. П. Бажан, В. Г. Базанов,

А. Н. Болдырев, П. У. Бровка, А. С. Бушмин,

Н. М. Грибачев, А. В. Западов, К. Ш. Кулиев,

[М. К. Луконин], Э. Б. Межелайтис, В. О. Перцов,

В. А. Рождественский, С. А. Рустам, А. А. Сурков,

Н. С. Тихонов, М. Т. Турсун-заде

Большая серия

Второе издание

С О В Е Т С К И Й П И С А Т Е Л Ъ

ИЛЬЯ ЧАВЧАВАДЗЕ

СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМЫ

*Вступительная статья и составление
В. Д. Жгенти*

Примечания Э. Д. Шарашенидзе

*Редакция стихотворных переводов
А. П. Межирова*

Основоположник критического реализма в грузинской литературе Илья Чавчавадзе (1837—1907) был выдающимся представителем национально-освободительной борьбы своего народа.

Его литературное наследие содержит классические образцы поэзии и прозы, драматургии и критики, филологических разысканий и публицистики.

Большой мастер стиха, впитавшего в себя красочность и гибкость народно-поэтических форм, Илья Чавчавадзе был непримиримым врагом самодержавия и крепостнического строя, певцом социальной свободы.

Настоящее издание охватывает наиболее значительную часть поэтического наследия Ильи Чавчавадзе.

Переводы его произведений принадлежат Н. Заболоцкому, В. Державину, А. Тарковскому, Вс. Рождественскому, С. Шервинскому, В. Шефнеру и другим известным русским поэтам-переводчикам.

© Издательство «Советский писатель», 1976 г.

ПОЭТИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ ИЛЬИ ЧАВЧАВАДЗЕ

Илья Чавчавадзе — великий грузинский писатель, мыслитель и общественный деятель второй половины XIX века, глава и знаменосец национально-освободительного движения, основоположник новой, реалистической грузинской литературы и современного общенационального грузинского литературного языка. В истории многовековой грузинской культуры его имя, окруженное ореолом всенародной любви и славы, стоит рядом с именами бессмертных корифеев национальной классической литературы — Шота Руставели, Давида Гурамишвили, Николоза Бараташвили, Акакия Церетели, Важа Пшавела. Обогатив свой духовный мир ценнейшими достижениями русской и мировой культуры, восприняв и продолжив в своем творчестве лучшие завоевания всей предшествовавшей национальной литературы, он оказал определяющее воздействие на все дальнейшее ее развитие и внес неоценимый вклад в дело воспитания грядущих поколений в духе самых прогрессивных идей эпохи, в духе идеалов свободолюбия, патриотизма, дружбы и братства народов, гуманизма и социальной справедливости.

Верный последователь и достойный сподвижник вождей русской революционной демократии, он возглавил в Грузии непримиримую борьбу против патриархально-феодального, крепостнического строя, против всяческих форм тирании, социального и национального угнетения. Этой беззаветной борьбе отдал он всецело свой огромный талант художника, мыслителя, публициста, ученого, общественного деятеля. В этой борьбе и пал он, приняв смерть от руки кровавых убийц, презренных наймитов царской охранки.

В советское время творческое наследие великого классика грузинской литературы стало достоянием всего многонационального

советского народа, заняло достойное место в общей сокровищнице духовных ценностей братских народов СССР, а следовательно, всего прогрессивного человечества.

На всем протяжении второй половины XIX века Илья Чавчавадзе неизменно стоял во главе прогрессивной, демократической грузинской интеллигенции и, сплачивая передовые силы нации, воодушевлял и подымал их на непримиримую борьбу против крепостничества и самодержавия.

Принадлежа к дворянскому сословию, которое к тому времени уже шло по пути распада и деградации, Илья Чавчавадзе решительно порвал с интересами и мировоззрением породившего его класса и первым в грузинской литературе нанес сокрушительный удар по феодально-патриархальному строю. Гневно бичуя паразитизм и беспросветную отсталость дворянской знати, он вместе с тем сурово изобличал эксплуататорские, грабительские устремления нарождавшегося класса буржуазии, лживость и лицемерие представителей духовенства, жестокость и бесчеловечность сатрапов царизма.

В мужественной борьбе с реакционными, антинародными силами, в беззаветном служении возвышенным идеям патриотизма и гуманизма, национального освобождения и социальной справедливости Илья Чавчавадзе выступал выразителем интересов трудового народа, глашатаем его надежд и чаяний. «Наше дело — жизнь грузинского народа. Ее улучшение — наше первое и последнее желание», — писал Илья Чавчавадзе в одной из своих программных статей.¹

Вдохновленные самыми прогрессивными идеями своего времени произведения Ильи Чавчавадзе глубоко проникали в сердце читателей, завоевывая ему исключительную популярность и всенародную славу.

Илья Чавчавадзе родился 27 октября 1837 года в кахетинском селении Кварели, расположенном над Алазанской долиной. Его отец, Григорий Чавчавадзе, принадлежал к известному в Грузии княжескому роду, он был офицером Нижегородского драгунского полка, принимал участие в русско-турецкой войне 1828—1829 годов. Мать поэта, Мария Бебуришвили, была воспитана в интеллигентной дворянской семье, она прекрасно знала древнюю грузинскую литературу, особенно поэзию, и привила любовь к ней своим детям.

¹ И. Чавчавадзе, Полн. собр. соч. (на груз. яз.), т. 3, Тбилиси, 1953, с. 66.

До десяти лет Илья Чавчавадзе жил в деревне и обучался в домашней школе сельского священника, где вместе с ним учились крестьянские дети. Как вспоминал потом поэт, этот священник был превосходным знатоком не только священного писания, но и истории родной страны. Его рассказы о героической истории Грузии производили неизгладимое впечатление на слушателей, и один из его сюжетов о Димитрии Самопожертвователе Илья Чавчавадзе впоследствии взял темой своего произведения.

В 1847 году Илья Чавчавадзе поступил в частный пансион в Тифлисе, а через два года в Тифлисскую первую гимназию, где в свое время учился великий грузинский поэт-романтик Николоз Бараташвили. Рано потеряв отца и мать, Илья Чавчавадзе воспитывался овдовевшей сестрой отца, Макрине Эристави, к которой на долгие годы сохранил глубокую привязанность. Летние, свободные от занятий месяцы Илья Чавчавадзе каждый год проводил в родной деревне Кварели, здесь он хорошо узнал жизнь крепостных крестьян, их нужду, жестокие притеснения со стороны помещиков.

Еще в детские годы будущий писатель проникся глубокой любовью к своей поработенной родине и чувством сострадания к безмерно угнетавшемуся крестьянству. Еще тогда он проявлял исключительный интерес к народной поэзии, к произведениям древней грузинской литературы. Он с увлечением собирал народные сказания, песни, сказки, слушал сказителей и певцов.

Казенные порядки в гимназии тяготили Илью Чавчавадзе и усиливали протест против установленного в ней деспотического режима. Окончив в 1857 году курс гимназии, но не сдав выпускных экзаменов, Илья Чавчавадзе уехал для получения университетского образования в Петербург.

Юный поэт к этому времени уже был охвачен стремлением самоотверженно бороться за свободу и счастье народа. Этим стремлением пронизано и вдохновлено написанное в тот период замечательное стихотворение «Горам Кварели», относящееся к лучшим образцам его гражданской лирики:

Где бы я ни был, со мною вы, горы, повсюду, —
Сын ваш мятежный, ужели я вас позабуду? ..

... Полный восторга, взирая на ваше величье,
Дивные тайны стремился душою постичь я —

Тайны вершин, пропадающих в дымке туманов,
Где раздается ликующий гул ураганов...

...О, как мечтал я, почуяв орлиные крылья,
Тронуть крылами сверкающих льдов изобилье! ..

...О, как дрожал я! Но, внемля раскатам обвала,
Звуки родные душа моя в них узнавала. . .

...Ныне горжусь я, что, сын этой дикой природы,
Вырос я в бурях и рано узнал про невзгоды.

Зачисленный студентом юридического факультета Петербургского университета, Илья Чавчавадзе провел в Петербурге четыре года (1857—1861), имевшие решающее значение в формировании его убеждений, боевых общественных идеалов и эстетических взглядов. «Четыре года провел я в России и не видел Родины. Четыре года! .. Поймешь ли ты, читатель, какими годами были для меня эти четыре года? .. Эти четыре года были фундаментом жизни, первоисточником жизни, волоском, который судьба, точно мост, перекинула между светом и тьмою. Но не для всякого! Только для тех, кто поехал в Россию, чтобы образовать свой ум, привести в движение мозг и сердце, дать им толчок. . . О вы, золотые мои четыре года! Благо тому, под чьей ногою не подломился перекинутый вами мосток; благо тому, кто плодотворно использовал вас. . .»¹ Так характеризовал Илья Чавчавадзе в своих знаменитых «Записках проезжего» значенные проведенных в Петербурге четырех лет.

Эти студенческие годы совпали с периодом первой революционной ситуации в России. В среде петербургского студенчества, взбудораженного и воодушевленного невиданным подъемом освободительной борьбы, развернулась интенсивная, многосторонняя деятельность Ильи Чавчавадзе. В эти годы он глубже изучает важнейшие памятники грузинской классической литературы, знакомится с шедеврами русской и мировой культуры, живо интересуется вопросами истории и социологии, философии и политической экономии, языкознания и педагогической науки. В эти годы он создает свои лучшие стихотворения («Матери-грузинке», «Песня грузинских студентов», «Пахарь», «Муша», «Поэт», «Пусть я умру. . .» и др.), пишет поэму «Несколько картин, или Случай из жизни разбойника», первые варианты поэм «Видение», «Мать и сын», произведения в прозе «Рассказ нищего», «Человек ли он?», переводит на грузинский язык Пушкина, Лермонтова, Гёте, Шиллера, Гейне, Байрона, Вальтера Скотта, Андре Шенье.

¹ Илья Чавчавадзе, Избранное, Тбилиси, 1952, с. 181—182.

В студенческие годы Илья Чавчавадзе, как и другие представители молодой прогрессивной грузинской интеллигенции, находившиеся в то время в Петербурге, стал убежденным последователем вождей русской революционной демократии — Белинского и Герцена, Чернышевского и Добролюбова, Некрасова и Салтыкова-Щедрина. Илья Чавчавадзе вступил в тесное общение с Чернышевским и с редакцией «Современника». Под благотворным воздействием «властителей дум» русской разночинной интеллигенции окончательно сложились общественно-политические и эстетические воззрения великого грузинского писателя.

Исключенный в 1861 году из университета за участие в революционных выступлениях передового русского студенчества, Илья Чавчавадзе в начале 60-х годов возвращается на родину и становится во главе молодого поколения писателей и общественных деятелей, известного в истории грузинской общественной мысли под названием «Пирвели даси» («Первая группа»), или «Тергдалеулеби» («Испившие из Терека» — то есть ездившие в Россию).

Первая же статья писателя, «Несколько слов о переводе князем Ревазом Эристави «Безумной» Козлова», опубликованная в журнале «Цискари» («Заря») в 1861 году, положила начало острым идейным схваткам между консервативно-реакционной группой грузинских литераторов и плеядой прогрессивно-демократической, революционно настроенной интеллигенции. Эта борьба между «отцами» и «детьми» (как ее именуют в истории грузинской общественной мысли) составила целую эпоху в развитии грузинской литературы и общественной жизни. В этой статье Илья Чавчавадзе нанес сокрушительный удар по патриархальным взглядам «отцов», по архаическому, оторванному от народа литературному языку, по тому косному и отсталому, что тормозило развитие жизни по пути прогресса.

Вокруг Ильи Чавчавадзе в разгоревшейся борьбе сплотились такие выдающиеся представители новой грузинской культуры, как Акакий Церетели, Нико Николадзе, Георгий Церетели, Яков Гогешвили, Кирилл Лордкипанидзе и другие. Вскоре по инициативе Ильи Чавчавадзе были созданы печатные органы нового литературного поколения: «Сакартвелос моамбе» («Вестник Грузии»), «Иверия» («Грузия»), «Кребули» («Сборник»), «Дроеба» («Время») и др. Наступила новая эпоха в развитии грузинской литературы и общественной мысли, порожденная теми глубокими сдвигами, которые произошли в экономической и социальной жизни России и Грузии пореформенной поры.

Поэтическим манифестом нового, реалистического литературного движения явились слова Ильи Чавчавадзе из его знаменитого программного стихотворения «Поэт»:

Не учусь у птиц залетных, —
Я иному гласу внемлю.
Не для сладких песнопений
Небом послан я на землю. . .

. . . У всевышнего престола
Сердце я зажгу, как факел,
Чтоб всегда служить народу,
Путь торя ему во мраке.

Чтобы стать народу братом,
Другом в счастье и в печали,
Чтобы мне его страданья
Мукой душу обжигали. . .

Убежденный последователь материалистической эстетики Белинского и Чернышевского, Илья Чавчавадзе писал: «Искусству уже пора отказаться от «парения в облаках». . . пора ему спуститься на самое дно жизни и там обрести идеи для своих животворных картин. Там, у корня жизни, оно найдет множество драгоценных жемчужин и еще больше — грязи и тины; искусство должно безбоязненно рисовать и то и другое». Великий писатель-реалист настойчиво проповедовал тесную связь искусства и науки с жизнью народа: «Жизнь есть корень, а наука и искусство — стебли, выросшие на нем. Подобно тому, как взошедшие из земли растения дают плоды и, дойдя до зрелости, возвращают земле семена, чтобы произвести новые корни, которые выпустят новые стебли, так и произрастающие из жизни наука и искусство приносят свои плоды и возвращают жизни семена для того, чтобы зародилась новая жизнь». ¹

В противовес некоторым поэтам из лагеря «отцов», безнадежно оплакивавшим «былое величие» родины, Илья Чавчавадзе призывал:

. . . Что пользы плакать над давно забытым,
Жестокой дланью времени убитым,
Что проку над былой грустить бедою?!
Пора идти нам за иной звездой.

¹ И. Чавчавадзе, Полн. собр. соч., т. 3, с. 68—69.

Пора глядеть нам в будущие годы,
Ковать судьбу грузинского народа.

(«Грузинке-матери»)

Своими неувядающими художественными творениями: поэмами, стихами, рассказами, повестями, в которых важнейшие социальные процессы того времени нашли острокритическое отображение, Илья Чавчавадзе открыл новые страницы в грузинской литературе. Целую эпоху в развитии грузинской литературы и общественной мысли составил журнал «Сакартвелос моамбе», вокруг которого сплотились лучшие жизнеспособные силы новой грузинской литературы. На страницах этого журнала Илья Чавчавадзе опубликовал ряд своих значительнейших произведений, гневно бичевавших пороки феодально-самодержавного строя и крепостничества. Однако его существование оказалось кратковременным. Все реакционные силы общества злобно ополчились против этого боевого органа передовой мысли. И на исходе 1863 года «Сакартвелос моамбе» перестал выходить. После его закрытия Илья Чавчавадзе был вынужден поступить на государственную службу. В 1864 году он назначается чиновником по особым поручениям при кутаисском губернаторе. На него возлагается выяснение взаимоотношений между крестьянами и помещиками. Через несколько месяцев его перевели в Душети, где он был назначен сперва мировым посредником, а потом мировым судьей. Почти целое десятилетие провел Илья Чавчавадзе в Душети и за время своей служебной деятельности снискал любовь местного крестьянства.

Переехать в Тифлис на постоянное жительство писателю удалось лишь в 1873 году, когда окончательно было решено учредить Грузинский земельный банк. Илья Чавчавадзе был избран председателем правления Грузинского земельного банка. Организуя это кредитное учреждение, Илья Чавчавадзе и другие его инициаторы стремились создать материальную базу для поддержки национальных культурных учреждений: театров, книгоиздательств, учебных заведений.

Вскоре осуществилась заветная мечта Ильи Чавчавадзе — образование печатного органа прогрессивно-демократической интеллигенции. С января 1877 года начала выходить редактируемая Илеей Чавчавадзе газета «Иверия», которая спустя два года была преобразована в ежемесячный журнал, а с 1886 года «Иверия» снова стала газетой, изданием которой он продолжал руководить до начала двадцатого столетия. «Иверия» сыграла огромную роль в политической и культурной жизни страны. Ее ближайшими сотрудниками на

протяжении ряда лет были выдающиеся грузинские писатели и общественные деятели второй половины прошлого века.

Из года в год расширялась арена деятельности Ильи Чавчавадзе и возглавлявшейся им плеяды писателей и общественных деятелей. В самом конце 70-х годов по инициативе Ильи Чавчавадзе и Д. Кипиани было организовано «Общество по распространению грамотности среди грузин», сыгравшее исключительную роль в общении народных масс к образованию и в развитии национальной культуры в целом. С 1886 года Илья Чавчавадзе стал председателем общества и, продолжая активную работу в нем до самых последних дней своей жизни, оставил ему по завещанию все свое состояние.

Деятельность этого общества, к которой были причастны все лучшие представители грузинской культуры того времени, имела первостепенное значение для национально-освободительного движения.

Общество на собственные средства развернуло по всей Грузии сеть начальных школ, в которых обучение велось на родном языке; по инициативе общества открылись грузинские гимназии сначала в Тифлисе, а потом в Кутаиси. Оно возглавило работу по собиранию и изучению рукописных памятников древней грузинской литературы, а также по записи и опубликованию богатств национального фольклора. Велика была личная заслуга Ильи Чавчавадзе также в восстановлении (с начала 80-х годов) и дальнейшем развитии грузинского драматического театра.

Придавая большое значение изучению истории родной страны, Илья Чавчавадзе содействовал организации работы по собиранию и систематизации памятников старины, по созданию национального музея, по научной разработке проблем грузинской историографии. Осуществление всех этих мероприятий постоянно встречало противодействие «властей предрержащих» и требовало от писателя неимоверных усилий, энергии и мужества.

Но, неустанно борясь против колонизаторской политики царизма, Илья Чавчавадзе вместе с тем воспитывал грузинский народ в духе братской любви к русскому народу и его великой культуре. Он высоко ценил представителей передовой русской литературы: Пушкина и Лермонтова, Гоголя и Некрасова, Толстого и Тургенева, Герцена и Белинского, Чернышевского и Добролюбова. Писатель всегда с искренней признательностью говорил о большом благотворном влиянии передовой русской литературы на развитие грузинской культуры. «Ясно, что русская литература оказала большое, руководящее влияние на путь нашего развития, оказала воздействие на то, что

составляет нашу духовную силу, наше сознание, нашу мысль. Она оказала свое положительное влияние на наши чувства и устремления... Нет среди нас ни одного общественного и литературного деятеля, который не носил бы на себе следов воздействия русской литературы»,¹ — писал Чавчавадзе. Вооруженные прогрессивными идеями, грузинские шестидесятники выработали свою общественно-политическую программу, учитывавшую своеобразие грузинской действительности.

В 1899 году, в статье, посвященной столетию со дня вступления русских войск в Грузию, Илья Чавчавадзе писал: «С этого памятного дня Грузия обрела покой. Покровительство единоверного великого народа рассеяло вечный страх перед неумолимыми врагами. Успокоилась давно уже не ведавшая покоя усталая страна, отдохнула от разорений и опустошений, от вечных войн и борьбы. Исчез грозный блеск занесенного над страной и нашими семьями вражеского меча, исчезли полыхавшие пожары, в которых гибли дома и имущество наших предков, канули в вечность грабительские набеги, оставившие лишь страшные воспоминания. Наступило новое время, время покоя и безопасной жизни для обескровленной и распятой на кресте Грузии».²

Так ясно и убедительно выражал Илья Чавчавадзе чувства признательности и любви грузинского народа к своему великому северному соседу, с которым добровольно и навеки связала Грузия свою судьбу. В мировоззрении, в творчестве и деятельности Ильи Чавчавадзе нераздельно переплелись высокое интернациональное сознание и пламенные патриотические чувства, беззаветная мечта о возрождении поработенной родины и освобождении ее от национального и социального гнета.

В поэме «Видение», в «Записках проезжего» и в лирических стихотворениях он с огромной любовью воспел родину и воплотил вольнолюбивые мечты своего народа. Поэт твердо верил, что народ поднимет со дна Базалетского озера колыбель, в которой, по преданию, лежал отрок — символ счастья и свободы народа:

Если так, прославим всенародно
Витязя, кто, силы чудной полн,
Первый в мире в сад сойдет подводный
И подымет колыбель из волн!

¹ И. Чавчавадзе, Полн. собр. соч., т. 8, с. 332.

² Там же, т. 4, с. 216.

Да хвалима будет во вселенной
Мать, которая, от всех вдали,
Грудью выкормит благословенной
Отрока — надежду всей земли!

(«Базалетское озеро»)

В народе видел Илья Чавчавадзе единственную силу, способную выковать свободу и счастье человечества. Поэтому и сетовал он на грузинских летописцев, больше писавших о царях и войнах, чем о деяниях народа — подлинного творца истории.

В поэме «Видение» поэт вдохновенно воспевал борьбу передового человечества за социальное обновление жизни, он выразил неколебимую уверенность в том, что идеи свободы и правды восторжествуют в мире:

Освобожденье честного труда —
Вот в чем задача нынешнего века.
Недаром бурь народных череда
Встает во имя братства человека.
Не устоит отживший старый мир
Перед могучим вихрем обновленья,
Не выдержат грабитель и вампир
За правду справедливого сраженья.
Падут оковы, рушится оплот
Проклятого насилья мирового,
И из побегов новых расцветет
Страна моя, родившаяся снова.

В духе светлых социальных идеалов изображал Илья Чавчавадзе свою современность, писал о будущем. В шедевре сатирической прозы «Человек ли он?» писатель показал смертельную обреченность старого, реакционного мира. В повести «Рассказ нищего» и в поэме «Несколько картин, или Случай из жизни разбойника» он нарисовал замечательные образы мужественных сынов крестьянства, с оружием в руках восставших против озверелых господ-помещиков. В этих произведениях писатель воплотил идею крестьянской революции. Следует отметить, что слово «революция» в грузинской литературе впервые прозвучало со страниц «Записок проезжего» Ильи Чавчавадзе: «Да не испугает тебя слово *революция*, читатель! Революция есть начало успокоения!»¹ — писал он в этом своем знаменитом программном произведении. В своем беллетристическом шедевре «Отаро-

¹ Илья Чавчавадзе, Избранное, с. 182.

ва вдова» он показал, что и после пресловутой «крестьянской реформы» интересы дворянства и крестьянства остались по-прежнему непримиримыми. Следует отметить, что все свои произведения, разоблачающие уродство феодально-крепостнического строя, Илья Чавчавадзе опубликовал именно после крестьянской реформы. Следовательно, он считал необходимым продолжить борьбу против феодального правопорядка, по существу остававшегося в силе и после лживого, лицемерного «освобождения» крестьян.

В философской поэме «Отшельник» поэт с большой художественной силой показал несостоятельность бегства от действительности и тем самым выступил сторонником действенной борьбы, о которой с такой поэтической взволнованностью писал он в начале своей творческой жизни в «Записках проезжего».

Венцом гражданской лирики Ильи Чавчавадзе является стихотворение «День падения Коммуны». Это стихотворение — честь и слава всей грузинской классической поэзии прошлого века. В нем поражение Парижской коммуны расценивается как задержка хода истории и обновления мира, как временное торжество темных сил тирании и мракобесия:

Стяг надежды угнетенных,
Обездоленных спасенье...
Вновь тебя швырнули наземь
Силы зла и угнетенья!..

...Вновь История застыла,
Дальше двигаться не смея, —
И справляют пир кровавый
Победители-злодеи.

Илья Чавчавадзе был пламенным поборником дружбы и братства народов. Он мечтал о братском единстве «племен Кавказа боевого», он с огромным сочувствием отзывался об освободительной борьбе народов мира и клеймил позором империалистические, захватнические стремления «больших и малых хищников Европы». Восторженными стихами отозвался поэт на героический подвиг итальянского народа, самоотверженно боровшегося под водительством Гарибальди за национальное освобождение и объединение родины. Поэт выразил страстное желание слышать и в родной стране подобный «звук цепей спадающих»:

Слышу звук цепей спадающих,
Звук цепей неволи древней!

Не гремела никогда еще
Правда над землей так гневно.

Слышу я — и в восхищении
Грудь живой надеждой дышит
Вешний гром освобождения
И в родной стране услышать.

(«Слышу звук цепей спадающих. . .»)

Это стихотворение писал двадцатитрехлетний Илья Чавчавадзе. Он мечтал поехать в Италию, вступить в войска Гарibaldi и сражаться за справедливое дело освобождения итальянского народа. Молодой поэт глубоко сожалел, что эта его благородная мечта оказалась неосуществимой. В своей газете «Иверия» Илья Чавчавадзе с большим сочувствием освещал борьбу ирландского народа против английских поработителей, освободительную борьбу народов Балканского полуострова, предсказывал светлое будущее великих народов Китая и Индии. Как будто сегодня написаны замечательные слова Ильи Чавчавадзе, изобличающие поджигателей войны из лагеря империалистических стран Запада: «Куда ни поглядишь, отряды формируются за отрядами. Изю всех сил увеличиваются войска, изготовляют оружие, пушки и порох и вместе с тем клянутся, что, кроме мира, они ни о чем не помышляют. Трудно представить себе, какие огромные средства выкачиваются из кармана народов и расходуются во имя этого вооруженного мира».¹

Выдающийся поэт и прозаик, Илья Чавчавадзе одновременно был основоположником грузинской литературной критики, крупнейшим публицистом своего времени. Его статьи по истории и социологии, по экономическим проблемам, о народном просвещении, по вопросам языкознания, этнографии, фольклора характеризуются глубокой эрудицией, большой принципиальностью, боевой целеустремленностью.

Наступление XX века Илья Чавчавадзе встретил знаменитой статьей «19-й век». Подытоживая великие достижения минувшего столетия, он самым ценным и важным из них считал то, что «девятнадцатый век объявил идеалом социального строя упразднение неравномерного распределения имущества и доходов между людьми, упразднение всякого рода классового господства и, по возможности, всякого классового различия».²

¹ И. Чавчавадзе, Полн. собр. соч., т. 9, с. 49.

² Там же, т. 5, с. 8.

Вместе с тем Илья Чавчавадзе в конце прошлого века считал, что «сегодня между бедным и богатым, между сильным и слабым межа еще шире, чем она была когда-либо в прошлом. И в этом заключается вся горечь и боль, ликвидировать которые девятнадцатый век завещал будущему веку». ¹ Несмотря на известные колебания от демократизма к либерализму, которыми, начиная с 80-х годов, характеризуется мировоззрение Ильи Чавчавадзе, он до конца своей жизни и деятельности оставался преданным тем социальным идеалам, поборником которых выступал еще в начале 60-х годов. Однако в эпоху зарождения и подъема пролетарского революционного движения в Грузии он не смог сохранить за собой то главенствующее место в общественной жизни, какое занимал в предшествующие десятилетия. Его социальные идеалы не были свободны от некоторых реформистских иллюзий и веры в «примирение сословий». Он не поднялся до уровня мировоззрения революционного пролетариата, теории научного социализма. Тем не менее его художественные творения способствовали революционному воспитанию народа. В годы первой русской революции он бесстрашно выступал против разгула черносотенных сил. А в 1906—1907 годах, будучи членом Государственного совета, он требовал отмены в России смертной казни и проведения широких аграрных и социальных реформ.

В исключительно богатом и разнообразном как по идейно-тематическому содержанию, так и в жанровом отношении творческом наследии Ильи Чавчавадзе первенствующее место занимают его стихотворения и поэмы. Они составляют целую эпоху в многовековой истории грузинской поэтической культуры.

Илья Чавчавадзе и Акакий Церетели явились основоположниками реалистической лирики в грузинской литературе XIX века. Они теснейшим образом связали поэзию с прогрессивными идеями своего времени, с возвышенными стремлениями народа. «Тонкий кончик пера» Ильи Чавчавадзе уподобился острию «могучего и грозного меча». Источником поэтического вдохновения писателя стала действительность современной ему Грузии.

В стихотворении «Поэт» впервые нашла свое воплощение гражданская целеустремленность грузинской реалистической лирики. Правда, в этом стихотворении возвышенное представление о поэзии выразилось в метафоре пламенеющего в сердце божественного, жертвенного огня, а поэт представлялся собеседником бога и

¹ И. Чавчавадзе, Полн. собр. соч., т. 5, с. 9.

посланцем небес, но все назначение поэта и весь смысл его песен определялись интересами народа, его идеалами и устремлениями. Быть вдохновителем народа, осушать его слезы — вот единственное призвание поэта. Илья Чавчавадзе ополчился против беспочвенного эстетства, против реакционной теории «искусства для искусства». И хотя лучшие произведения грузинской классической поэзии и до Ильи Чавчавадзе отличались большим гражданским пафосом и высоким идейным звучанием, но такая непосредственная связь стиха с злободневными запросами живой действительности была в грузинской поэзии новым и безусловно глубоко прогрессивным явлением.

Илья Чавчавадзе со всей определенностью восстал против архаических, консервативных тенденций, распространенных в грузинской литературе первой половины XIX века, и в частности против безутешного оплакивания прошлого, былого величия родины. Как известно, в творчестве отдельных грузинских поэтов начала века нашли выражение социальная скорбь, чувства разочарования и обреченности, которыми была охвачена грузинская интеллигенция в связи со сложившейся в стране новой политической обстановкой. Подавление национального самосознания и потопление в крови крестьянских восстаний, раскрытие и разгром заговора 1832 года создали духовную атмосферу, породившую в грузинской литературе этого периода чувства безнадежности, глубокого уныния и отчаяния.

Поэты-романтики Александр Чавчавадзе, Григола Орбелиани и другие с грустью отворачивались от окружавшей их ненавистой реальности. Они с безграничной тоской горевали о великом прошлом и в воспроизведении исторических эпизодов или в пленительных пейзажах искали успокоения, а зачастую эпикурейскими мотивами забвения и опьянения пытались отгородить свой духовный мир от окружавшей их жестокой и мрачной действительности. Конфликт между свободомыслящей личностью и суровой общественной обстановкой с наибольшим драматизмом выражен в поэзии Николоза Бараташвили, лирический шедевр которого «Мерани» является глубочайшим символом непокорности злой судьбе, неукротимого искания выхода и мужественного устремления к светлому будущему.

Илья Чавчавадзе вывел грузинскую лирическую поэзию на совершенно иной путь: поэзии плача над утраченным величием, проникнутой настроениями обреченности и безысходности, он противопоставил лирику борьбы за будущее народа, лирику, устремленную к грядущему, к «иной звезде».

Это, конечно, не означало огульного отрицания лучших творческих традиций предыдущих поколений поэтов, и в частности замечательной плеяды грузинских поэтов-романтиков. Наоборот, анализ поэтического творчества Ильи Чавчавадзе показывает, что если, с одной стороны, его поэзия положила начало возникновению и развитию реалистической лирики, то, с другой стороны, она поднимала на новую ступень и развивала славные творческие завоевания его непосредственных предшественников. В нарисованных им пейзажах Казбека и Терека отчетливо сказывается его родство с поэтическими традициями большого мастера изображения природы Григола Орбелиани. Что же касается отзвуков поэзии Николоза Бараташвили в творчестве Ильи Чавчавадзе, то они отчетливо ощущаются во всех крупнейших поэтических произведениях основоположника грузинской реалистической литературы. Не случайно А. Церетели в одной из своих литературно-критических статей упоминает имя Ильи Чавчавадзе рядом с именем Н. Бараташвили. Духовное родство этих двух великих поэтов было очевидным при всем новаторстве молодого поэтического поколения.

Основное содержание лирической поэзии Ильи Чавчавадзе определялось проблемами и тематикой современной ему социальной действительности. Однако в его поэтическом наследии есть целый цикл стихов, написанных на интимно-любковые темы. Многие из этих стихов отмечены задушевной нежностью, глубокой эмоциональностью и непосредственностью переживаний. Этим объясняется их большая популярность. И сейчас народ поет в Грузии такие его лирические стихи, как «Помнишь, любимая, в нашем большом саду...». Захватывающим лиризмом пронизано и стихотворение, посвященное С. Чайковской (сестре великого композитора).

С замечательным поэтическим искусством изображал Илья Чавчавадзе духовный мир своего лирического героя, охваченного болью и тревогой, обреченного на сиротство и одиночество в ненавистном ему общественном окружении:

Темно вокруг, и на душе темно,
И это сердце — холода жилище.
Ни в ненависти, ни в любви — равно
Душа моя не обретает пищи.

(«Темно вокруг, и на душе темно. . .»)

Поэт проникает в глубинные пласты духовной жизни молодого своего современника и чутко улавливает и передает драматизм

конфликта между его чувством и убивающим все возвышенные порывы «холодным разумом»:

Юные сны расточились, как легкие тени,
Юное сердце покинуто верою ранней,
Радость убита холодным дыханьем сомнений,
И облетели цветы молодых упований.

Тщетным огнем неземную любовь называя,
Крылья подрезал мне разума вкрадчивый холод,
Чистого чувства померкла святыня былая. . .
Горе тому, кто в года молодые не молод!

(«Юность, где сладость твоя? . . .»)

Неувядаемой жемчужиной грузинской лирической поэзии прошлого века является небольшое стихотворение Ильи Чавчавадзе о смысле человеческого бытия, высшей красоте и радости жизни, долге человеческой личности:

Пустую жизнь без вдохновения
Небесным даром не зови:
Она — земное порождение
И достояние земли.

Но если искрою нетленную
Твой подвиг западет в сердца,
Ты светом озаришь вселенную
И не изведает конца.

Хвала любви! Хвала бесстрашию!
Служителю добра — хвала!
Он пьет бессмертье полной чашею
В награду за свои дела.

(«Пустую жизнь без вдохновения. . .»)

Но магистральная идейно-тематическая линия поэзии Ильи Чавчавадзе определялась борьбой за освобождение угнетенного царизмом народа, за социальный прогресс. Достоинство Ильи Чавчавадзе как поэта заключается в том, что злободневные социальные идеи им глубоко прочувствованы и органически слиты со всей его душевной сущностью. Поэтому в его творениях мы имеем не сухую риторическую апологетику этих идей, а сложную систему их поэтического воплощения, облечения их в художественную форму, глубоко проникающую в сознание и сердце читателя.

О своих светлых общественных идеалах поэт говорит в стихах с взволнованной искренностью и подлинным поэтическим вдохновением:

С тех пор как я любви к тебе почувствовал волнение,
О родина, исчез мой сон и радость миновала.
Хочу я пульса твоего улавливать биенье,
И с этим я кончаю день и жду его начала.

Упорно думаю о том, и крепнут мысли эти,
Упорно чувства всё растут, мне сердце наполняя,
Но я не жалею и рад, что так живу на свете,
Всё время в думах о тебе, страна моя родная. . .

(«С тех пор как я любви к тебе почувствовал волнение. . .»)

И действительно, на протяжении всей своей жизни поэт чутко прислушивался к биению пульса родной страны. Чувством самоотверженной преданности родине вдохновлены его исповедальные лирические монологи:

О перо мое, друг мой, — для дела живого,
Не для славы — мы служим, как прежде служили.
Смело скажем народу святое мы слово,
Чтобы недруги наши повержены были.

(«О перо мое, друг мой, — для дела живого. . .»)

Мужеством и бесстрашием в борьбе за счастье народа проникнуты стихи поэта, с большой глубиной выражающие духовный облик их лирического героя — пламенного патриота родины:

Пусть я умру, в душе боязни нет,
Лишь только б мой уединенный след
Заметил тот, кто выйдет вслед за мною,
Чтоб над моей могильною плитою,
Далекий житель солнечных долин,
Склонился мой возлюбленный грузин
И голосом, исполненным участия,
Мне пожелал спокойствия и счастья. . .

(«Пусть я умру, в душе боязни нет. . .»)

Поэзия Ильи Чавчавадзе никогда не уединялась в «башню из слоновой кости». Она всегда звучала для народа, будила сознание людей, воодушевляла их на благородные подвиги, возвышала нравственно, звала к грядущему.

С суровой правдивостью поэт рисовал картины беспросветной жизни своей поработанной родины, порицал павших духом, утративших мужество и прославлял геройство и отвагу, благодаря которым народ отстоял на протяжении столетий свое национальное существование:

Прошли года. То миновало время.
Тяжелой скорби и неволи бремя
Сломило силу гордого смятенья,
Стал сын твой призраком, безгласной тенью.

Скажи, — где меч и воля наших дедов,
Где их рука, где доблесть их, поведай?
Где подвиги, порыв во имя славы,
Борьба с поправшими и честь, и право?

(«Грузинке-матери»)

Нередко поэт прибегает к приему контрастов, чтобы в наиболее ярких и действенных образах воспроизвести угнетенное состояние родины. На таком приеме построены два замечательных его стихотворения «Весна» и «Элегия», в которых поэт дает пленительные картины грузинской природы, с тем чтобы на их фоне и в противопоставлении им ярче показать картины суровой и мрачной жизни народа.

В стихотворении «Весна» («Лес расцветает нарядный...») конденсированно, двумя-тремя скупыми штрихами воссоздается картина весеннего пробуждения природы:

Лес расцветает нарядный,
Ласточки в небе поют,
Листья лозы виноградной
Слезы весенние льют.

Горы всё краше да краше,
Луг разноцветный пригож...

Создаваемое этим светлым весенним пейзажем радостное настроение неожиданно прерывается скорбным вопросом, обращенным к родине:

Милая родина наша,
Ты-то когда расцветешь?

Аналогичным художественным приемом написана и «Элегия». Здесь поэт рисует величественную панораму спящей природы, лунной ночи. В мире воцарился покой и сон, лишь изредка нарушаемый стоном. И резким диссонансом этой очаровательной картине звучат слова лирического героя, отвергающие сон и бездействие и выражающие стремление народа к пробуждению:

Стою один... И тень от горных кражей
Лежит внизу, печальна и темна.
О господи! Всё сон да сон... Когда же,
Когда же мы воспрянем ото сна?

В этом стихотворении на язык лирики переложена мысль, которая была высказана поэтом ранее в «Записках проезжего»: полный тревог и страданий день лучше покойного и мирного сна ночи. «Элегия» относится к тем образцам реалистической лирики, в которых картины природы органически сливаются с переживаниями лирического героя.

Илья Чавчавадзе прибегал к многообразным поэтическим жанрам. В его поэтическом арсенале — острое оружие сатиры, которым он беспощадно разил хозяев тогдашней жизни и всех рабелепствовавших перед ними.

Среди образцов его сатирической поэзии выделяются стихотворения «Как поступали, или История Грузии XIX века» и «Счастливая нация». Первое обличало грузинскую дворянскую знать, которая, угнетая бесправный народ, вела паразитический образ жизни. С еще большей суровостью обличал поэт бездеятельность, моральную и умственную деградацию дворянского сословия в другом сатирическом стихотворении — «Счастливая нация».

Однако Илья Чавчавадзе не ограничивался только острой и поистине сокрушительной сатирой. Действенная сила его патриотической лирики в том и заключалась, что в ней отчетливо звучал ободряющий голос, рождающий веру и боевой энтузиазм. Светлым оптимизмом дышит стихотворение «Славная родина, что ты сегодня грустна? . . .», в котором поэт воспекает неиссякаемые силы народа, боевой порыв молодежи, призванной возродить отчизну:

Старых не стало, зато молодые пришли
И восстановят величье любимой земли.
. . . Младшие выросли — крепкий, упорный народ.
Им ты всечасно предмет и забот и работ.

Им ты доверься, они не изменят тебе,
Доблестью их просияешь в превратной судьбе.

Родина, клад мой бесценный, зачем ты грустна?

*(«Славная родина, что ты
сегодня грустна? . .»)*

С таким воодушевляющим словом обращался поэт к родине. Его «Колыбельная» («Нана») — гимн самоотверженности и бесстрашия в борьбе за свободу.

Сердце разожги огнем,
Ринься на врага, как гром!
Не жалея юной жизни,
Подари ее отчизне! —

поет мать лежащему в колыбели младенцу. Нетрудно понять, с какой силой отзывались в народном сердце слова поэта:

Сладкая родная грудь,
Смертоносным ядом будь
Для того, кто милой жизни
Не отдаст своей отчизне,
Чтоб вовек жила она!

Или же:

В том, дитя, величье есть:
В жертву жизнь свою принесть —
Стать бессмертным, умирая
За судьбу родного края!

В ряде стихотворений Илья Чавчавадзе прибегал к аллегорической форме воплощения своего идеала. Образцом такой аллегорической лирики является «Базалетское озеро» — стихотворение, которым завершилось поэтическое творчество Ильи Чавчавадзе.

Украшением гражданской лирики поэта справедливо считаются поистине неувядаемые стихи, в которых поэт рисует тяжелую участь трудового человека в условиях крепостного строя.

В одном из лучших его стихотворений «Пахарь» крестьянин, сознающий весь ужас своего положения, обращается к быку:

Вол мой, Лаба, общию судьбою
Мы к земле прикованы с тобою.

Будем лямку преданно тянуть,
Завершать безрадостно свой путь,
Резать пашню без конца, без края,
Глыбы дерна потом орошая.

По своему подневольному положению в крепостническом обществе крестьянин был приравнен к волу, его так же обрекали на изнурительный беспросветный труд, плодами которого безраздельно пользовались помещики. Крестьянин же, в котором пока еще не пробудилось чувство протеста и сознание возможности противодействия злу, как бы смирившись с судьбой, говорит своему Лабе:

Верь, мой Лаба: мне и жизнь сама —
Тяжелее твоего ярма.
Что ж грустить? Судьба твоя такая —
Верный плуг тянуть не уставая.
Старого товарища любя,
Ты корми его, как он — тебя!

Пахарь хорошо знал, что ярмо вола ничем не отличалось и уж во всяком случае было никак не тяжелее того ярма, под которым стояло трудовое крестьянство, и поэтому он считал рабочего вола своим собратом по неволе.

Едва ли в каком-либо другом поэтическом произведении 60-х годов с такой остротой и потрясающей силой нарисовано рабское положение крестьян в условиях крепостничества. «Пахарь» дышал гневным протестом против отжившего, уродливого социального строя и звал народ на борьбу с ним.

В поэтическом наследии Ильи Чавчавадзе особое место занимает стихотворение «Муша» («Носильщик»), в котором поэт, впервые в грузинской поэзии, создал образ крестьянина, бежавшего от барской плетки и ставшего в городе жертвой непосильного труда и бесчеловечной эксплуатации.

С глубоким состраданием описывает поэт сцены из тяжелой жизни своего героя:

Низко ты склонился под мешком, бедняга!
Хриплое дыханье сотрясает грудь,
Прилипает к телу потная рубаха,
Подкосились ноги, шагу не шагнуть!

Все стихотворение состоит из эпизодов, характеризующих тяжкое положение муши. Гневно осуждает поэт равнодушие, жестокость,

с какой относились к честному труженику люди из привилегированных классов.

Этим стихотворением, написанным в 60-е годы прошлого века, грузинская поэзия сделала большой шаг вперед в сторону реализма, правдивого изображения социальных пороков и язв, революционного их изобличения.

Но самым ярким показателем того, как обогатил Илья Чавчавадзе грузинскую поэзию идеями общечеловеческого значения, насколько расширил он диапазон родной литературы, служит известное стихотворение «День падения Коммуны». В нем поэт страстно отозвался на самоотверженную борьбу парижских коммунаров и вдохновенно восславил их бессмертный подвиг.

Поэт смело и решительно становится на сторону побежденного рабочего класса Парижа:

Вновь народ великодушный
Обречен влачить оковы,
Вновь главу его святую
Увенчал венец терновый.

Отчетливо и ясно выразил поэт свое отношение к двум враждебным друг другу социальным силам, столкнувшимся в этой великой борьбе. Одну из них поэт клеймит позорным именем «победителей-злодеев», а другую вославляет как провозвестницу прогресса и обновления жизни человечества.

Русский литературовед В. Гольцев отметил, что «не только в грузинской, но и в русской поэзии того времени не найдется другого стихотворения, прославляющего с такой силой и ясностью мысли борцов Парижской коммуны 1871 года...».¹

К числу особо выдающихся образцов богатой и многообразной грузинской эпической поэзии прошлого века относятся поэмы Ильи Чавчавадзе. Наиболее ранним из его произведений этого жанра является поэма «Видение», в которой совсем еще юный поэт выразил основные идеи, определившие впоследствии содержание и характер всей его творческой и общественной деятельности.

Поэма открывается монументальным пейзажем Казбека и Терека, эмоционально подготавливающим читателя к появлению мудрого старца, от лица которого и ведется в основном поэтический монолог. Во вступлении поэт проявил себя замечательным мастером поэтической живописи. Возвращенный на традициях превосходных художни-

¹ Виктор Гольцев, Из трех книг. Статьи и очерки, Тбилиси, 1970, с. 148.

ков природы — грузинских романтиков, Илья Чавчавадзе рисует эпически величавую картину Казбека, озаренного лучами восходящего солнца:

Зажглось над миром дивное светило
И, разогнав остатки темноты,
Величественным светом озарило
Кавказских гор высокие хребты.

И в этот миг, над горною грядою
Блистая белоснежной головой,
В пространстве между небом и землею
Возник Казбек, суровый и немой.

Фонетический строй стиха, музыкальный рисунок фразы органически создают физическую осязаемость образа. Далее статичной картине величавого и безмолвного Казбека как бы противопоставлено описание неукротимого и бушующего Терека:

Могучий Терек, волны погоняя,
Как злобный лев, метался и стонал.
Прислушиваясь к яростному вою
Мятежного питомца своего,
Громада гор стояла над водою
И повторяла возгласы его —

того Терека, глубокую любовь к которому поэт отчетливо выразил в своих «Записках проезжего».

В этих картинах, с одной стороны, отзвук и продолжение традиций пейзажного мастерства Григола Орбелиани — поэта, который дал поистине непревзойденное изображение бушующего Терека, и в то же время истоки той «поэзии гор», несравненным художником и певцом которой был Важа Пшавела, прозванный народом «горным орлом».

В «Видении» Илья Чавчавадзе воспета Арагва, и этим поэма как бы переключается с романтическим гимном Николоза Бараташвили, посвященным Арагве. Новаторство Илья Чавчавадзе как поэта-реалиста заключалось в том, что его пейзаж всегда был насыщен социальным смыслом, наиболее полному и четкому выражению которого служил весь арсенал его изобразительных средств. Не волшебные картины природы, а прежде всего Грузия, ее исторические судьбы, ее прошлое, настоящее и будущее владеют мыслями и чувствами героя поэмы:

Но ни леса, ни горы, ни долины,
Ни залитый сияньем небосклон
Не привлекали старца, и с вершины
Не их красую любовался он.

Он вдаль глядел. От края и до края
В многообразном шуме бытия,
Как некая жемчужина живая,
Пред ним лежала Грузия моя.

Этот «шум бытия» — живая социальная действительность, жизнь народа с ее бедами, глубокими противоречиями — составляет основную тему поэмы. Вместе с тем в этом первом своем крупном произведении молодой тогда поэт воссоздает героические эпизоды прошлого родной страны.

В словах старца, обращенных к родине, восславлены «былая мощь» и «дедовская слава» и показано то рабское положение, на которое обрекла Грузию колонизаторская политика царизма, а также равнодушие и безверие «сынов Грузии» из привилегированных сословий:

Уж твой не верит сын, что, родину любя,
Возможно обновить погибшие твердыни.
Он веру потерял, страдая, и тебя
Покинул, словно храм, заброшенный отныне.

Мудрый старец — лирический герой поэмы — с патриотическим воодушевлением воскрешает славные страницы истории, героические свершения предков:

А вот и Мцхет — героев отчий дом,
Великой жизни дивная гробница!
Здесь древо жизни, славное в былом,
Впервые стало радостно ветвиться.

Его во славу прежних вольных дней
Вспоило сердце древнего картвела,
И радость, озарившая людей,
Как светлый ключ, в груди у них звенела.

Здесь Илья Чавчавадзе как бы переключается с первым грузинским поэтом-романтиком Александром Чавчавадзе, восславившим

в своем знаменитом стихотворении «Озеро Гокча» развалины «былого величия». Но в отличие от своих предшественников из плеяды романтиков Илья Чавчавадзе писал не о безнадежной скорби и отчаянии, он призывал к самоотверженному служению страдающей отчизне:

Покуда, возмужав и сердцем и умом,
Он не поймет основ общенародной жизни,
Покуда в ход ее не вникнет он с трудом, —
Чем может он помочь страдающей отчизне?

Бессмысленно ропща, он погрузится в мрак,
Испепелен навек судьбой своей плачевной,
И слез его поток есть несомненный знак
Бессилия его и немощи душевной.

Таким образом, полемизируя с поэтами-романтиками, Илья Чавчавадзе отвергает безутешные слезы, неверие и безнадежность и указывает направляемый разумом путь движения общественных сил. Именно в этом большая заслуга нового литературного поколения, выступившего на арену общественной жизни под водительством Илья Чавчавадзе.

Словами мудрого старца поэт порицает павших духом и зовет грузин к возрождению традиций мужества и отваги:

Увы, грузины, где же тот герой,
Кого ищу я в стороне родной?

Героя нет... И поле боевое
Давным-давно травой поросло,
И то, что было доблестью в герое,
Исчезло в вас и превратилось в зло.

Высшее назначение человека — в служении родине. Пожертвовать жизнью за ее свободу — первейшее благо и счастье. В этом убежден мудрый старец — герой «Видения» — и к этому зовет людей:

О, счастлив тот, кто в жизни удостоен
Великой чести биться за народ!
Благословен в бою погибший воин!
Его пример вовеки не умрет.

«Видение» было первым поэтическим произведением в грузинской литературе, отобразившим с большой разоблачительной силой язву

крепостного строя, ужасное бесправие и нищету трудового народа, беспредельную эксплуатацию и угнетение крестьянства.

На рубеже 50-х и 60-х годов прошлого века, когда еще со всей силой свирепствовало крепостничество, Илья Чавчавадзе своим «Видением» смело и мужественно поднял знамя борьбы за освобождение труда, за разрушение основ общественного строя, зиждившегося на эксплуатации человека человеком, за торжество социальной справедливости.

Впервые в грузинской литературе Илья Чавчавадзе показал в «Видении» трудового человека, беспощадно эксплуатировавшегося, понимающего весь ужас своего рабского положения и с негодованием отвергающего несправедливое устройство жизни:

Бедняк молчит, в слезах ломая руки,
Пощады просит взор его очей.
Куда уйти от голода и муки,
Как прокормить беспомощных детей?
Он думает: «Мой пот, моя забота,
Моя неутомимая работа,
И в дождь, и в слякоть беспросветный труд,
Мои невзгоды, беды и страдания,
Терпение, упорство, упованья, —
Жена моя! — что нам они дадут?»

О, горе мне! Тоска меня снедает,
Как ни трудись — плоды пожнет другой.
Раб трудится — хозяин поедает. . .
Где справедливость в мире, боже мой?»

Поэт выступает гневным обличителем построенного на бесчеловечном угнетении и рабстве общественно-политического строя и со всей суровостью и правдивостью вскрывает язвы господствовавшего уклада жизни:

Раба за человека не считают.
От матери младенца отнимают
И продают неведомо кому. . .
Со всей своею злобой сатанинской
Глумятся над любовью материнской,
Наперекор природе и уму.

Нетрудно представить себе, какое обличительное звучание имели эти строки в 60-е годы прошлого века, когда правопорядок, проти-

воречащий природе, уму и совести, безраздельно господствовал в стране.

Трудовой народ не должен надеяться на сочувствие господствующих классов, не их милосердие обновит и перестроит мир.

Подобно камню сердце богатея,
Он сам, увы, своих пороков раб.
Молить его — бесплодная затея
Для тех, кто в жизни немощен и слаб...

...Зачем ему творить добро народу,
Коль сам живет он бедствием людей,
Зачем чужую облегчать невзгоду,
Коль счастлив он благодаря лишь ей?

Но не только дворянское сословие, не одни помещики-князья угнетали народ. Так же ненавистны были трудовому человеку и другие грабители и поработители: вельможи, купцы, служители церкви. Они соперничали друг с другом в глумлении над народом, в похищении плодов чужого труда, в насилии и обмане, в издевательствах над человеческим достоинством труженика:

Вот предо мной вельможа именитый.
В каком довольстве пребывает он
В то время, как собрат его забытый
И голодом, и страхом удручен!

Представители класса буржуазии уже оспаривали в те времена у дворянства право первенства и превосходства:

Вот и купец. Улыбки расточая,
Торгует он, обманывая люд,
Пусть брат его погибнет, голодая, —
Он не моргнет и глазом, этот плут.

В этой паразитической своре блаженствовали и служители церкви, называвшие себя «духовными отцами» народа, призванными проповедовать добро и справедливость:

Вот и попы. Как говорит преданье,
Спаситель мира, к подвигу готов,
Народное им вверил воспитанье,
Они ж омыли руки от трудов!

И все они вместе, захватившие власть над народом, лишены и чувства, и мысли, и чести, и совести, и человеческого облика:

Но в мыслях их, и чувствах, и делах,
В улыбках безмятежных и слезах
Ни смысла нет, ни разума, ни веры,
И все они — лжецы и лицемеры. . .

. . . Там за подачку жалкую князей
И стар и мал продать себя готовы,
Сменили там на ржавые оковы
Честь и свободу родины своей.

Так смело и мужественно высказал Илья Чавчавадзе в лицо «хозяевам» жизни суровую правду о гнилости и обреченности их общества, пораженного социальными пороками и язвами. И вместе с тем поэт восславляет труд, предвещает ему освобождение и торжество:

Труд на земле давно поработен,
Но век идет, — и тяжкие оковы
Трещат и рвутся, и со всех сторон
Встают рабы, к возмездию готовы.

Освобожденье честного труда —
Вот в чем задача нынешнего века,
Недаром бурь народных череда
Встает во имя братства человека.

Не устоит отживший, старый мир
Перед могучим вихрем обновленья,
Не выдержат грабитель и вампир
За правду справедливого сраженья.

Так на пороге 60-х годов прошлого века поэт приветствовал и восславлял подъем трудового народа, его мужественную борьбу за обновление мира, за торжество свободного труда. Выступая вдохновенным певцом этой борьбы, Илья Чавчавадзе вселял в народ веру в то, что,

Вернув земле утраченный покой,
Свободный труд изгонит тунеядство.
И уж не будут праздною болтовней
Слова: свобода, равенство и братство.

Поистине, почувал человек,
Что он растет и борется по праву,
Что породить обязан этот век
Труда благословенную державу.

Грузинский литературовед П. Ингорква, глубокий исследователь жизни и творчества Ильи Чавчавадзе, совершенно правильно заметил, что, разрабатывая в начале 70-х годов новую редакцию «Видения», поэт находился под воодушевляющим влиянием мужественной борьбы парижских коммунаров, составляющей одну из самых величественных страниц в истории освободительной борьбы трудового человечества.¹

Лирический герой поэмы — появившийся на вершине Казбека старец — символ народного духа, его мудрости, его воли и неукротимого свободолюбия. Он мечтает о торжестве дружбы народов, о том светлом будущем,

Когда ручьи племен сольются воедино,
И, от последних бурь освобождая нас,
Могучая душа, достойная грузина,
С любовью осенит прославленный Кавказ!

Когда своим лучом священная свобода
Расплавит цепи зла и превозможет тьму,
И снова будет горд достойный сын народа,
Что он принадлежит народу своему.

«Видение» — ярчайшее поэтическое произведение, восславляющее борьбу трудового народа за разрушение мира тьмы и насилия, за обновление жизни человечества, за ее переустройство на основах свободы и справедливости. Создав эту поэму, Илья Чавчавадзе выступил выразителем революционных устремлений своего времени, достойным соратником Чернышевского и Добролюбова, Шевченко и Некрасова.

В другой своей поэме, «Несколько картин, или Случай из жизни разбойника», Илья Чавчавадзе показал правдивую картину суровой социальной действительности, о которой с такой разоблачительной силой говорилось в «Видении».

Как бы увертюрой к поэме является исполненная горечи и печали песня аробщика, которая нарушает тишину спящей природы.

¹ См.: И. Чавчавадзе, Полн. собр. соч., т. 1, с. 52.

С огромным мастерством нарисована картина вечернего сумрака над Алазанской долиной. Врезающаяся в величавую тишину природы аробная песня звучит гласом угнетенного и стонущего под игом рабства народа:

Пел в ночи аробщик, и такою
Полон был ночной напев тоскою,
Что, как подорожный перезвон,
Он остался в сердце угнетенном,
И звучит он заглушенным стоном,
Но и скорбь рассеивает он...

Каждая строка поэмы дышит глубочайшей любовью к трудовому крестьянству. И насколько любовно и восторженно рисует в ней поэт трудолюбие, моральную чистоту и безупречный духовный облик крестьянина, настолько осуждающе и гневно изображает он паразитизм, жестокость и бездушные господ, полное притупление в них человеческих чувств. Основная идея поэмы выражена в словах ее главного героя Закро:

Нет, не должно участи народа
Находиться в княжеских руках!

Убедительным подтверждением этих слов служит рассказанная в поэме история жизни крестьянина Закро, жестоко отомстившего своему барину за его бездушное, бесчеловечное отношение к судьбе крестьянина:

Отец Закро, больной и старый, потерявший трудоспособность, обратился к князю с просьбой отпустить сына, служившего у барина пастухом, и разрешить ему помочь своей бедной семье, находившейся на краю гибели. В ответ на эту просьбу помещик обрушился на беспомощного старика с руганью и угрозой:

Пес дрянной!
Палкой я тебе напомню, кто ты!
Ты еще поговори со мной —
Погоди, мою узнаешь ярость.
Я на возраст твой не посмотрю.

В ответных словах возмущенного старика как бы звучит голос всей крестьянской бедноты, полный гнева и возмущения:

Нищета мою терзает старость,
Гибну я и правду говорю:
Князь мой заживо меня хоронит...
...Сына мне призвать нельзя родного,
А когда я слезы лью скорбя,
Не даешь мне вымолвить и слова!
Вот какая правда у тебя!..

Осмелившегося возразить барину старика насмерть засекли розгами. Потрясенный гибелью отца, Закро убил ненавистного князя и убежал в лес, чтобы присоединиться к прославленному «разбойнику» Како — врагу дворянства, защитнику угнетенных и обездоленных.

Мужественный поступок Закро является в поэме выражением боевого духа крестьянства, восставшего в защиту своих попранных человеческих прав и достоинства, своих жизненных интересов. Поэт, восхищаясь подвигом благородного мстителя, устами Како восхваляет Закро, поднявшего руку на свирепого тирана:

Твоему отцу — почет и слава!
А тебе — хвала, свершивший месть,
Муж достойный! Гордость и отрада
Матери, чье молоко пошло
Впрок тебе! Да будет ей награда
В небесах!

В ответ на эту восторженную похвалу Закро произносит слова, выражающие мысль поэта о том, что справедливая месть, защита с оружием в руках своих прав и достоинства составляет долг всякого человека:

Нет, похвалы не стоит
Сын несчастный, мстящий за отца:
Трус и храбрый мезтью успокоят
Одинаково свои сердца.

Вся поэма звучит гимном мужеству и отваге сынов трудового народа, восставших против грубого насилия, против диких порядков крепостничества.

Ореолом славы окружен в поэме образ народного мстителя, бесстрашного мятежника Арсена, ставшего любимым героем грузинского народного эпоса. В этой поэме впервые в грузинской художественной литературе воплотился исторически конкретный образ Ар-

сена Одзелашвили. В диалоге Закро и Како выражена любовь народа к этому легендарному герою, поборнику свободы и правды, непримиримому врагу тиранов и грабителей:

Наш Арсен, защитник наш, в преданье
Превратясь, дошел до наших дней;
Скорбь моя; отрада, упование —
Наш Арсен, душа души моей!
Образом его благословенным
В отрочестве был я вдохновлен,
В свиденьях я бывал Арсеном,
Да послужит нам примером он!

Како и Закро стали как бы побратимами Арсена и так же, как он, любимы народом.

Нелегко жилось в лесу этим заступникам угнетенных, лишенных крова, гонимым и преследуемым, постоянно находившимся под угрозой смерти. В беседе со своим вновь обретенным другом «разбойник» Како характеризует свой образ жизни:

Чутким сном забудешься, как заяц,
И во сне тебя терзает страх,
Голодаешь, в зарослях скитаясь,
День и ночь — оружие в руках.

Однако и такая жизнь была блаженством для измученных помещицей кабалой отважных крестьян, ибо только в лесу могли они вздохнуть свободно:

Всё же легче бремя жизни трудной
Там, где мы хозяева себе.

Даже добытая путем таких жертв свобода составляла мечту для стонущего под господским гнетом крестьянина. Аробщик с завистью смотрит на Закро, идущего в лес присоединиться к «разбойнику» Како:

Зависти незваной не противясь,
Прошептал аробщик: «Вот счастливец!»
И вола ударил он в сердцах,
И, тряхнув с досады головою,
Двинулся дорогою глухою
С той же скорбной песней на устах.

В образах Како и Закро Илья Чавчавадзе воплотил идеи вооруженного сопротивления крепостного крестьянства насилию и издевательствам со стороны помещиков. Во всей литературе критического реализма не много найдется положительных образов, с такой силой звавших народ на справедливую месть, дававших трудовому народу такие примеры для подражания.

Вместе с тем следует отметить, что Илья Чавчавадзе хорошо понимал, что индивидуальная месть отдельных храбрецов, неукротимый мятеж этих отважных поборников правды не могут привести к осуществлению большой цели — обновлению и переустройству жизни.

Герой поэмы Закро ясно сознает, что его пуля не залечит «раны сердца»:

Но, тоскующему, исцеленья
Не дала мне княжеская кровь.

Этими словами завершает Закро повествование о своем столкновении с князем, закончившемся убийством последнего. В поэме отображен тот период исторической жизни грузинского народа, когда предельно измученное трудовое крестьянство, еще не поднявшееся до уровня организованной, сознательной революционной борьбы, выражало свой протест и гнев лишь в формах стихийного сопротивления и индивидуальной мести.

В таких условиях Како и Закро являлись лучшими выразителями непокорности и свободолюбия народа. И поэт, создавая эти образы, выступал вдохновенным глашатаем непримиримости народа к феодально-патриархальному правопорядку.

И в поэтических творениях, трактующих философские проблемы общечеловеческого значения, Илья Чавчавадзе не отрывался от реальной почвы живой действительности и исходил из требований жизни и народных интересов. Такова его поэма «Отшельник», идейно-эстетическое значение и проблематика которой не ограничиваются рамками грузинской жизни и национальной культуры.

В этом замечательном эпическом творении Илья Чавчавадзе дал сугубо своеобразное художественное решение проблемы отшельничества, аскетизма, бегства человека от жизни, от общества.

Многие писатели в мировой литературе обращались к теме отшельничества (в различных его формах), ухода, бегства человека от реального бытия, создавали образы людей, разочаровавшихся в жизни, находившихся в глубоком конфликте с обществом.

Илья Чавчавадзе подошел к этой проблеме с позиции поэта-реалиста, сторонника действия и борьбы. Ведь еще в «Элегии» и

«Записках проезжего» он выразил свою непримиримость к неподвижности, равнодушному бездействию. В философской поэме «Отшельник» поэт дал художественное обоснование обреченности попыток человека замкнуться в своем собственном мирке, оторванном от общества, от жизненных запросов и интересов.

Герой поэмы — отшельник, человек религиозных убеждений, расценивающий земную жизнь как «пристанище грехов», как «царство зла». Он решил бежать от человеческого общества, оставить «этот мир» во имя «мира того», покинуть земную жизнь,

Где день и ночь вослед за человеком
Влачится грех, коварный, словно вор,
Где истина, не принятая веком,
Обречена на гибель и позор;
Где всё превратно, временно и тленно,
Где нож на брата поднимает брат,
Где клевета, коварство и измена
Взамен любви вражду боготворят. . .

Такими сгущенными красками рисует Илья Чавчавадзе то социальное бытие, от которого бежал его герой — отшельник. Развивая сюжет, основанный на легенде, он выносит, по существу, суровый приговор социальной обстановке, в которой царят зло, корысть и насилие, взаимная вражда и несправедливость.

Вместе с тем он показывает, что отшельничество героя поэмы не результат какого-либо случайного обстоятельства, оно порождено определенным мировоззрением.

Большой художник должен был показать и все величие той силы, одно прикосновение к которой развеяло в прах столь продуманное и органически сложившееся убеждение монаха-отшельника.

Яркими, глубоко впечатляющими красками нарисовал поэт картину пещеры, в которой нашел себе убежище отшельник. Илья Чавчавадзе и здесь проявил большое мастерство поэтической живописи:

Там, где орлы, кочуя над Казбеком,
Не достигают царственных высот,
Где цепи гор блистают вечным снегом
И ледники не тают круглый год,
Где шум людской и суэта земная
Не нарушают мертвенный покой,
Где только бури стонут, пролетая,
Да рев громов проносится порой, —

Давным-давно в скале уединенной
Отцы-монахи вырубил скит.

В таком царстве неприступной и не тронутой человеком природы поселился отшельник, чтобы подавить в себе все мирское, земное, жить только духовной жизнью, молитвами и божественными песнопениями.

Чуждаясь тревождения мирского,
Его душа воскресла среди могил,
И все желанья сердца молодого
Он глубоко в себе похоронил.

Но однажды, поздней ночью, в пещере отшельника неожиданно появилась заблудившаяся в горах пастушка. Она хотела укрыться от бури и темноты и дожидаться наступления дня.

Когда б любовь явиться пожелала
В наш бедный мир, наверно, и она
О красоте нивой бы не мечтала,
В девических чертах воплощена! ..
..Кто б устоял пред этими очами,
Пред этим ликом, сладостным, как сон,
Пред этими волшебными устами,
Где поцелуй любви напечатлен?

Так поэт описывает красоту пришедшей к пещере отшельника пастушки, а в другом месте поэмы обаяние уснувшей у огня девушки изображено еще более живо и образно:

..Лишь дева молодая
Дремала сладко возле очага,
И бледный свет, ланиты озаря,
Скользил по ней, смущая бедняка.
И так была пленительно-прекрасна
Она в сиянье трепетных огней,
Как будто все усилия соблазна
Соединились, торжествуя, в ней.
Как будто все утехи наслажденья,
Вся свежесть молодой ее поры
Рассыпали в пещере на мгновенье
Свои благословенные дары!

Так лицом к лицу столкнулись два противоположных образа: отшельник — олицетворение разочарования в земной жизни, ухода от общества, и девушка-пастушка — символ полнокровного и брызжущего радостью земного бытия.

Философии отшельника, утверждающего превратность и жестокость мирского бытия, здесь противопоставлена простая и ясная мысль пастушки о превосходстве живой жизни и людского общества над одиночеством и уходом от этого мира:

Жилищем ты избрал каменьев груду.
Но сладок мир, как ты ни прекословь!
Здесь смерть царит — там жизнь кипит повсюду!
Здесь скорь кругом — там радость и любовь!

Поэма построена на остром столкновении этих двух противоположных концепций, воплощенных в образах отшельника и пастушки. Со все нарастающей силой развивается коллизия, полная глубокого драматизма. Поединок этот кончается поражением отшельника, его душевное равновесие и покой поколеблены, он охвачен бурей волнения. В нем неожиданно пробуждаются земные страсти и чувства. Пробуждаются они с такой стихийной силой, что им не могут уже противостоять религиозно-философские устои монаха, его долгие молитвы, его таинственные связи с небесными силами, с «божьей волей».

Напрасно борется отшельник с поднявшейся в его душе волной земных желаний. С большой эпической силой изображена в поэме трагедия монаха, охваченного непреодолимой стихией чувств:

Заплакал он и поднял кверху очи...
О горе! Вместо матери святой
Сиял пред ним во мраке темной ночи
Прелестный образ девы молодой!
Что с ним стряслось? Проклятое виденье!
Ужели грех его настоль велик,
Что матери святой изображение
Восприняло греховный этот лик?
Ужели бог лишил его навеки
Святого лицезренья божества,
Чтоб снова плоть воскресла в человеке
И отказался дух от торжества?

Отшельник не сумел одолеть эту силу живой жизни, земных человеческих чувств и страстей. Борьба с этой силой окончилась для мо-

наха полным поражением. Луч утреннего солнца уже не вознес к небу его смиренной молитвы. Он не в силах перенести жестокую душевную боль. Монах умирает, терзаемый тревогой и отчаянием.

И там, где раньше, полные терпенья,
Отцы святые славили творца,
Где возносились к небу песнопенья,
Где проливались слезы без конца, —
Там, посреди пустующих развалин,
Теперь лишь ветра раздается вой
Да стонет зверь, испуган и печален,
Спеша уйти от тучи грозовой.

Поэма эта — монументальное поэтическое творение, в котором пластичность образов, музыкальное звучание стиха и глубина мысли сливаются в органической целостности и достигают исключительной эмоциональной силы. Это произведение Илья Чавчавадзе создавал в последний период своей творческой жизни, оно отмечено зрелостью и совершенством художественного мастерства.

В исторической поэме «Димитрий Самопожертвователь» поэт воссоздал один из волнующих эпизодов героического прошлого грузинского народа. В ней изображен подвиг самоотверженного патриота, без колебания пожертвовавшего собственной жизнью во имя спасения отчины от угрозы опустошительного нашествия полчищ иноземных завоевателей.

В воспитании целых поколений в духе беззаветного патриотизма и свободолюбия большую роль сыграла драматическая поэма Илья Чавчавадзе «Мать и сын». В ней благородному чувству материнской любви противопоставлено сознание долга перед родиной и со всей убедительностью показано, как перед чувством любви и преданности родной стране бледнеют и отступают все остальные человеческие чувства. Героиня поэмы, пожилая и больная женщина, с радостью отправляет на поле битвы своего единственного сына, сожалея лишь о том, что она только одного сына вырастила для родины, что в величественную годину всенародной борьбы за освобождение отечества она может отдать для этой святой цели лишь одного героя. Идея поэмы выражена в словах ее сына, обращенных к родине:

О родина моя, мой край, залитый кровью!
Что может устоять перед такой любовью?
Когда любовь к тебе воспламенит сердца,
Мать сына отдает, сын отдает отца.

Когда лучи твои в народе засияют,
Иные чувства в них мгновенно исчезают,
Как звезды мелкие, увидев свет дневной,
Как капельки дождя, сокрытые волной.

В уста матери-грузинки поэт вложил слова, звучащие вдохновенным гимном свободе:

Пристанище народное, свобода,
Убежище униженных судьбой!
Людей несовершенная природа
Меняется, воспитана тобой.
Тиранами гонимая от века,
Ты древо знания вывела в рай,
Но что был рай, пока для человека
Не приоткрыла душу ты свою?

Свобода — высшее благо и счастье для народа. Ничто не может заменить ее человеку, всегда готовому отдать за нее всяческие другие блага, даже рай, даже бессмертие:

Вкусив свободы, праотцы взалкали
И на простое вольное житье
Господень рай охотно променяли
И отдали бессмертие свое. . .

Но это высшее благо человеку дается ценой огромных жертв. Народ может и должен завоевать его борьбой, кровью.

Столь дорогою куплена ценою,
Зачем же ты покинула людей,
Зачем людской питаешься борьбою
И просишь крови наших сыновей?
Несешь ты миру чистый свет любви,
Но весь в крови идущий за тобой.
Зачем твой храм не строится без крови,
Хотя сама ты — счастье и покой?

Только борьбой, только кровью завоеывается святая свобода, — утверждал поэт и воссоздавал волнующую картину мужественной освободительной борьбы народа, звал и воодушевлял людей на самоотверженный подвиг во имя счастья и свободы родины.

Поэтические произведения составляют одну из важнейших сфер творческой деятельности Ильи Чавчавадзе. В них ярко и впечатляюще выражен весь духовный мир писателя, все богатство его мыслей и чувств, все его мировоззрение и общественные идеалы, весь смысл его неукротимой, многогранной общественной деятельности.

С первых же дней своей творческой жизни до последнего вздоха великий поборник свободы и справедливости не прекращал мужественного единоборства с реакционными силами эпохи.

Писатель находился под тайным полицейским надзором, царская цензура безжалостно кромсала и коверкала его произведения, правительство запретило отмечать сорокалетие его деятельности. Трагическим финалом этой борьбы явилось злодейское убийство великого писателя, организованное агентами царской охранки.

Вероломное убийство Ильи Чавчавадзе было организовано в гонимую разгула черных сил реакции, последовавшего за поражением первой русской революции. 30 августа (12 сентября) 1907 года по дороге из Тбилиси в Сагурамо, около селения Ципатури, наймиты царской охранки убили ехавшего в свою летнюю усадьбу семидесятилетнего Илью Чавчавадзе и ранили его супругу Ольгу Тадеозовну. Организаторы этого гнусного злодеяния рассчитывали, что избавятся от такого популярного и непоколебимого поборника интересов народа и одновременно вызовут замешательство в среде демократических, революционных сил нации. Но получилось обратное. Народ распознал убийц и их коварные намерения. Похороны Ильи Чавчавадзе вылились в грандиозную демонстрацию всенародного гнева против царизма, против кровавых душителей свободы. «Убийцы Ильи Чавчавадзе, если могли бы, убили бы и самую Грузию», — сказал Важа Пшавела. А Акакий Церетели в речи, произнесенной в день похорон своего великого сподвижника, говорил, что как всей своей жизнью, так и мученической смертью Илья Чавчавадзе будет жить, пока живет сама Грузия.

Но организаторы преследований и убийств не в силах были уничтожить великое творческое наследие выдающегося классика грузинской литературы. Это наследие в наше время стало драгоценным достоянием всего многонационального советского народа.

Прошло с тех пор почти семь десятилетий. Глубокие сдвиги и коренные изменения произошли за это время во всех областях материальной и духовной жизни советского народа. Но все это отнюдь не ослабило идейно-эстетического звучания творческого наследия Ильи Чавчавадзе. Возвышенные чувства патриотизма и дружбы народов, светлые идеалы гуманизма и свободолюбия, про-

гресса и демократии находят живой отзвук в духовном мире советского народа, самоотверженно борющегося за полное торжество этих идеалов в нашей стране и во всем мире.

Илья Григорьевич Чавчавадзе — один из наших великих предшественников и учителей, давших немеркнущие образцы идейности и народности литературы, ее кровной связи с жизнью народа. Именно эти славные традиции корифеев творческой мысли всех времен и всех народов наследует литература социалистического реализма, развивая и совершенствуя их в соответствии с задачами и требованиями нашей великой эпохи.

Бесо Жгенти

СТИХОТВОРЕНИЯ

1. ГОРАМ КВАРЕЛИ

Горы Кварели! Вдали от родного селенья
Может ли сердце о вас вспоминать без волненья?

Где бы я ни был, со мною вы, горы, повсюду, —
Сын ваш мятежный, ужели я вас позабуду?

Помню, ребенком, исполнен неясной заботы,
Весь замирая, смотрел я на ваши высоты.

Но не от страха тогда мое сердце дрожало —
Я и в младенчестве вас не боялся нимало.

Полный восторга, взирая на ваше величье,
Дивные тайны стремился душою постичь я —

Тайны вершин, пропадающих в дымке туманов,
Где раздается ликующий гул ураганов,

Где, задыхаясь, летит караван журавлиный,
Еле равняясь с далекою вашей вершиной!

О, как я жаждал невинною детской душою
В буре и мраке взлететь высоко над землею.

О, как мечтал я, почуяв орлиные крылья,
Тронуть крылами сверкающих льдов изобилье!

В час, когда ветры, нарушив ночное молчанье,
Львиное в пропасти вдруг исторгали рычанье,

О, как дрожал я! Но, внемля раскатам обвала,
Звуки родные душа моя в них узнавала.

Детскому сердцу довольство собой незнакомо,
Ныне же, горы, я горд, что воспитан я дома,

Ныне горжусь я, что, сын этой дикой природы,
Вырос я в бурях и рано узнал про невзгоды.

Горы, свидетели детских моих огорчений,
Как я взывал к вам в порыве сердечных мучений,

Как я от вас утешения ждал и привета,
Но, как всегда, не давали вы, горы, ответа.

Этого чудного, полного тайны молчанья
Вплоть до последнего я не забуду дыханья. . .

Горы Кварели, спутники юности нежной,
Долг перед жизнью влечет меня в путь неизбежный,

Судьбы грядущего требуют нашей разлуки, —
Можно ли требовать более тягостной муки!

Конь мой торопится, стонет душа от печали,
С каждым вы шагом уходите в синие дали. . .

Вот вы исчезли. . . И только вершины седые
Еле видны. . . И расстался я с вами впервые. . .

Тщетно глаза я от солнца рукой прикрываю,
Тщетно я взоры в пустое пространство вперяю, —

Всюду раскинулись синего неба просторы,
Уж не венчают их больше прекрасные горы!

О, так прощайте же, дивные горы Кварели!
Сердце мое, подлюбившее вас с колыбели,

Вечной любовью к великой отчизне пылая,
Вам улыбнется, рыдая, из дальнего края!

2. СВЕЧА

Один сижу, мечтая над свечою.
Она горела ярко предо мною
И озаряла дальние углы,
Рассеивая тени сизой мглы.

И вижу я: свет немощный тускнеет,
Едва мерцает, на глазах скудеет
И гаснет, но, колеблясь, сгоряча,
С последней силой вспыхнула свеча...

Исходит воск своей слезою белой
В борьбе со смертью. Пламень помертвелый
Головкой синей бьется в тишине,
В подсвечнике дрожа на самом дне.

Вот смерть уже скользнула тенью длинной,
Луч тусклый мреет на стенах гостиной!
И ты потух, свечи последний свет!
Один нагар — угасшей жизни след.

Так, до поры почти нас не тревожа,
Угрюмым стражем станет смерть у ложа,
И от венца творения в веках
Останется лишь безымянный прах.

*16 декабря 1857
Петербург*

3. ГОЛОС ИЗ МОГИЛЫ

1

Суд вершил я без оглядки —
Всё за взятки, всё за взятки,
Если б выгодно мне было —
Брата я б загнал в могилу.
Деньги брал, где только можно,
Обирал крестьян безбожно, —
У меня хватало духу
Их обречь на голодуху.
Там, где честному — погибель,
Мне была прямая прибыль.
Смерть, пришла ты слишком рано, —
Не успел набить кармана!

2

Не был я душою кроток:
Вопли слезные сироток
Слушал я без сожаленья,
Как докучливое пенье.
Мерли дети у вдовицы —
Я и тут спешил нажитья,
Ей советом помогая,
Грош последний вымогая.
Кой-кого я из несчастья
Вызволял своим участием,
Мог помочь в кручине всякой —
Лишь монетками позвякай.

А тому, кто шел без денег,
 Я кричал: «Уйди, бездельник!
 Захлебнись в житейском море, —
 Мне беда твоя не горе!»
 Жизни я познал законы:
 Там, где надо, бил поклоны,
 Надо — был слепцом недужным,
 Прозревая там, где нужно;
 Надо — прогремлю грозою,
 Надо — изогнусь лозою.

Ум являл я при народе,
 Был неглупым по природе, —
 Но в присутствии начальства
 Я глупеть умел сызмальства.
 Я пред робким был кичливым,
 Перед смелым — боязливым,
 Над бессильным — насмеялся,
 Перед сильным — пресмыкался.
 Одарен небесным отче
 Парой рук, проворных очень,
 Греб я деньги неустанно
 В ненасытные карманы.

Для нечестного дохода
 Я семь шкур сдирал с народа,
 О кармане только помнил...
 Умер — так и не наполнил!
 Мдиванбег — властям полезен,
 Я отчизне был любезен,
 Я ей отдал сил немало, —
 Лихоимец, обирала!
 Не крестьянин был, не князь я —
 Был и выскочка, и мразь я;
 Нагонял на смертных страх я,
 А теперь — бессильный прах я.

Сжальтесь! Мимо не шагайте,
Долг последний мне отдайте
И шепните мне украдкой,
Что войду я в рай за взятку...

27 декабря 1857
Петербург

4. ВЕСНА

С неба — радость нам
И веселие, —
Подошло
Весны новоселие.

Вся гора — в цвету,
Все расселины;
Виноградники —
В свежей зелени.

Всё живущее —
В оживлении,
Всюду слышится
Птичье пение.

Соловей,
Склоняясь над розою,
Разливается
Трелью слезною.

Мотылек,
Над лугом порхающий,
Сок цветочный пьет
Опьяняющий.

Родничок
Воркует и пенится,
Он торопится,
Он не ленится.

И ручей бежит
Всё поспешнее,
Обезумев
От счастья вешнего.

В его пении —
Не простая весть:
«На спине моей
Лед растаял весь!»

Все создания,
Все творения
Славят радость
Освобождения.

Всё в грядущий день
Устремляется,
Обновляется,
Пробуждается, —

Лишь убитому сердцу
Бедному
Не ожить с весною
Победною.

*7 марта 1858
Петербург*

5. ПАХАРЬ

Взад-вперед, мой плуг, ходи-спеши,
Знай себе поскрипывай, — паши!

Народная песня

Вол мой, Лаба, общею судьбою
Мы к земле прикованы с тобою.
Будем лямку преданно тянуть,
Завершать безрадостно свой путь.
Резать пашню без конца, без края,
Глыбы дерна потом орошая.
Не грусти! Ярмо беды твоей
Моего ярма не тяжелей!
Я, как ты, потупил в землю очи, —
Наше небо отнял сумрак ночи.
Как тебя, земля меня страшит:
После смерти буду я забыт.
Ты скорбишь о том, что бессловесен?
Не завидуй, Лаба, дару песен! . .
Что мне меч мой! Был отточен он,
Но в бою за правду притуплен.
Ну, к чему, скажи, соха такая,
Что плетется, землю разрыхляя,
Но не в силах вырвать, затупев,
Сорняка, глушащего посев?
О великом человечьем горе,
О душе, встревоженной, как море,
Много слов рождается во мне,
Умирая в сердца глубине.
Если б мог понять ты, как ужасно
Слово правды убивать всечасно!

Верь, мой Лаба: мне и жизнь сама —
Тяжелее твоего ярма.
Что ж грустить? Судьба твоя такая —
Верный плуг тянуть не уставая.
Старого товарища любя,
Ты корми его, как он — тебя!

4 июня 1858
Петербург

6. ПЕСНЯ

Куда влечешь ты жизнь мою,
Река судьбы тревожной?
Непрочную мою ладью
Где мне причалить можно?
Что уготовано волной
Холодной и кипучей?
Печален день вчерашний мой,
Сегодняшний — не лучше.
Звезда надежды — далека,
Но близко, близко горе, —
Боюсь, что ты меня, река,
Уносишь прямо в море.
И я с ладьей пойду ко дну,
В безмолвные глубины,
И день рожденья проклянута
Я в час своей кончины.
Неужто жизни всей венец —
Посмертное забвеньё?
Воистину, такой конец
Достоин сожаленья! . .
Судьба-река, тебя молю:
Смени свою личину, —
И жизнь мою, ладью мою,
Не погружай в пучину!

*4 июня 1858
Петербург*

7. ЧЕРНЫЕ ГЛАЗА Я ВИДЕЛ ТОЖЕ...

Черные глаза я видел тоже...
Огневым, им незнакома робость, —
С бурными двумя морями схожи,
Глубоки, туманны — словно пропасть.
В них пыланье жизни отразилось, —
И, прельщенный обаяньем женским,
Каждый взгляд их я ловил, как милость,
Не мечтая об ином блаженстве.
Есть страстей волненье в этих взорах
И размах орлиного полета;
В этих черных двух больших озерах
Кроется таинственное что-то.
В них — и юной красоты гордыня,
И безумство будущих желаний,
И любовь, что тихо дремлет ныне, —
Как спастись от их очарований!
Тянется к ним сердце — и трепещет;
Глаз твоих они коснутся взглядом —
И душа твоя в тревоге вещей:
Ты прочтен мгновенно, ты разгадан!
Сладостна свобода мне, но слаще
Стать рабом их, — да они далече...
Черных этих, огненных, манящих, —
Этих глаз в России я не встречу.

20 июня 1858
Тярлево

8. СОН

Мне в бескрайнем пространстве глубокая бездна
открылась,
Ада черная мгла над бездонным провалом клубилась;
В этой яме всемирной, в огромной вселенской могиле,
Царств погибших осколки, как в котле, перемешаны
были.

И услышал я хор из проклятий, и жалоб, и стонов,
Вопли тысяч страдальцев, на вечную казнь обреченных;
Там светила всходили словно дымно-кровавые чаши,
Вид погасших планет был в том небе воистину страшен;
Там Землей и Луной были прежние тропы забыты,
И они, как слепые, блуждали, покинув орбиты;
Там на Солнце порой натыкалась Луна — и, оставив
багряные пятна,

С гулким громом и скрежетом откатывалась обратно.
Кровь из Солнца хлестала, как из алой зияющей раны,
И лилась в глубину, на объятые ужасом страны,
Обращаясь в огонь, всё живое безжалостно жгущий, —
Это ад мне предстал, в бесконечном пространстве
плывущий!

И над миром, низвергнутым в страшный огонь
преисподней,

Мне послышалось слово презренья и гнева господня,
Голос, рушащий горы и вспять обращающий реки,
Возглашал громогласно: «Будь проклят! Будь
проклят навеки!»

Может, там пировали исчадия лжи и коварства?
Нет, — и демоны стали как люди в тех проклятых
царствах;

Словно листья под ветром, дрожали они от испуга
И, объятые страхом, терзали и грызли друг друга.
Я запомнил их лица в позорно-трусливом оскале, —
Духи тьмы, словно люди, спасения в смерти искали.
Руки ввысь простирали, рыдая, взывая о чуде, —
Но в мольбах своих демоны были бессильны, как люди.
Смерть дремала вдали, равнодушная к дольным
тревогам,
Смерть покинула страны, навек осужденные богом.

15 июля 1858

Тялево

9. МОЛИТВА

К стопам твоим припав, о боже правый,
Я ни богатства не прошу, ни славы,
Святой молитвы осквернить не смею...
Но, благодатью осенен твоею,
К тебе прибегну я с мольбой иною:
Врагов, что нож заносят надо мною,
Прости и не ввергай в кромешный ад, —
Они не знают, что они творят!

17 июля 1858
Тярлево

10. НА ЧУЖБИНЕ

Бледные лучи свои роня,
Двигается владычица ночная,
И по кругу спящий небосвод
Над землею спящею плывет.
Тихо всё. В листве заснули птицы,
Ветер спит, трава не шевелится,
Благостным покоем осенен,
Спящий мир блаженный видит сон.
Здесь один я плачу поневоле. . .
Сердце так болит не оттого ли,
Что другой мне снится небосвод,
Где река не этих звезд течет;
Что когда-то на меня глядело
Небо материнского предела;
Что иначе брезжило оно,
По-иному тишины полно. . .

*23 июля 1858
Тяплево*

11. СОВЕТ БРАЖНИКА

Друзья! Спешите жить и даром дня не тратьте.
Всё суета сует на этом свете, братья.

Рог кахетинского, наполненный до края,
И ласки нежные красавиц не сменяю

На землю, честь и власть, даруемые ею,
Из-за чего порой ломают люди шею.

Лишь двух признайте вы достойными почета:
Блажного Бахуса и дерзкого Эрота.

В венках, сплетенных вам божественной рукою,
Как птицы, весело промчитесь над землею.

Не верьте пресному рассудку, торопливо
Судить спешащему сердечные порывы,

Всегда готовому ответить им отказом!
Скажи, не лучше ли презреть костлявый разум,

Ласкать любимую, на жизнь не глядя строго,
И кахетинское вино глотать из рога,

А на заре, когда сквозь спущенные шторы
Свой поцелуй тебе подарит луч Авроры,

Вдруг пробужденному проказливой любовью,
Лицо возлюбленной увидеть в изголовье

И спросить свой ум, лежащий без движенья:
Что пробуждения подобного блаженней?

1 августа 1858

Тярлево

12. НЕ ПОРА ЛИ ПОНЯТЬ

Мы живем — и, тем самым, владеем божественным
даром;
Но порой свою жизнь мы впустую расходуем, даром.
Нам, рожденным из праха, обреченным в грядущем
на тленье,
Не пора ли понять невозвратность любого мгновенья?
О, глупцы! Мы Спасителя слово о жизни забыли:
Драгоценность она — не пылинка среди облака пыли!
Неужели живем мы, Христова завета не зная,
Что для жизни грядущей дана человеку — земная?
И не он ли велел нам, — хоть век всех живущих
мгновенен, —
«Как небесный отец, будь и ты, человек, совершенен!»

1 августа 1858
Тярко

13. МОЛИТВА

Если демон лжи и сомненья
Мне протянет в час искушенья
Свой фиал с прельстительным ядом,
Чтобы я породнился с адом, —
Дай мне силы, о боже правый,
Отвернуться от злой отравы,
Ибо кто тот фиал пригубит —
Тот себя навсегда погубит.
Если ж ты, всемогущий боже,
Испытать меня хочешь тоже —
Осененный твоею дланью,
Все исполню твои желанья!

28 августа 1858
Тярлево

Помню, любимая долго, протяжно рыдала,
Горько она об ушедшей любви тосковала.
Падали слезы ее на увядшие розы...
Был я в тот вечер не в силах сдержать свои слезы.

Помню я день: все печали ее отлетели,
Новые розы в руке у любимой адели,
Новое счастье, свежие алые розы...
Был я не в силах сдержать подступившие слезы.

*26 октября 1858
Петербург*

Женщина прекрасная со мною
Говорила раннею весною:
«Юноша печальный! Неужели
Ты не слышишь, как ручьи запели?
Погляди, как на земное лоно
Золото струится с небосклона!»
— «Не растает лед моей печали,
Как бы очи солнца ни сверкали,
Слезы под горячими лучами
Не прольются щедрыми ручьями!»

26 октября 1858
Петербург

В море жизни плыву одинокий я
Без желаний, без дум, без стремления.
Воет ветер, и пенятся волн края,
И надежды мне нет на спасение.

Вал за валом несутся навстречу мне
И швыряют мой челн на крутой волне,
А я жду в круговерти вспененных вод:
Челн иль море в борьбе этой верх возьмет.

И, подхвачен волною суровою,
Моря жертвой я стал обреченною.
Оглушит оно дланью тяжелою,
Погрузит меня в пропасть бездонную.

И растает мой след над пучиною,
В глубь уйду я дорогою длинною.
Если так суждено, горьких слез не лей, —
Недостоин печали я был твоей.

*5 ноября 1858
Петербург*

Пусть я умру, в душе боязни нет,
Лишь только б мой уединенный след
Заметил тот, кто выйдет вслед за мною,
Чтоб над моей могильною плитою,
Далекий житель солнечных долин,
Склопился мой возлюбленный грузин
И голосом, исполненным участия,
Мне пожелал спокойствия и счастья,
И так сказал: «Хоть рано ты умолк,
Но ты исполнил свой великий долг,
И песнь твоя от самого начала
Нам не напрасно издали звучала!»

19 ноября 1858
Петербург

18. ГРУЗИНКЕ-МАТЕРИ

Настоящее, рожденное прошлым,
рождает будущее.

Лейбниц

О мать-грузинка! Грудь твоя вскормила
Героев-сыновей отчизны милой,
Рыданью гор своею песней вторя,
Качала ты детей родных нагорий.

Прошли года. То миновало время.
Тяжелой скорби и неволи бремя
Сломил силу гордого смятенья,
Стал сын твой призраком, безгласной тенью.

Скажи — где меч и воля наших дедов,
Где их рука, где доблесть их, поведай?
Где подвиги, порыв во имя славы,
Борьба с поправшими и честь, и право?

...Что пользы плакать над давно забытым,
Жестокой дланью времени убитым,
Что проку над былой грустить бедою?!
Пора идти нам за иной звездой.

Пора глядеть нам в будущие годы,
Ковать судьбу грузинского народа.
О мать-грузинка, — вот твой долг священный,
Вот назначенье в этой жизни брэнной.

Да будет сын твой чист и прям отныне,
Да будет верен ~~дедовской~~ святыне,
Вложи в него любовь к добру, к народу,
Пусть славит братство, равенство, свободу.

Учи его дышать святой борьбою,
Готовь его к победе над судьбою.
Посаженный тобой росток привьется,
И плод созревший соками нальется.

О, внемли, мать, молению грузина:
Такою воспитай ты душу сына,
Чтоб верил он лишь истине высокой
И по себе оставил след глубокий.

15 декабря 1858
Петербург

Страдал и я. И я отлично знаю,
Что впереди еще немало бед,
Но не о том я слезы проливаю
И не о том грущу во цвете лет.

Всё вынесу: жестокое страданье,
Позор друзей, ушедших от борьбы,
Любовных клятв забуду поруганье, —
Приму любой удар моей судьбы.

Всё вынесу с отвагою железной,
В борьбе с судьбой не запятнаю честь,
И лишь никчемность жизни бесполезной —
Вот я чего не в силах перенести!

26 декабря 1858
Петербург

20. ПОЧЕМУ Я ТЕБЯ ПОЛЮБИЛ?

Почему я тебя полюбил?
Пусть я плачу, встречаясь с тобою, —
Но любовь прибавляет мне сил,
Чтоб бороться со злою судьбою.

Слез ответных не смею я ждать,
Но в душе — благодарность живая!
Ты меня заставляешь страдать,
К жизни истинной путь озаряя.

*31 декабря 1858
Петербург*

Я блаженствовать мог бы, как в раю,
Коль любила б меня ты, как я тебя.
Со смущением про любовь свою
Говорила бы, лишь меня любя.

Я с тебя тогда не сводил бы глаз,
На груди своей я тебя бы грел,
Полный робости, я б сгорал и гас
И коснуться бы твоих губ не смел.

Твоего бы я слушал сердца стук,
И он был бы мне слов молитв нежней.
В грешных помыслах не посмел бы, друг,
Я ничем смутить чистоты твоей.

1858

Скажи, зачем запала в сердце грусть?
Забыв пиры, покинув круг друзей,
К уединенью ныне я стремлюсь, —
Лишь тишина мила душе моей.

Скажи, зачем я вечером бреду
В безмолвие, в лесную глубину,
Лаская взглядом дальнюю звезду,
В тысячезвездном небе — лишь одну?

Зачем спешу на отдаленный луг,
Где родничок смеется меж камней?
Свою любовь — таинственный недуг —
Я ощущаю там еще больней.

Но там так нежны песни соловья,
С такой надеждой рай любви воспет,
Что, в лад певцу, поет душа моя —
И повторяет верности обет.

1858
Петербург

23. МОЙ ТАРИАРАЛИ

Подражание Александру Чавчавадзе

Гей, братья! Благо нам, ариарали,
Сегодня праздник наш, тариарали!
Любовь к отчизне милой
В нас чувство братства пробудила.
И как бы царь ни огрызался,
Как ни метал бы ярость грома
И как пугать бы ни старался —
Нам чувство братства всем знакомо.
Дай мне перо! Хочу сказать я:
И царь не может спорить с нами.
Христос изрек: все люди братья.
И людям быть нельзя рабами.
Царь, совершая злое дело,
Обрек достойных на гоненье.
Свое кумиром сделал тело,
А душу — дьявола владеньем.
Нет, братья, спорить с ним не будем,
Нам надо думать об отчизне,
И дух грузинский мы пробудим,
А это нам дороже жизни.
И если станем мы едины,
Тиран сгубить нас уж не сможет.
Его готовы мы, грузины,
Убить или погибнуть тоже.
Нам дружным надо стать союзом —
И труд наш будет не напрасен, —

Ведь сам Эзоп, соратник музам,
Так говорит в одной из басен.
Друзья, вперед пойдем мы смело
Единым строем неустанным,
И что же с нами сможет сделать
Сам царь со взглядом оловянным?
Ведь нам чинов искать не надо,
Пустой мы не пленимся славой.
Чинушам снится пусть награда,
Мы — ждем победы величавой.
Пусть станет Грузия свободной —
Вот в чем и смысл, и цель стремлений,
И нам любовь семьи народной
Важнее всяких награждений.
Да, мы друг друга понимаем
И жить хотим единым сердцем.
Дверь к просвещенью мы взломаем
Назло всем в мире самодержцам.
Пусть наша дружба силы множит,
Живой союз ума и воли.
Кто в тесном братстве жить не может,
Тот обречен лишь рабской доле.
Так пусть роднит нас братство в жизни,
Мы завершим свой труд с любовью
И всё пожертвуем отчизне
Со всей готовностью сыновьей.
Посеяв зерна, ждем мы всхода,
Пускай нам будет в награжденье
Свобода нашего народа
И милой Родины цветенье.
О, если б только видеть это,
Тогда и рая нам не нужно.
Тогда песнь радости, расцвета
В самом аду мы грянем дружно.
Мы все — земли грузинской дети,
Мы в братстве жить должны на свете.

Так давайте же, грузины, ариарали,
Быть в делах своих едины, тариарали!

1858

Петербург

24. ГЛАС СЕРДЦА

Отдохнуть я лег в тень зеленую
И услышал душу влюбленную:
Это соловей где-то средь ветвей,
Обезумев, пел о любви своей.

Долго вслушивался я в пение,
И росло в душе окрыление,
И, по воле певца желанного,
Расцветала жизнь моя заново.

Только где ж певец? Был мой взгляд остер —
Но напрасно я утомлял свой взор...
Не среди ветвей, а в груди моей:
Пел мне соловей о любви моей.

*11 января 1859
Петербург*

25. РАССЧИТАЕМСЯ, СУДЬБА!

Эх, как, судьба, ты меня скрутила,
По твоей воле плясал я немало,
Сколько надежд ты во мне убила,
Как раны сердца ты растравляла!
Очи кровавыми жгла мне слезами,
След оставляла когтей железных.
Полно! Пора свести счеты меж нами.
Где же ты? Прятаться бесполезно.
Сгнули дни твоей управы,
Пора поменяться нам местами.
Плясал я ради твоей забавы,
Ты в страхе держала меня годами.
Сам дудку взял я. От всей души
Я заиграю, а ты пляши!

*19 января 1859
Петербург*

Та, которой вручил я судьбу свою,
Та, которой жизнь был отдать готов,
Не цветет отныне в земном краю —
Отошла навеки под райский кров.

Закатилась надежды моей звезда,
В сиротливой душе — лишь печаль одна.
Всё, что можно отнять, отняла беда, —
Только слезы оставила мне она.

19 февраля 1859, 1860
Петербург

27. ЗВУКИ НЕБЕСНЫЕ

Слышу я песни
Из поднебесья,
Тихо им внемлю,
Сердцем приемлю.
Знаю, откуда
Явлено чудо,
Радость черпаю,
Тихую радость
 В звуках чудесных,
 В песнях небесных.

Из тьмы кромешной
Голосом грешным,
Ввысь устремленный,
В небо влюбленный,
В дивном покое
Забыв земное,
Вторю в восторге,
В радости вторю
 Звукам чудесным,
 Песням небесным.

*27 марта 1859
Петербург*

28. КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Нана, сын мой, нанина!
Что спугнуло крылья сна?
Отчего под сенью ночи
Ты, дрожа, глядишь мне в очи?
Нет, не зов грядущих дней
Прозвучал в душе твоей:
Затаен в тиши сердечной
Долг грузина вековечный.
Что спугнуло крылья сна?
Нана, сын мой, нанина!

Спи, дитя, еще ты мал,
Грозный час твой не настал.
Торопись же спать, мой милый,
Торопись набраться силы!
Будет время — подрастешь,
Всё увидишь, всё поймешь.
В дни, как сон свой колыбельный
Сменишь ты на бой смертельный, —
Будь рука твоя сильна!
Нана, сын мой, нанина!

Ты увидишь море бед,
Славных дел заглохший след,
Доблесть сгнувшую нашу,
Горя и сиротства чашу.
Сердце разожги огнем,
Ринься на врага, как гром!

Не жалея юной жизни,
Подари ее отчизне!
Будь душа твоя сильна!
Нана, сын мой, нанина!

Сердцем нежная всегда,
Я в честь родины — тверда.
Сын для матери потерян;
Коль отчизне он не верен.
Не принеся детей
В жертву родине своей,
Мать злосчастная такая
Не любила их, рожая.
Нет, я доблести верна!
Нана, сын мой, нанина!

Свято родину любя,
Я, мой сын, кормлю тебя.
В честь ее святого блага
Пусть растет твоя отвага!
Сладкая родная грудь,
Смертоносным ядом будь
Для того, кто милой жизни
Не отдаст своей отчизне,
Чтоб вовек жила она!
Нана, сын мой, нанина!

В том, дитя, величье есть:
В жертву жизнь свою принести —
Стать бессмертным, умирая
За судьбу родного края!
Предан родине своей,
Если жизнь отдашь ты ей,
Смерть твою приму спокойно:
Человек погиб достойно.
Будет скорбь моя ясна...
Нана, сын мой, нанина!

В час предсмертный, глядя ввысь,
Ты отчизне улыбнись!
Кровь ее, что в сердце пела,
Ей верни — всей кровью тела!

Весь улыбкой засверкай —
Ты не предавай отчий край,
Опочил ты, воссиявший,
Смертью смерть его поправший!
Радость, радость зажжена!
Нана, сын мой, нанина!

Разве, павшему в борьбе,
Нужен памятник тебе?
Будешь жить, бессмертно чтимый,
Ты в слезах своей родимой.
Эта песня — мой завет!
Сын мой! Высшей жертвы нет:
Все слова, что я пропела,
Претвори в величье дела!
Жизнь отдай отчизне, сын!
Нана, маленький грузин!

13 апреля 1859
Петербург

29. ЭЛЕГИЯ

В туманном блеске лунного сиянья,
В глубоком сне лежит мой край родной.
Кавказских гор седые изваянья
Стоят вдали, одеты синей мглой.

Какая тишь! Ни шелеста, ни зова...
Безмолвно спит моя отчизна-мать.
Лишь слабый стон среди сумрака ночного
Прорвется вдруг, и стихнет всё опять...

Стою один... И тень от горных кряжей
Лежит внизу, печальна и темна.
О господи! Всё сон да сон... Когда же,
Когда же мы воспрянем ото сна?

*4 июня 1859
Петербург*

30. НА БЕРЕГУ КУРЫ

Л. Магалашевиц

Вновь с грохотом Кура бежит передо мной,
Я в этом грохоте отчизны слышу громы,
Вновь сердце у меня полно тоски былой
И стонет, мутным бегом волн влекомо.
Вновь давит мозг сомнений пелена,
И раны старые раскрылись вновь и ноют. 24
И стонет грудь, я жалуюсь волнам,
Как будто унесли они мое бывшее.
О время светлое! Ты стерлось навсегда,
Сметенное, как пыль, веков чередованьем...
Внемли моей мольбе, Кура, и передай
Тем светлым временам моей души стенанья!

*3 октября 1859
Тбилиси*

Юность, где сладость твоя? Где живые усилья,
Страстное сердце, влекущее к яркому раю?
Чувства ограблены, рано подрезаны крылья,
Ветвью безлистной я в пору весны поникаю.

Юные сны расточились, как легкие тени,
Юное сердце покинуто верою ранней,
Радость убита холодным дыханьем сомнений,
И облетели цветы молодых упований.

Тщетным огнем неземную любовь называя,
Крылья подрезал мне разума вкрадчивый холод,
Чистого чувства померкла святыня былая...
Горе тому, кто в года молодые не молод!

30 ноября 1859

32. ПОТЕРЯННЫЙ ЭДЕМ

Кто видел тот эдем цветущий,
В котором сладостен не сон,
А пробужденье, — мир, живущий
Свободой, сохраняет он.
Там и сама природа — властный
Упрек тому, кто слаб и нем,
Там потерял народ прекрасный
В самом эдеме свой эдем.

Вот участь Родины несчастной.

26 декабря 1859

33. К АЛАЗАНИ

Цвет юности завял от быстротечности
времени,
Бег времени оставил сердце немощным.¹

Саба Орбелиани

Река! В потоках слез горой моей родною
Рожденная река! Ты снова предо мною;
Ищу минувшее я в глуби этих вод,
Всё то, что скрыл в тебе годов круговорот;
На берегу твоём я помню все утраты,
Всё, от чего тоской душа и сердце сжаты.
Вот этот дуб! Я с той сидел в его тени,
Кто нежностью своей мои наполнил дни.
Вот здесь смотрели мы на вспененные воды,
Как мы, кипела ты в те пламенные годы.
На бурный бег волны глядели мы вдвоем,
Подобья быстрых дней еще не видя в нем.
Зачем глядеть вперед, когда всё то, что было,
Нам радостной зари улыбка озарила?
Но канул краткий срок — и неги в сердце нет,
Любви восторженной иссяк неверный свет.
И прочь ушла судьба, блеснув улыбкой нежной,
Исчезла, словно блеск на влаге быстрогобежной.
Не та уж Алазань! И дуба высох ствол!
И на висках своих седины я нашел!

1859

¹ Подстрочный перевод. — *Ред.*

34. НА СМЕРТЬ БРАТА

Горе мне, брат! .. Темной смертью похищенный,
На тоску по тебе обрек ты душу мою.
В ночь ты ушел, и меня вверг в ночь бесконечную,
Одного оставил, всё пусто кругом, разрушено...

Брат мой Темур, всё с тобой похоронено...
В горьких слезах найду ль себе утешение?
Сирий твой прах на чужбине дальней покоится,
К светлой могиле скорбные шлю моления...

Май (?) 1860

35. СПЯЩЕЙ ЖЕНЩИНЕ

На твой сон смотрю
С лаской нежною,
Вижу грудь твою
Белоснежную.
Слышу, как она,
Благовонная,
Дышит, негой сна
Упоенная.
И румянец щек
Разгорается,
И гранаты уст
Улыбаются.
Озарила лик
Нега сонная,
Крылом ангела
Осененная.
Как чисты черты
Твоего лица!
Счастлив тот, кто твой
Друг, красавица!

19 июня 1860

36. ТОСКА

На земле, на небе всё в молчании,
Лишь горят бесстрастные светила.
Истомило душу мне отчаянье,
А тоска мне сердце отравила.

Было холодно душе страдающей,
Тело смолы залили кипучие,
Я томился в муке, всё сжигающей,
Мозг пылал, и слезы лились жгучие.

Я лежал, покинутый, в отчаянье,
Надо мной чужое небо было.
На земле, на небе всё в молчании,
А вверху — бесстрастные светила.

*11 июля 1860
Павловск*

37. МУША

В труде проходит жизнь его
И не приносит ничего»

1

В знойный день, в Тбилиси, около базара
Проходил я часто. Черный от загара,
У стены лежал ты, брат мой несчастливый,
Сердце надрывал мне твой напев тоскливый.
Жизнь твою прочел я в этих скорбных звуках —
Труд во имя хлеба в горестях и муках.
Кто ты, брат мой бедный? В чем твоя кручина?
Может, не стерпел ты плети господина
И, семью покинув, кров забыл домашний,
Бросил дом отцовский, распростился с пашней?
Иль судьба бесчестно парня обманула,
Выгнала из дому, жизнь перевернула,
На людей надежды также не сбылися. . .
Но куда пришел ты? Что нашел в Тбилиси?

2

Низко ты склонился под мешком, бедняга!
Хриплое дыханье сотрясает грудь,
Прилипает к телу потная рубаха,
Подкосились ноги, шагу не шагнуть!
Люди к этим мукам полны безразличья.
Вот летит на дрожках важный господин,
И тебя, частицу божьего величья,
Сшиб он, опрокинув, как пустой кувшин.

Ты перевернулся. Над твоим позором
Грянул дружный хохот: «Вот так акробат!»
И никто не дрогнул перед этим взором,
Хоть зажегся гневом твой суровый взгляд!
Не сказав ни слова, ты мешок хватаешь,
Посинели жилы, но не сдвинуть кладь,
На глазах народа ты изнемогаешь,
Помощи, как видно, неоткуда ждать!

8

Наконец добрел ты к дому еле-еле,
Вытер пот горячий рукавом шинели,
Дышишь полной грудью, отдохнув в прохладе,
Ждешь, покуда вспомнит богатей о плате.
Но хозяин медлит, он известный скряга.
Снова ты обсчитан, труженик-бедняга!
И опять твердишь ты о несчастной доле, —
Ты ли не работал, словно буйвол в поле?
Ведь с тобой, носильщик, коль нужна работа,
Будут торговаться до седьмого пота,
Сытого накормят, а несчастный нищий —
Будешь ты доволен нищенскою пищей!
Так несправедливо обделен судьбою,
Свой куртан пристроишь ты под головою
И заснешь в потемках на сиротском ложе,
Чтобы завтра снова испытать всё то же.

4

Так всю жизнь в работе, муке и печали,
Не отведав счастья, проживешь ты, друг,
До тех пор, покуда где-нибудь в подвале
Не ударит в сердце тягостный недуг.
Будешь ты валяться на своей постели,
Будешь покрываться полами шинели,
Будешь, одинокий, в муках умирать.

Не заплачет горько над тобой подруга,
Не придут детишки, прячась друг за друга,
Не застонет в муке старенькая мать.

Ты умрешь, и тело на носилки бросят,
И без слез зарюют труп холодный твой,
И никто не вспомнит, и никто не спросит,
Как ты жил когда-то на земле родной. .

12 июля 1860
Павловск

38. АЛЕКСАНДРУ ЧАВЧАВАДЗЕ

Его стихов пленительная сладость
Пройдет веков завистливую даль.

А. Пушкин

То беспечен стих поэта,
К сердцу льнет, пророча счастье, —
Словно в дружеской пирушке
Принимаешь с ним участие;

То, как женщина, он нежен,
Томен, — а через мгновенье
Вдруг взорвется, засверкает
В юношеском дерзновенье;

То, стрелой любви пронзенный,
Сладкогласно и незримо
Горе в трелях соловьиных
Изливает он любимой;

То бежит в поля — и плачет,
Как отшельник, одиноко,
Песнь слагая об отчизне,
О судьбе ее жестокой;

То, склоняясь к водам Гокча,
Он, печалью упоенный,
Сетует на дней превратность,
Бег веков неугомонный. . .

16 июля 1860

39. Ч(АЙКОВСКО)И

Ах, зачем очаровала
Ты поэта-иноземца, —
Он в любви своей бескрайней
Утопить готов был сердце.

Но однажды ты призналась:
«Мы с тобою — лед и пламя;
Ты возвращен под южным небом
Молниями и громами;

Я цвету в долине хладной,
Где суровы, долги зимы,
Как мое ответит сердце
Сердцу пылкого грузина? ..»

Так красавица сказала,
Так любовь мою отторгла...
Видно, быть мне одиноким
Долго-долго, долго-долго.

*22 июля 1860
Павловск*

40. ПОЭТ

Не учусь у птиц залетных, —
Я иному гласу внемлю.
Не для сладких песнопений
Небом послан я на землю.

Пусть поэт — посланец неба,
Но народ растит поэта.
Я веду беседу с богом,
Чтоб вести отчизну к свету!

У всевышнего престола
Сердце я зажгу, как факел,
Чтоб всегда служить народу,
Путь торя ему во мраке.

Чтобы стать народу братом,
Другом в счастье и в печали,
Чтобы мне его страданья
Мукой душу обжигали. . .

Лишь когда в груди зажжется
Свет добра, огонь небесный, —
Лишь тогда народа слезы
Осушу своею песней.

*23 июля 1860
Павловск*

Слышу звук цепей спадающих,
Звук цепей неволи древней!
Не гремела никогда еще
Правда над землей так гневно.

Слышу я — и в восхищении
Грудь живой надеждой дышит
Вешний гром освобождения
И в родной стране услышать.

*29 июля 1860
Павловск*

42. ПЕСНЯ ГРУЗИНСКИХ СТУДЕНТОВ

Мать, воспитывая сына,
Нас в пример пускай берет,
Ибо мы — семья едина,
Возлюбившая народ.

В поздний час мы пляшем смело,
И веселье нам к лицу,
В час труда, в минуту дела
Не уступим мудрецу.

Не игрушка мы вельможам,
Гнет студенту нетерпим,
В горе слабому поможем,
Справедливого почтим.

Мы, шагая по дороге,
Вечно движемся вперед.
Снова ставим мы на ноги
Тех, кто сзади упадет.

Нет у нас иных стремлений,
Лишь бы вечно нам идти,
Чтоб для новых поколений
Стать тропинкой на пути.

Дети юные отчизны,
Мы мечтаем день и ночь,
Чтоб во имя светлой жизни
Нашей родине помочь.

Молодое братство наше
Держит первенство свое.
В день, когда страна прикажет, —
Встанем грудью за нее,

Ибо мы — семья единая,
Возлюбившая народ.
Мать, воспитывая сына,
Нас в пример пускай берет!

18 августа 1860
Павловск

43. НИКОЛАЮ БАРАТАШВИЛИ

Нет, не исчезнет душевный трепет того,
И в диких высях твой след, Мерани, пребудет
кто ведал, что
обречен вечно для всех времен.¹

Н. Бараташвили

О горе! — ты ушел... Бесмыслен твой конец!
Кто знает, сколько мы сокровищ схоронили...
О сердце-океан! О любящий певец!
Как много чувств и слов не сказанных — в могиле!

Кто знает, сколько дум с собою ты унес!
Но нам — не ведать их, но нам — о них томиться...
Как много чаяний — благоуханных роз —
Лишь зацвели в тебе и не смогли раскрыться...
.

Не мать и не отец — народ осиротел!
Про радость и печаль кто пропоет нам песни?
О, горе нам! А твой уж тем счастлив удел,
Что силою стихов из мертвых ты воскреснешь!

Август 1860
Павловск

¹ Перевод М. Лозинского. — *Ред.*

Да вряд ли есть родство душ...

М. Лермонтов

О мучительница! Знаю,
Что не так уж ты красива,
Чтоб, узрев тебя, зеваки
Изумлялись: что за диво!

Всё же есть в тебе, конечно,
То, что сердце нам волнует.
И теперь могу я верить,
Что родство душ существует.

*Август 1860
Павловск*

Милая, ты сад наш помнишь,
Где встречались вечерами? ..
Ах, в счастливое то время
Лишь любовь владела нами.

Там, сорвав однажды розу,
Ты воскликнула беспечно:
«Мой безумец! Розу эту
Я дарю тебе навечно,
В знак любви чистосердечной!»

Но не ведал твой безумец,
Да и ты сама не знала,
Что любовь твоя увянет
Раньше этой розы алой. . .

Помнишь, мы сидели рядом,
Погруженные в мечтанья;
Ощущал я близко-близко
Чистое твое дыханье.

Я не вытерпел, губами
Прикоснулся к щечке милой.
Вздрыгнув, пальчиком прелестным
Ты лукаво погрозила.

Мы, безумцы, знать не знали:
Поцелуй тот ненароком
Мог в отраву обратиться,
Вечным стать тебе упреком.

5 ноября 1860
Петербург

Темно вокруг, и на душе темно,
И это сердце — холода жилище.
Ни в ненависти, ни в любви — равно
Душа моя не обретает пищи.

Боролся я с коварством и враждой,
Окрепла юношеская десница,
Терпел я поражения порой,
Но ни пред кем не пожелал склониться.

Не стоили моих усилий те,
С кем я боролся долго и напрасно.
Не засмеюсь я, внемля клевете,
И не заплачу горестно и страстно.

Темно вокруг, и на душе темно,
И это сердце — холода жилище.
Ни в ненависти, ни в любви — равно
Душа моя не обретает пищи.

*25 декабря 1860
Петербург*

Пустую жизнь без вдохновения
Небесным даром не зови:
Она — земное порождение
И достойные земли.

Но если искрою нетленную
Твой подвиг западет в сердца,
Ты светом озаришь вселенную
И не изведает конца.

Хвала любви! Хвала бесстрашию!
Служителю добра — хвала!
Он пьет бессмертье полной чашею
В награду за свои дела.

1860
Петербург

Под бременем печали изнывая,
Не у людей ищу я утешенья, —
Сама собой, свободная, простая,
Приходит песня в горькие мгновенья.

Каких скорбей мы с ней не разделяли!
Она моей окутана тоскою.
Печаль ее сродни моей печали,
Столь милой мне, пока она со мною.

1860

49. ВЕСНА

Лес расцветает нарядный,
Ласточки в небе поют,
Листья лозы виноградной
Слезы весенние льют.

Горы всё краше да краше,
Луг разноцветный пригож.
Милая родина наша,
Ты-то когда расцветешь?

*28 января 1861
Петербург*

С тех пор как я любви к тебе почувствовал волнение,
О родина, исчез мой сон и радость миновала.
Хочу я пульса твоего улавливать биенье,
И с этим я кончаю день и жду его начала.

Упорно думаю о том, и крепнут мысли эти,
Упорно чувства всё растут, мне сердце наполняя,
Но я не жалеюсь и рад, что так живу на свете,
Всё время в думах о тебе, страна моя родная.

О родина моя, давно лишился я покоя,
И горькой на душу мою обидою ложится,
Что на земле твоей не встретил никого я,
С кем можно душу отвести и чувством поделиться.

6 августа 1861
Кварели

О перо мое, друг мой, — для дела живого,
Не для славы — мы служим, как прежде служили.
Смело скажем народу святое мы слово,
Чтобы недруги наши повержены были.

Если люди не поняли — богу известно,
Что святы наши цели, сердец наших рвенья.
С юных лет за судьбу нашей Грузии честно
Мы вступили в борьбу, не боясь осужденья.

Обо мне говорят: обличая пороки,
Ненавидя, готов всё предать он злословью
О глупцы! Непонятен порыв вам высокий.
Ненавижу, но ненависть дышит любовью.

Октябрь 1861
Кварели

53. Г. АБХАЗИ

Боже мой! Благослови дитяню,
Чтобы он народным стал слугой!
Озари свою благодатью
Взор его и в горе успокой.

Боже мой! Где б ни был он, повсюду
Дух в него бестрепетный вдохни,
Чтобы он страдающему люду
Посвятил труды свои и дни.

Боже мой! Умножь младенцу силы,
Отврати судьбы жестокий гнев,
Чтоб не сгинул он во тьме могилы,
Послужить отчизне не успев.

1863

54. ДЕНЬ ПАДЕНИЯ КОММУНЫ

(23 МАЯ 1871 Г.)

Стяг надежды угнетенных,
Обездоленных спасенье. . .
Вновь тебя швырнули наземь
Силы зла и угнетенья!

Вновь народ великодушный
Обречен влечь оковы,
Вновь главу его святую
Увенчал венец терновый.

Дело правды, что сияло
Всеспасительной любовью,
Вновь убито палачами,
Залито святою кровью.

Вновь нарушены заветы,
Божья заповедь спасенья,
Сам Иисус из-за которой
Принял крестные мученья.

Вновь История застыла,
Дальше двигаться не смея, —
И справляют пир кровавый:
Победители-злодеи.

29 мая 1871

**55. КАК ПОСТУПАЛИ,
ИЛИ
ИСТОРИЯ ГРУЗИИ XIX ВЕКА**

Повстречав однажды деда,
Я зевнул, как полагалось.
Он зевнул, и вот беседа
Между нами завязалась.
«Дед, — сказал я, — ты на свете
Жил немало. Сделай милость,
Чем, скажи мне, в годы эти
Наше племя отличилось?»

Например, когда иссякли
Судьбы Грузии единой
И ушел от нас Ираклий,
Благодетель наш старинный, —
Как тогда мы поступали?»
— «Как тогда мы поступали?»
Всем известно: рот разинув,
Лишь чесались да зевали».

«А когда Георгий в горе
Воцарился на престоле
И враги восстали вскоре,
Чтобы он не правил боле, —
Как тогда мы поступали?»
— «Как тогда мы поступали?»
Разоряясь понемногу,
На куски друг друга рвали».

«А когда от неустройства
Стал не рад Георгий жизни,
И не стало в нас геройства,
Чтоб служить своей отчизне, —
Как тогда мы поступали?»
— «Как тогда мы поступали?
Мы за помощью в Россию
Со слезницей побежали».

«А когда лезгин весною
Царь привел для ополченья
И пожертвовал казною
Ради общего спасенья, —
Как тогда мы поступали?»
— «Как тогда мы поступали?
На тахте мы развалились
И душой возликовали».

«А когда почил в могиле
Наш Георгий и царевы
Братья, ссорясь, повалили
Царства нашего основы, —
Как тогда мы поступали?»
— «Как тогда мы поступали?
Мы их всех поодиночке
Превосходно предавали».

«А когда в державе павшей
Воцарился царь соседский
И судьбу отчизны нашей
Стал швырять, как мячик детский, —
Как тогда мы поступали?»
— «Как тогда мы поступали?
Мы, отвагою пылая,
На Кабахи в мяч играли».

«А когда нам становилось
С каждым часом тяжелее
И когда явивший милость
Затянул петлю на шее, —
Как тогда мы поступали?»
— «Как тогда мы поступали?»

На одной мы сковородке
Все поджариваться стали».

«А когда в жестоком пекле
День мы прокляли рожденья,
И мыслишки в нас окрепли,
И пришло в порядок зренья, —
Как тогда мы поступали?»
— «Как тогда мы поступали?
Собираясь на задворках,
Перешептываться стали».

«А когда про эти речи
Услыхали наши власти
И, загнав в хлевы овечьи,
Проучили нас отчасти, —
Как тогда мы поступали?»
— «Как тогда мы поступали?
Мы в испуге друг на друга
Клеветали, клеветали».

«А когда ценой доноса
Кой-кто спасся невредимый
И смотреть мы стали косо
На печаль земли родимой, —
Как тогда мы поступали?»
— «Как тогда мы поступали?
Мы без просыпа от счастья
Пировали, пировали».

«А когда, весь день с гостями,
Позабыли мы про дело
И мошна за кутежами
Понемногу опустела, —
Как тогда мы поступали?»
— «Как тогда мы поступали?
Мы именья друг у друга
Оттягали, оттягали».

«А когда таким манером
Разорили мы друг друга».

И, к крутым прибегнув мерам,
Подожгли свой дом с испуга, —
Как тогда мы поступали?»
— «Как тогда мы поступали?
У костра мы грели руки
И на бога уповали».

«А когда всё наше зданье
Превратилось в пепелище
И когда у нас дворяне
Стали немощны и нищи, —
Как тогда мы поступали?»
— «Как тогда мы поступали?
Мы вскарабкались повыше
Да крестьян в тиски зажали».

«А когда крестьян подвластных
Унесло времен течение
И в именьях столь прекрасных
Наступило разоренье, —
Как тогда мы поступали?»
— «Как тогда мы поступали?
Эх, сынок, к чему вопросы!
Тут-то мы и застонали».

«А когда мы этим стоном
Крепостных не возвратили
И о рабстве отмененном
Понемногу позабыли, —
Как тогда мы поступали?»
— «Как тогда мы поступали?
Банк придумали земельный
И над ним же хохотали».

«А когда, полезный детям,
Банк услышал от кого-то:
«Я бездетен, с банком этим
Мне возиться неохота», —
Как тогда мы поступали?»
— «Как тогда мы поступали?
Мы, с правительством поладив,
«На плечо!» учиться стали».

«А когда...» — Но рассердился
Старый дед и крикнул строго:
«Что ко мне ты прицепился?
Отвяжись ты ради бога!
«Как тогда мы поступали?
Как тогда мы поступали?»
Как и ты, без дела шлялись
Да язык, как ты, чесали!»

24 августа 1871

56. ЗАГАДКИ

1

Длинноусый, бестолковый,
Облысевший, этот гном
Сильным мира лижет руки,
Но глядит он гордецом.
Человек-то он немалый,
Хоть и ростом не берет,
Он на мир, на просьбы слабых
С высоты своей плюет.

2

Этот сквозь плетень пролезет,
Вас с дороги оттолкнув.
Загнут лисий подбородок
К носу острому, как клюв.
Он с истасканной душою
Не живет и не дает
Жить другим; высоко сидя,
На общественность плюет.

3

Третий, с буйволовоу шей,
Телом полный, балагур.
Он, людьми облитый грязью,
Шуткой тешит светских дур.

В мире хоть слывет он умным,
А на деле не умен,
Он скорее изворотлив,
И хитер, и ловок он.
Злосердечный и двуличный,
Жульничать и плутовать
Он мастак. Его ругают,
Но ему на всех плевать.

4

С завидущими глазами
Вот четвертый господин
Кланяется неуклюже,
Словно проглотил аршин.
Тезка у него великий,
С именем, а сам он — фат.
Старины знаток, однако
Он умишком скудоват.
Криводушный и болтливый,
Подкупить себя дает.
На весь мир и этот тоже
С высоты своей плюет.

5

Яблочком румяным щеки. . .
Грозен тем, кто чином мал.
А давно ли вышел в люди
Этот выскочка-нахал?
Вороватая лисица,
Осторожный скорпион,
Знаете его вы плохо:
До чего коварен он!
Этот фарисей трусливый,
Совершенный идиот,
Пресмыкающийся, тоже
На страну свою плюет.

Выбритый он, сероглазый,
 Скромно так влачит свой век,
 Ни добра, ни зла не сделал
 В жизни этот человек.
 Всем он мил, и всех он любит,
 И за тем, кто прежде мной
 Упомянут был, плетется
 Тенью весь свой век земной.
 Хоть страну родную любит,
 А до дела чуть дойдет,
 На нее с душой спокойной
 Он, по существу, плюет.

Худощавый человечек,
 У великих мудрецом
 Он слывет — умом коротким
 И предлинным языком.
 Он, как опухоль, раздулся
 От похвал, мне говорят.
 Был передовым, а ныне —
 Пресмыкающийся гад.
 Он меж новым и отжившим
 Сломанным мостом встает,
 Но и лжемудрец, о братья,
 На страну свою плюет.

Полный, роста небольшого,
 Этот — кряжистый старик.
 Ум высок, а сердце пылко.
 У него остер язык.
 Небесчувственный, разумный,
 Верен старому житью,
 Он несмел, хотя всем сердцем
 Любит нацию свою.

Он меж новым и отжившим —
Мост перекидной, но вот
Иногда и этот старец
На страну свою плюет.

9

Голоса здесь раздаются:
«Кто нас критикует так?»
Вы твердить не торопитесь:
«Этот, мол, поэт — наш враг!»
А рассердитесь — ну что же?
Вам ответ могу я дать:
Как вы на страну плюете,
Так и мне на вас плевать.

7 декабря 1871

57. ЕЩЕ ЗАГАДКИ

1

Скоморох, фигляр болтливый,
Скрытный, с лисьей хитрецою.
Торговать ему на рынке,
А ведь правит он странюю!
Ловкий человек, бездельник,
С острым языком и слухом,
В духе времени способен
И соврать единым духом.
Мастер он играть в костяшки,
А играя, бьет он штрафом;
Много раз пролез и вылез,
Все-таки не стал он графом.
Ради призрачного графства
Погубил он свой народ.
Что ему страна? Что — люди?
Он на них давно плюет.

2

Есть один, мал больно ростом,
Кряжистый, широкоплечий.
Он, гримасы не состроив,
Ни одной не скажет речи.
Хоть такого сорта люди
Быть грузинами стыдятся,
Он — грузин. ~~Ему~~ за это
Многие грехи простятся.

От него добра другого
Родина и не видала,
Хоть на добрые деянья
Было случаев немало.
Далеко от нас он занял
Пост большой. Вот только б знать:
Так же ль и ему, как прочим,
На страну свою плевать?!

8

Точно сыч большеголовый,
Хмурый, с мыслью, полной смуты,
Оболдуй какой-то мрачный,
Ходит он всегда надутый.
Мысли взболтаны, увязнешь
В них, как вязнут в тесте руки.
Он послал за «наградные»
Многих по миру, на муки.
Проклиная негодяя,
Не одна рыдает мать,
Но ему на все проклятья
И на родину плевать.

4

Круглолицый, круглоротый,
Гладко выбритые щеки,
Как Нарцисс, в себя влюбленный,
Хоть старик уже глубокий.
И кривляка, и жеманник,
К вам подходит, шаркнув ножкой.
Как остро он ухо держит, —
Ведь доносчик он немножко.
Этот опытный чиновник,
Наш Молчалин, не зевает,
Только тем средь нас кичится,
Что чины он получает.
Задирает нос средь мелких,
Пред великим — прах дорожный,
Именем отца он славен
Потому, что сам ничтожный.

Говорят, что он писатель,
Но не видят, как ни странно,
Что надергивает фразы
Из чужих — в свои романы.
Если трудное посольство
Подвернется, беспардонно
Тут примажется он сразу,
Точно важная персона.
Эта чудная загадка
Очень затянулась, к слову,
Да и вкратце как опишешь
Человека столь пустого?
Он двуличный, и подальше
Нужно от него бежать.
На грузин, армян иль русских
Этой дряни наплевать.

5

Этот — славный зачинатель
Дела доброго, сдается!
Сказано: не по плоду ли
Дерево распознается?
Если так, его приметы
Опущу я перед вами:
Покажу вам плод — и древо
Распознаете вы сами.
Он — единственный, который
Поднял нас на созиданье,
Помогать учил друг другу,
Порицая враждованье. . .
Заложил основы банка
Во спасенье наше, братья,
Но враги банк погубили,
И за это им проклятье!
Средь людей бесчеловечных
Кажется он человеком,
Преданным своей отчизне,
И шагает в ногу с веком.
Не скажу, что он безгрешен,
Критике неподвергаем,

Но тому, кто сеет благо,
Недостатки мы прощаем.
Как-никак его мы можем
И любить и уважать,
Ибо, кажется, ему лишь
На страну не наплевать.

6

Знаю я, как процветают
Многие другие лица.
Их не опишу, и так уж
Ими вся полна страница.
В общем стаде их не слышно,
Держатся довольно кротко,
Хоть и некоторых, право,
Мучит языка чесотка.
Знают многие пиявки,
Змеи, гады, знают сами:
Ни к чему они не годны,
Только хлопают глазами.
Кучка эта или стадо
Целую составят рать:
Всем им из своей халупы
На отчизну наплевать.

7

Есть такой вопрос в загадке:
«Что ж людей достойных края
Со злорадством он поносит,
Слух врага тем услаждая?»
Враг наш — слепота людская,
Вера в человека злого,
Раболепье; враг наш — с делом
Расходящееся слово.
Скромников, предпочитавших
Свету тень, определил я,
Должное воздал и этим
Истину восстановил я.
Я хочу, чтоб вы сумели
Распознать людские лица,

И пусть мертвые хоронят
Мертвецов, как говорится.
Я хочу, чтоб наплевали
Вы на всех людей плохих,
На изменников отчизны,
Как и я плюю на них!

7 декабря 1871

58. ОТВЕТ НА ОТВЕТ

1

Мы не чиновники,
Мы не чиновники,
Мы — мелюзга для чиновных господ.
Нас западнею
Накрыли сановники,
Так и мяучим не первый мы год.

Хоть и в России
Учились мы сами,
В ваших делах мы совсем не сильны:
Нашу страну,
Угнетенную вами,
Мы не сменяли, как вы, на чины.

Либерализмом,
Патриотизмом
Не попрекали достойных людей
И за медали
Не продавали
Брошенной вами отчизны своей.

Счастье страны —
Упование века —
Мы почитали превыше всего;
А добродетель
И честь человека
Не измеряли чинами его.

С виду примерно,
Но лицемерно
Мы не молились в церквах напоказ.
Ваше иканье,
Руками маханье
Мы не считаем молитвой за нас.

Ныне, вернувшись
К родине павшей,
Лучшие вас не признали умы.
Что ж вы дивитесь,
Что азбуке вашей
Не соглашаемся следовать мы?

2

Мы о народе
Твердим постоянно,
Вы ж удивляетесь нам невпопад.
Разве вы слепы?
Ведь океаны
Тоже из капель простых состоят.

Что ж вы дивитесь,
Раз мы желаем
Всех обездоленных соединить?
Вам, пустозвонам,
Злобным лентяям,
Только бы яму для общества рыть!

Да, мы устали,
Путь потеряли,
Вы же болтаетесь навеселе.
Мы несчастливы,
Вы же спесивы, —
Как нам ужиться на этой земле?

8

Вы клеветать
Продолжаете дальше,
Всюду безбожьем корите вы нас.

В бога неправды,
В господа фальши
Мы, безусловно, не верим сейчас.

В бога-разбойника
И лицемера,
В бога, живущего нашим горбом,
Вам, тунеядцам,
Свойственна вера,
Мы вам охотно ее отдаём.

Но в утешителя
Обремененных
И обличителя праздных людей,
В господа страждущих
И угнетенных
Не потеряли мы веры своей, —

Братство и равенство
Нам возвестившего,
Бога распятого, бога в крови,
Слабых призревшего,
Сильных язвившего,
Вами гонимого бога любви;

Всех двуязычных,
К фальши привычных
Ниспровергающего без труда,
Всех фарисеев
И саддукеев
Изобличившего раз навсегда!

Он уподобил
Смердящему гробу
Всех, кто, как вы, лицемерил в веках...
Дети обмана,
Насытив утробу,
В бога вы верите лишь на словах.

То, что язык наш —
 Слава народа, —
 Это мы знаем, здесь вы правы,
 Но, унижая
 Его год от года,
 Кто провинился — мы или вы?

Разве до нас
 Не хозяева были
 Вы, что теперь поднимаете крик?
 Мы лишь родились,
 А вы уж забыли
 Созданный нашим народом язык.

Разве не вы
 Лицемерно презрели
 Славный язык, для народа родной?
 Кто из вас, бледный
 От страха доселе,
 Дома на нем говорит меж собой?

Дивный язык,
 Выразительный, сильный,
 Вами загублен. Не наша вина
 В том, что теперь
 Пеленою могильной
 Вы спеленали его письма.

Славный язык
 В унижение, в печали
 Приняли мы, чтоб его воскресить.
 Вы нам и это
 Во грех засчитали, —
 Как по земле вам не стыдно ходить?

Попранный вами,
 Вами гонимый,
 Скрыли язык мы в лагуге своей.

Там от забвенья
Его сохраним мы
Для миллионов достойных людей.

Ежели в чем
Погрешили невольно —
Всё мы исправим для блага страны.
Вы же своими
Делами довольны,
Пусть беспросветны они и черны.

Бродите вы
Без пути, без дороги,
Всюду от вас и унынье и страх.
Коль не затопчет
Вас буйвол убогий,
Горе отечеству в ваших руках!

Вы нас ослами
Зовете доньне,
Стыд и учтивость забыв навсегда.
Шота сказал:
«Уж коль есть что в кувшине —
То из него и течет, господа!»

28 января 1872

Թյւ ՁւրՆԵՐ ԳԼՈՒԿՈՒ
ԵՄԻ ԶԻՆՔԵՐՈՒ ԶՅՈՒՅՈՒՄԷ
ԻՄԻՇՈ ՊՆՁՈՒ ԼՁԼՈՒ
ԶԻՄՈՒ ԼԵՆՈՒ ԵՄԻՆԷ.

ԿՅՈՒՄԵՐՆԵՐ ԶՐԼ Լ.
ԿՅՈՒՄԵՐՆԵՐ ԶՈՒՅՈՒ;
ԶԻՄՆԼ ԵՄԻՆԷՐԼ.
ԶԻՆԷՐ ԿՅՈՒՄԵՐՆԵՐ?

ԵՄԻՆԷ

59. СОВЕТ

Если вкусить ты хочешь
Блага в семье человеческой,
Настрой, чтобы льстить богатым,
Гусли души и речи.

Будь мудр, хвали только знатных,
Чтоб больше тебя почитали,
И проповедуй: так надо,
Чтоб сильные слабых глотали.

Потребует кто доказательств,
Твоей удивляясь затее, —
Ответствуй: поверьте сначала,
Я всё докажу вам позднее.

Льсти знатым словами любимы,
Ведь им только это и надо.
А люди простые. . . черт с ними!
Была бы от знатных награда!

Хотя лицемерие — рабский
Поступок в глазах и у знати,
Чтоб выше всползти, пресмыкаясь,
Виянье хвостом очень к стати.

Скажу я тебе для примера:
Есть друг у нас с норовом льстивым,
Он, сам себе так помогая,
Из всех нас стал самым счастливым.

29 августа 1872

Славная родина, что ты сегодня грустна?
Ныне безвременье, но подойдут времена.
Старых не стало, зато молодые пришли
И восстановят величье любимой земли.

Родина, клад мой бесценный, зачем ты грустна?
Младшие выросли — крепкий, упорный народ.
Им ты всечасно предмет и забот и работ.
Им ты доверься, они не изменят тебе,
Доблестью их просияешь в превратной судьбе.

Родина, клад мой бесценный, зачем ты грустна?
Сердце широким гнездом их восторги таит.
Грудь их — защита надежнее всяких защит.
Чувства к тебе не изменит презренный обман.
Грудью вперед — сокрушат они вражеский стан.
Славная родина, что ты сегодня грустна?

*15 сентября 1872
Кварели*

Забыты мечты и надежды ранние,
Забыты все упования светлые, —
Стрелой любви мое сердце ранено...
О, как тяжела любовь безответная!

Зачем тебя встретил я, милая женщина!
Зачем столь губительна и прелестна ты?
О сердце, однажды покой нашедшее,
Для новых печалей зачем воскресло ты!

Я раб ее покорный и преданный, —
Но делит с другим она наслаждения,
Другому все тайны ею поведаны...
Будь проклят ты, день моего рождения!

Поймешь ли горе мое, любимая?
Увижу ли свет надежды из ночи я?
Излечишь ли раны неисцелимые,
Иль двери в рай навек заперены?

1877

62. К.В.М.

Не вини меня, что не каждому
Руку дружески пожимать я рад,
Что клеймить порой я в собратьях мог
Низость мелких душ и злословья яд.

В горе, в радости овладела мной
Вера пылкая в доброту людей,
И холодному взгляду разума
Не хотел отдать я души своей.

Не тверди о том, что в пустых мечтах
Безрассудным я предан хлопотам, —
Буду лучше уж заблуждаться я,
Чем воспользуюсь трезвым опытом.

Да и опыт где? Он утрачен мной.
Сердце все свои отстрадало дни.
В нем и холодно, и темно теперь,
Как в покинутой всеми гавани.

Благо тем, кого этой веры свет
Озарил хоть раз полной мерою,
Но счастливей тот, кто до смерти был
Одарен в добро чистой верою.

Не вини меня, что не каждому
Руку дружески пожимать я рад,
Что клеймить порой я в собратьях мог
Низость мелких душ и злословья яд.

1877

63. БАЗАЛЕТСКОЕ ОЗЕРО

Говорят, есть люлька золотая
В Базалетском озере на дне.
Говорят, цветет, не отцветая,
Под водой волшебный сад над ней.

Говорят, что этот сад не вянет,
Не роняет листьев никогда.
Мглой его зима не затуманит,
Не состарят долгие года.

Свежестью озерных волн смягченный,
Не вредит ветвям зеленым зной.
И в тени, сияньем напоенной,
Лишь весна сменяется весной.

И, струясь, как воздух, в темных кущах
Чуть колеблет колыбель вода.
Ни один отважный из живущих
Опуститься не посмел туда.

Лишь наяды легкою толпою
Колыбель, играя, стерегут,
Тонкою любуются резьбою,
Песни колыбельные поют.

Говорят, внесла Тамар-царица
Эту люльку под садовый свод.
Ливнем слез, не устававших литься,
Сад и люльку затопил народ.

Но никто не знает, чей ребенок
И зачем положен в люльке той,
Почему потоки слез соленых
Лил народ над люлькой золотой.

Говорят, в той люльке отрок дремлет,
Всеми ожидаемый в краю,
Тот, о ком давно мечта объемлет
Днем и ночью Грузию мою.

Если так, прославим всенародно
Витязя, кто, силы чудной полн,
Первый в мире в сад сойдет подводный
И подымет колыбель из волн!

Да хвалима будет во вселенной
Мать, которая, от всех вдали,
Грудью выкормит благословенной
Отрока — надежду всей земли!

14 июля 1883

64. ПРИГЛЯДИСЬ!

1

Может щит от меча
Уберечь,
Но в сражении щит —
Тоже меч.

2

Если честный бой меж врагами идет,
Совесть посредником встает.

3

Грозный, могучий меч,
Сталь твоя остра,
Но сильнее тебя острие
Маленького пера.

4

Длинное, крепкое копье
Кровь проливает в мире зла,
Но обнищавшим одежду шьет
Маленькая игла.

5

Хочешь доброе имя добыть —
Посади такое зерно,
Чтобы завтра кто-то сказал:
«Мне добро принесло оно».

6

Врага одолей добром
И крови его не лей,
Великодушием победи
Гордость души своей.

7

Этот мир устроен так:
Ночь уйдет — день настанет вновь.
Всё разрушенное враждой
Восстанавливает любовь.

8

Слез героя не осуждай, —
Молот гнет и металл,
Но в отличие от скота
Человеку бог слезы дал.

9

Не тот достоин считаться рыцарем,
Кто любит кровь проливать,
А тот достоин назваться рыцарем,
Кто меч за обиженных мог поднять.

10

Тогда ты достоин похвалы,
Когда задашь себе вопрос:
«День миновал, но сколько же я
Пользы кому-нибудь принес?»

11

Пожалей, но не осуждай
Того, кого зависть извела.
Протяни лучше щит добра
Тому, кто тебе желает зла,
Водю добра напиться дай
Стоящему в луже греха.

Нет, я рыцаря не хвалю,
 Умеющего воевать, —
 Хвалю того, кто грешной земле
 Правду в лицо посмел сказать.
 С хулителем правды вступившего в бой
 Я рыцарем мужественным зову:
 С малой овечкою ласков он
 И может смело ответить льву.

Разум молвил: «Заставил я
 Зябь вспахать на буграх крутых,
 И для всходов семян набрать,
 И на пашне посеять их.
 Я бессильному силу дал,
 Чтобы мог он землю пахать».
 Сердце молвило: «Да, ты прав,
 Но мне разреши сказать.
 Всё засеянное мной
 Ты велел пройти бороной,
 И сухие эти бугры
 Поливать мне моей слезой.
 Потом, кровью пришлось растить
 Мне посеянный в поле злак,
 А когда всколосилась рожь,
 Мне пришлось убирать сорняк.
 Жатву снял я, связал снопы
 И остался сам с сорняком.
 А чтоб поровну всё делить,
 И не думаешь ты о том.
 Разум! Истина та стара:
 Не внушишь тебе путь добра!»

65. ВОПРОСЫ-ОТВЕТЫ

ВОПРОС

Ты прекрасна, родная моя страна,
Лучше края в мире не знаю я, —
Но чем больше красу твою познаю,
Тем сильнее душой страдаю я.
На тебя глядеть — не насытить взор,
Не насытить слух, тебя слушая, —
Отчего ж, скажи, возлюбив тебя,
Истерзал и сердце, и душу я?
Ты всевышним богато одарена,
Ты венец его мироздания, —
Но чем больше вижу я благ твоих,
Тем больше мои страдания.
Ты любому на помощь придешь в беде,
Не откажешь в своем обилии, —
Почему ж, чем богаче ты и щедрей,
Тем грустнее мне и тоскливее?
Отчего, страна родная моя,
Я томлюсь под твоими звездами?
Почему умирает моя душа
Там, где всё для радости создано?

ОТВЕТ

Да, я — рай!.. Но что вы творите в нем!..
Сын мой слабый, не зря терзаюсь я...
Вы свой рай превратили в крошечный ад,
Отравили враждой и завистью!..

Я могла бы стать царством вечной любви, —
Но, увы, лишена благодати я:
Вы грызете друг друга в райской тени,
Изрыгая брань и проклятия! . .
Я щедра! . . Но горе сынам моим, —
Не хотите вы жить по-доброму;
Вы святое святых осквернили грехом,
И добро вашей злобой попрано!

Накормить-напоить я вас всех могу —
Вы ж друг друга едите поедом. . .
Сколько вами, отвергшими кладезь мой,
Братской крови выпито, пролито!
Виноградник пышный и райский луг
Обратятся в пустошь бесплодную,
Коль святой росой их не окропит
Сердце чистое, благородное.

1894

ПОЭМЫ

Как будто ждет он лишь трубы господней,
Чтоб в Судный день низринуться с высот
И самому погибнуть в преисподней,
И погубить с собою весь народ.

2

Но это утро было так прекрасно,
Так радостно струились волны рек,
Что даже полный ярости опасной
Смирился очарованный Казбек.

Небесному спокойствию внимая,
Безмолвная покоилась земля,
И небеса от края и до края
Свой дивный свет струили на поля.

Лишь разум мой, испытанный судьбою,
Не обольщался этой тишиной.
«Не верь, — шептал он, — счастьем и покоем:
Лгут небеса, лукавит мир земной.»

Не в первый раз на этот мир злосчастный
Блаженная нисходит тишина,
Но никогда судьбы его ужасной
Не изменяла к лучшему она.

Всё это ложь, что видишь ты сегодня.
Мир негодует, бедствуя давно.
Поистине, проклятие господне
В безмолвии его заключено!»

8

Но прелесть утра все мои сомненья
Развеела во мне, и наконец
Душа моя познала утешенье
В надежде, животворной для сердец.

Проникнутый блаженным упованием,
Я погрузился в сладостный покой,
И сердце, истомленное страданьем,
Любовью озарилось неземной.

Могучей верой в мировое благо
Опять душа наполнилась моя,
И спала с глаз моих завеса мрака,
И слух воскрес для звуков бытия.

И дивные предстали мне виденья,
Исполненные мудрости, и в них
Таинственное было обольщенье
Для сокровенных помыслов людских.

4

На высоте Казбека отдаленной,
Сверкая белоснежной сединой,
Чудесный старец, в думу погруженный,
В тот ранний час предстал передо мной.

Глаза рукой от солнца заслоняя,
Смотрел он вдаль, где у подножья скал
Могучий Терек, волны погоняя,
Как злобный лев, метался и стонал.

Прислушиваясь к яростному вою
Мятежного питомца своего,
Громада гор стояла над водою
И повторяла возгласы его.

И путник, пробираясь по теснине,
Дрожал от страха, и зеленый лес
Шумел вдали, и посреди долины
Текла Арагва, полная чудес.

5

Люблю тебя, Арагва! Ты была
Свидетельницей доблести грузинской.
В былые дни страна моя цвела
У вод твоих красою исполинской.

Давным-давно, во мраке прошлых дней,
Ты видела расцвет страны моей
И колыбель отцов моих качала...

И чудится — от самого начала
Предания страны моей родной —
Сокрыла ты холодной волной.

Там, где твои бушующие воды
Приемлет осторожная Кура, —
Там бой кипел, там спорили народы
И кровь лилась с утра и до утра.

Поистине родной грузинской кровью
Здесь орошен земли моей оплот.
О, сколько раз с печалью и любовью
Смотрел я в глубь прозрачных этих вод!

Что я искал? Забытое бывшее?
Погибшее отечество святое?
Не знаю я... Но кровь далеких дней
Дымилась над отчизною моей.

6

Но ни леса, ни горы, ни долины,
Ни залитый сияньем небосклон
Не привлекали старца, и с вершины
Не их красую любовался он.

Он вдаль глядел. От края и до края
В многообразном шуме бытия,
Как некая жемчужина живая,
Пред ним лежала Грузия моя.

И он смотрел, как дивный небожитель...
Откуда ты, таинственный старик?
Зачем покинул ты свою обитель
И, как виденье, предо мной возник?

Так я спросил. И с высоты двуглавой
В ответ раздался голос величавый:

«Повсюду и всегда я, Грузия, с тобой!
 Я — твой бессмертный дух, я — спутник твой
 скорбящий.
 И сердце я омыл в крови твоей живой,
 И в жребий твой проник — былой и настоящий.

Твоим томлением, несчастная, томим,
 Потоком слез твоих я орошал ланиты.
 О, как я тосковал по дням твоим былым,
 Как для тебя искал опоры и защиты!

Могу ли я забыть добытую в боях
 Былую мощь твою и дедовскую славу?
 Была свободной ты, и вот — развеял в прах
 Неумолимый рок могучую державу.

Уж твой не верит сын, что, родину любя,
 Возможно обновить погибшие твердыни.
 Он веру потерял, страдая, и тебя
 Покинул, словно храм, заброшенный отныне.

Покуда, возмужав и сердцем и умом,
 Он не поймет основ общенародной жизни,
 Покуда в ход ее не вникнет он с трудом, —
 Чем может он помочь страдающей отчизне?

Бессмысленно ропща, он погрузится в мрак,
 Испепелен навек судьбой своей плачевной,
 И слез его поток есть несомненный знак
 Бессилия его и немощи душевной.

Ни стар, ни мал не ведают сегодня,
 О чем скорбит родная сторона.
 Забыли мы, что милостью господней
 Нам, как святыня, родина дана.

Забыли мы, что перед ликом бога
Велик лишь тот, кто за родной предел
Всю жизнь свою до смертного порога
Огнем самоотверженным горел.

О, счастлив тот, кто в жизни удостоен
Великой чести биться за народ!
Благословен в бою погибший воин!
Его пример вовеки не умрет.

В народной песне он воскреснет снова,
Его призыв в грядущие века
Воспрянет в сердце юноши молодого,
Чтоб, стиснув меч, не дрогнула рука.

Услышав песнь о подвиге героя,
Забудет старец жребий свой, и вновь
В душе его проснется жажда боя
И закипит к отечеству любовь.

Над колыбелью маленького сына
Ее споет заботливая мать,
Чтобы дитя с отвагою орлиной
Родной народ учились защищать.

Младая дева, струны в лад настроив,
Споет ее на утре майских дней,
И много новых доблестных героев
Родит та песнь для родины моей.

9

Увы, грузины, где же тот герой,
Кого ищу я в стороне родной?

Героя нет. . . И поле боевое
Давным-давно травкою поросло,
И то, что было доблестью в герое,
Исчезло в вас и превратилось в зло.

Оторвались душой вы от народа,
Забыли вы о родине своей.
И, медленно слабея год от года,
Уже служить не в силах больше ей.

Для вас природа, щедрая на диво,
Все лучшие богатства припасла,
Чтоб жили вы свободно и счастливо,
Чуждаясь равнодушия и зла.

И вот страна — жемчужина вселенной,
Любимое отечество мое —
Лежит одна в печали неизменной,
Затем, что разлюбили вы ее:

Затем, что вы нечистою рукою
Замкнули ей правдивые уста,
Затем, увы, что под чужой полою
Она укрылась, точно сирота.

10

Но и в толпе, покорной и безгласной,
Вдруг искра загорается творца,
И с униженьем родины прекрасной
Порой не примиряются сердца.

Однако зависть и вражда глухая
Разъединяют немощных людей,
И гибнет их отвага молодая,
Бесплодная для родины моей.

Вот двое-трое, видимо, прозрели,
За родину вступили в смертный бой,
Но даже в общем благородном деле
Они не знают дружбы меж собой.

Не доверяя в действиях друг другу,
Они, разрушив дело рук своих,
Способствуют всеобщему недугу,
Который стал причиной горя их.

Вот господин и раб его бесправный,
 Вот на весах условленный оброк.
 Когда он принят мерою исправной,
 Встает хозяин, злобен и жесток,

И ставит ногу властную на гири.
 Несчастный раб! Заплатишь ты вдвойне.
 Поистине, нет правды в этом мире,
 А сила на господской стороне!

Подобно камню сердце богатея,
 Он сам, увы, своих пороков раб.
 Молить его — бесплодная затея
 Для тех, кто в жизни немощен и слаб.

Бедняк молчит, в слезах ломая руки,
 Пощады просит взор его очей.
 Куда уйти от голода и муки,
 Как прокормить беспомощных детей?

Он думает: «Мой пот, моя забота,
 Моя неутомимая работа,
 И в дождь, и в слякоть беспросветный труд,
 Мои невзгоды, беды и страданья,
 Терпение, упорство, упованья, —
 Жена моя! — что нам они дадут?»

О, горе мне! Тоска меня снедает,
 Как ни трудись — плоды пожнет другой.
 Раб трудится — хозяин поедает. . .
 Где справедливость в мире, боже мой?»

Раба за человека не считают.
 От матери младенца отнимают
 И продают неведомо кому. . .
 Со всей своею злобой сатанинской
 Глумятся над любовью материнской,
 Наперекор природе и уму. . .

И если бог послал бедняге дочь,
Отмеченную чистой красотой, —
Несчастный раб, чем можешь ты помочь
Беде своей? Что станется с тобою?

Отнимут дочь, похитят, продадут,
Заставят жить в печали и тревоге
И, надругавшись, душу заплуют,
И, как цветок, распочнут по дороге.

И заклеят бессмысленный разврат
Прекрасный образ дочери любимой;
Всё, что любил ты, всё, чем был богат, —
Увидишь в скверне ты неистребимой.

И отвернешься с мукою в душе,
Заплакал бы, да слез не будет боле,
И ты уйдешь с проклятьем, и уже
Возненавидишь деву поневоле.

И скажешь ты: «Уж лучше бы змеей
Родилась ты или была уродом,
Чем обесчестить дом семьи родной
И осрамить меня перед народом!»

18

Ты сын труда, и на твоих плечах
Ярмо несправедливостей жестоких,
Хоть за тебя и распят был в веках
Учитель всех несчастных и убогих.

Труд на земле давно поработен,
Но век идет, — и тяжкие оковы
Трещат и рвутся, и со всех сторон
Встают рабы, к возмездию готовы.

Освобожденье честного труда —
Вот в чем задача нынешнего века,
Недаром бурь народных череда
Встает во имя братства человека.

Не устоит отживший, старый мир
Перед могучим вихрем обновленья,
Не выдержат грабитель и вампир
За правду справедливого сраженья,

Падут оковы, рушится оплот
Проклятого насилья мирового,
И из побегов новых расцветет
Страна моя, родившаяся снова.

14

Настанет день, и на земле жестокой
Вражда и скорбь исчезнут без следа,
И утвердится светлый мир труда
Во всеоружье истины высокой.

И по таланту каждому за труд
Воздаст он всем равно и справедливо.
И нищета пройдет, и всем на диво
Овца и волк в согласье заживут.

Вернув земле утраченный покой,
Свободный труд изгонит тунеядство.
И уж не будут праздной болтовней
Слова: свобода, равенство и братство.

Поистине, почуял человек,
Что он растет и борется по праву,
Что породить обязан этот век
Труда благословенную державу,

Где ты воспрянешь с поднятым челом,
Почуешь силы творческие снова
И сам не будешь более рабом,
И не возьмешь в рабы себе другого.

Настанет день, и песнь твоей души —
Песнь пахаря над истощенной нивой,
Песнь пастуха, которая в глуши
Пугает нас печалью сиротливой, —

Как светлый гимн раздастся над землей,
И, позабыв последние невзгоды,
Прославишь ты над пашней трудовой
Священное дыхание свободы.

И расцветут родимые поля,
И пред тобой от края и до края
Вдохнет освобожденная земля,
Твой светлый гимн согласно повторяя.

15

Вот предо мной вельможа именитый.
В каком довольстве пребывает он
В то время, как собрат его забытый
И голодом, и страхом удручен!

Пожертвовать для слабого собою —
Удел героев. В наш спесивый век
Чужой не проникается бедою
Гордынею объятый человек.

Зачем ему творить добро народу,
Коль сам живет он бедствием людей,
Зачем чужую облегчать невзгоду,
Коль счастлив он благодаря лишь ей?

Вот и купец. Улыбки расточая,
Торгует он, обманывая люд,
Пусть брат его погибнет, голодая, —
Он не моргнет и глазом, этот плут.

Вот и попы. Как говорит преданье,
Спаситель мира, к подвигу готов,
Народное им вверил воспитанье,
Они ж омыли руки от трудов!

Где подлинно великое ученье
Любви и правды? Предано забвенью!
Где проповедь возвышенных идей,
Чтобы воспрянул нищий и голодный?
Где возвеститель правды всенародной
Во имя блага родины моей?

Вот и Тбилиси. Горестью гонимый,
 Бродил я там, печальный и незримый,
 Прислушиваясь к шуму бытия.
 Передо мной крестьяне и князья,

И старики, и женщины, и дети
 Шумели, проходя по мостовой.
 Внимательно я слушал эти речи,
 Но мысли не заметил в них живой.

Клянусь высоким именем картвела, —
 Их жизнь — не жизнь и дело их — не дело!

Они хлопочут, думают, живут,
 Ликуют, плачут, стонут и поют;
 Шум, говор, смех, а как посмотришь — рядом
 Унынье, скорбь и слезы льются градом.

Но в мыслях их, и чувствах, и делах,
 В улыбках безмятежных и слезах
 Ни смысла нет, ни разума, ни веры,
 И все они — лжецы и лицемеры.

Пустая жизнь, почти небытие,
 Бесплодные печали и напасти!
 Однообразья мертвого ее
 Не оживляют подлинные страсти.

Сегодня там похоже на вчера,
 Грядущее обманчиво и серо.
 Борьба во имя правды и добра
 Теперь, увы, не боле как химера.

Там за подачку жалкую князей
 И стар и мал продать себя готовы,
 Сменили там на ржавые оковы
 Честь и свободу родины своей.

А вот и Мцхет — героев отчий дом,
 Великой жизни дивная гробница!
 Здесь древо жизни, славное в былом,
 Впервые стало радостно ветвиться.

Его во славу прежних вольных дней
 Вспоило сердце древнего картвела,
 И радость, озарившая людей,
 Как светлый ключ, в груди у них звенела.

Но там, где древо славное цвело,
 Страдания и раны исцеляя,
 Где ключ бессмертья, отгоняя зло,
 Хранил судьбу отеческого края, —

Теперь не бьет источник тот живой,
 И древо жизни больше не ветвится.
 И сделалась деревнею простой
 Прославленная дедами столица.

Иссякла жизнь, широкая, как мир,
 Обрушились высокие чертоги,
 Где был дворец — теперь стоит трактир
 Да бродят овцы, жалки и убоги.

Отчизна милая, жемчужина вселенной,
 О, сколько страшных бурь промчалось над
 тобой!
 Кто, сломленный в боях грозой иноплеменной,
 Сумел бы перенести ужасный жребий твой?

**Кто смог бы перенести тысячелетия боли,
 Борьбы неистовой — и не разбиться в прах?
 Кто смог бы пережить все ужасы неволи
 И отстоять себя в бесчисленных боях?**

Полки твоих сынов в сраженьях погибали,
 Два тысячи годин звенели их щиты,

Но голову свою в унынье и печали
Ни перед кем еще не преклоняла ты.

Во имя двух святынь отважные иберы
Боролись у твоих многострадальных стен, —
Отчизну отстояв и не нарушив веры,
Поистине за них всё отдали взамен.

19

Как может позабыть отважный твой питомец
И рабство и позор тех беспросветных дней,
Когда врата твои всеильный Македонец
Поколебал в боях десницею своей?

Он ненавидел нас, он презирал бесправный
Талантливый народ. Но даже в лютый год
Удержит ли страну тиран самодержавный,
Который полюбить не в силах наш народ?

Жестокостям своим не ведавший предела,
Он Грузию в те дни, как тряпку, растоптал
И славный наш язык — сокровище картвела —
В родной его стране преследовал и гнал.

Он не хотел признать достоинства народа,
Его творения, величие и честь,
За что сыны его боролись год от года
И сотни бед своих сумели перенести.

И в ярости народ смотрел на груды праха,
И шею гнул в ярме, как требовал тиран,
И под личиною покорности и страха
Обдумывал в душе возмездья тайный план.

20

И наступил народной мести срок,
Восстал народ, и враг бежит, гонимый, —
Благословен карающий клинок
Во имя счастья родины любимой!

Мне чудится отважный Фарнаоз,
Болеющий за честь родного края.
Клинок возмездья первый он занес,
Священным гневом яростно пылая.

Не вынес он, старинный наш герой,
Бесстыдства всенародных оскорблений
И на тирана мощною рукой
Обрушил месть отважных поколений.

И, поразив насильника в боях,
Сорвал он цепи с нашего народа,
И над страной, поверженной во прах,
Зажглась, как солнце ясное, свобода.

Он Грузию из множества частей
Опять слепил в одно большое тело
И возвеличил доблестью своей
Униженное звание картвела.

21

С тех пор твои, о Грузия, сыны,
Чтоб жизнь была привольна и богата,
Своих мечей не прятали в ножны
Под ненасытным взглядом супостата.

Пусть с четырех теснил тебя сторон
Коварный враг, но поднимались снова
Сыны твои, и, грудью отражен,
Враг удалялся с поля боевого.

Бывали дни, когда на твой призыв
Взвивались вверх народные знамена
И, юношей на бой соединив,
У рубежей вставали непреклонно.

Бывали дни, когда за честь твою
Смерть — даже смерть! — считалась счастьем.

Даже

Соперничали воины в бою,
Кому погибнуть первому на страже.

А что теперь? В душе твоих сынов
Уж не горит огонь былых столетий,
И про дела отважные отцов
Не вспоминают нынешние дети.

22 — 23

24

Исчезла без следа бывшая мощь державы,
И доблестная жизнь, исполненная славы,
Заглохла, как река среди сухих степей...
Пусть не текла она дорогою свободной,
Истерзана борьбой и яростью бесплодной,
Но боль за родину была присуща ей.

Текла она вперед сквозь радости и горе,
То замирала вдруг, то ширилась опять.
Но зависть и вражда в бессмысленном раздоре
Родные берега старались подрывать.

И пали берега, обрушились твердыни,
И жизненный поток по воле темных сил
Десятками ручьев растекался по долине
И кровный труд отцов, бушуя, поглотил.

Настанет ли тот день, когда увижу снова
Страну, воскресшую для новых светлых дней,
Когда утихнет спор и крепкая основа
Соединит навек измученных людей?

Когда ручьи племен сольются воедино,
И, от последних бурь освобождая нас,
Могучая душа, достойная грузина,
С любовью осенит прославленный Кавказ?

Когда своим лучом священная свобода
Расплавит цепи зла и превозможет тьму,
И снова будет горд достойный сын народа,
Что он принадлежит народу своему?»

И в этот миг ударил в небе гром,
 И дрогнул мир от яростного гула,
 И, осветив ущелие огнем,
 Передо мною молния сверкнула.

Громада туч полнеба облегла,
 Долины, горы мглой заволокла,
 Рванулся ветер, буря застонала,
 И с высоты однообразных скал,
 Где белый снег клубился и взлетал,
 Послышался угрюмый рев обвала.

И светлое молчание природы
 Сменилось адом, и казалось мне,
 В сплошной хаос слились земля и воды
 И ветер выл с громами наравне.

И я взглянул с тоскою на Казбек,
 Но в воздухе уже клубился снег,
 И заслонялась тучами вершина,
 И старец, преисполненный огня,
 Как светлый призрак, скрылся от меня,
 Покинув опечаленного сына.

Но буря пролетела через миг,
 И засияли горы в отдаленье,
 И снова старец, древен и велик,
 Предстал очам, как дивное виденье.

Склонив колена над родной землей,
 Вздымал он к небу трепетные руки
 И, горести исполнен вековой,
 Молился в исступлении и муке:

«О мать божия! Отчизна — твой удел...
 Заступницею будь истерзанного края!
 Прими, как жертву, кровь, которую картвел
 Столь щедро проливал, в страданьях погибая.

Довольно этих мук для родины моей,
Верни моей стране стремление ко благу,
Даруй ей бытие далеких славных дней,
Вдохни в сердца сынов отцовскую отвагу!

О боже праведный! С молитвой на устах,
Картвелы прошлых дней не ведали покоя.
Прими как жертву ты их незабвенный прах
И отпусти грехи, искупленные вдвое.

Верни грузинам ты взаимную любовь,
Восстанови страну из праха разрушенья
И радугу твою живительную вновь
Яви как добрый знак грядущего спасенья!»

27

И распростерся пояс семицветный,
Венчая неба купол голубой,
И над страной печали беспросветной
Повеяло надеждою живой.

И грудь моя исполнилась блаженства,
И мрак сомнений навсегда исчез,
И не было на свете совершенства
Прекрасней этой радуги небес.

*Между 1859 и 1872
Петербург*

67. МАТЬ И СЫН

(Сцена из будущей жизни)

Старец Миндия, вперед!
Будь проворен, как волчица,
За тобой идут в поход
Все, кто хочет отличиться.

Народная песня

Посвящается Петру Накашидзе

Вот образ матери, представший предо мною
Из будущих времен. О, сколько, сколько раз
Вдали от родины мечтали мы с тобою
О тех великих днях, что ожидают нас!

Я занавес времен приподнял лишь немного,
Я еле рассмотрел, что будет впереди.
Влекла меня вперед сердечная тревога.
Вот мой заветный труд, — прими, не осуди.

Комната, окна которой выходят на улицу. В постели лежит старуха
м а т ь, изнуренная болезнью.

М а т ь

Хотя и нелегко болящему в постели,
Благодарю тебя, о боже, что доселе
Ты горестную жизнь мою не оборвал:
Проснулась Грузия, родной народ восстал!
Восстал родной народ от Каспия седого
До черноморских вод, замыслив в добрый час
Освободить от мук великий наш Кавказ.
Благословен народ, свой меч поднявший снова!
Единственный мой сын, мой первенец любимый,

Надежда матери, болезнями томимой,
Здесь, в этом домике, лелеет мой покой.
Лишь он один — моя последняя отрада,
Но в день святой борьбы, в день боя, если надо,
Отчизна милая, бери его — он твой!

(Горестно задумывается и через мгновение продолжает)

Отдам ли сына я для грозных испытаний,
Иль сохраню его в ущерб родной стране?
Как сердцу справиться с борьбою двух желаний?
Отчизна или сын дороже нынче мне?
Вот этот страшный день, для коего взрастила
Я милое дитя. . . Настал последний срок.
Сегодня я его отчизне посвятила.
От вражеской руки где сгинешь ты, сынок?
Седая мать твоя не склонится над телом,
Не окропит слезой растерзанную грудь,
Не перевяжет ран, и под ноги картвелам
Ты ляжешь, словно плат, покрыв собою путь.
И будет смерть твоя, геройская кончина,
И горестью моей и торжеством моим.
Мать сына своего, я прах оплачу сына,
Но как грузинка-мать гордиться буду им.

(Задумывается и продолжает спустя короткое время)

Пристанище народное, свобода,
Убежище униженных судьбой!
Людей несовершенная природа
Меняется, воспитана тобой.
Тиранами гонимая от века,
Ты древо знания вывела в рай,
Но что был рай, пока для человека
Не приоткрыла душу ты свою?
Вкусив свободы, праотцы взалкали
И на простое вольное житье
Господень рай охотно променяли
И отдали бессмертье свое.
Столь дорогою куплена ценою,
Зачем же ты покинула людей,
Зачем людской питаешься борьбою
И просишь крови наших сыновей?
Несешь ты миру чистый свет любви,
Но весь в крови идущий за тобой.

Зачем твой храм не строится без крови,
Хотя сама ты — счастье и покой?

Сын

(входит радостный)

Давно желанная пришла сегодня весть.
Ликуй, о мать моя, — вся Грузия проснулась!
Томительных оков не в силах перенести,
Земля кавказская от гнева всколыхнулась.
Приветствую тебя! Но ты печальна, мать.
Как можно в этот день, родная, тосковать?

Мать

Мне грустно оттого, что на исходе лет
Единственный мне сын дарован в утешенье,
Мне горько оттого, что в светлый день побед
Дитя мое умрет, сгорит в огне сраженья.
О, горе, горе мне! Я вижу мой закат,
Когда для родины сверкает луч восхода;
Последним смертным сном мне сумерки грозят,
Когда встает рассвет для нашего народа.
Вот в чем печаль моя. . . Чем ты поможешь ей?
Не забывай, мой сын, о матери своей!

Сын

Как? Ты меня сама послать на бой готова,
Чтоб в битве я погиб — единственный твой сын?

Мать

Убьет меня позор, коль сына я родного
В сраженье не пошлю, где борется грузин.
Избави нас господь от вечной укоризны,
Что дома ты сидел, когда страдал другой!
Кто сына своего не отдал для отчизны —
Тот не любил его вовеки, милый мой.
Бесстрашен будь в бою — вот лишь о чем молю я.

Сын

О, никогда еще так крепко не любил
Тебя я, мать моя! Поверь, не отступлю я
И буду бить врага, пока достанет сил.
Снаружи доносится шум. На улице собираются войска.
Сын бросается к окну.

М а т ь
(*про себя*)

Не знаешь ты, сынок, чего мне это стоит,
Но пусть тебя вовек мой стон не беспокоит...
Все муки я теперь готова претерпеть,
Лишь только б смерть моя тебя не задержала!
Я провожу тебя в последний путь сначала,
Чтобы потом одной в забвенье умереть.

Доносится песня воинов:

Руку, воин, на клинок!
Позабудь былые беды!
Час сраженья недалек,
Наступает день победы!

Чтобы родину спасти,
Мы идем, друзей сзывая.
Ждет свобода впереди.
Нас, сынов родного края.

Тот, кто любит отчий дом,
Тот отважен поневоле,
Но лицом к лицу с врагом —
Он герой на ратном поле.

Кто не жаждет светлых дней,
Тот достоин сожаленья.
Братья, смерть в бою милей,
Чем неволя и лишенья!

Жизнь отчизне отдадим
В день сраженья величавый!
Кто вернется невредим,
Окружит погибших славой.

Руку, воин, на клинок!
Позабудь былые беды!
Час сраженья недалек,
Наступает день победы!

С улицы доносятся восклицания: «Да здравствует войско!
Слава нашему войску!» Слышны крики и шум.

М а т ь
(взволнованно)

О, покажи мне, сын, бойцов родного края,
Чтоб позабыла я о муках, умирая.

Сын помогает ей подняться с постели и подводит к окну.

С ы н

Внимательней смотри на эту молодежь, —
Ее последний путь на торжество похож.

Мать плачет.

Смотри, как стар и мал приветствуют отряды.
Ужель не чувствуешь ты в этот день отрады?

М а т ь

Благослови, господь, на подвиг мой народ!
Нам, бедным матерям, иссохшим от забот,
Осталось ожидать, пока с победой снова
Вернутся сыновья под кров села родного.
Сведи меня, сынок, к постели. Я слаба.

Сын укладывает ее в постель.

О, сколько матерей печальная судьба
Сегодня обречет на долгие мученья!

С ы н

Что ж делать нам! Без жертв отчизне нет
спасенья.

К окну подъезжает в с а д н и к.

В с а д н и к

Эй, Киазо, спеши! Нам дорог каждый час.
Несут прямой ущерб товарищи без нас.

С ы н

Иду! Крепись, о мать. Зовут на бой грузина.
Во имя родины прости родного сына.

Мать обнимает сына.

Прощай, родимая, и помни, что к утру
Вернусь к тебе живой, а если и умру,
То будет смерть моя прекрасней всякой жизни.
Благослови, иду служить моей отчизне.

М а т ь

О, горе, горе мне! Настал разлуки миг,
Болит душа моя, из сердца рвется крик.
Мой сын, уходишь ты? Постой, что это значит?
Я без тебя умру! Кто смерть мою оплачет?

(Она рыдает, прижимаясь к сыну. Потом в ужасе опускает руки и смотрит ему в глаза)

Ты любишь ли меня, сынок любимый мой?

С ы н

Люблю, родимая.

М а т ь

Останься же со мной!

С ы н

А родина?

М а т ь

О да, она всего дороже!
Иди, иди, сынок, и сохрани вас боже!
О, горе мне! Теперь умру я здесь одна.
Иди, мой сын, и знай: то не твоя вина...

С ы н

О родина моя, мой край, залитый кровью!
Что может устоять перед такой любовью?
Когда любовь к тебе воспламенит сердца,
Мать сына отдает, сын отдает отца.
Когда лучи твои в народе засияют,
Иные чувства в них мгновенно исчезают,
Как звезды мелкие, увидев свет дневной,
Как капельки дождя, сокрытые волной.
Прощай, родимая! Пусть тяжела разлука,
Забуть о родине — еще страшнее мука.

(Уходит.)

М а т ь

О, горе, милый сын! Застыла в жилах кровь.
Но велика она — любовь к земле грузинской!

И как ты ей в душе порой ни прекословь —
Не победить ее любовью материнской!
Прощай, мой милый сын! Кончина нетрудна
Тем, кто исполнил долг. Мой сын...
Моя страна...

(Умирает.)

*14 июля 1860, 18 марта 1871
Павловск*

**68. НЕСКОЛЬКО КАРТИН,
ИЛИ
СЛУЧАЙ ИЗ ЖИЗНИ РАЗВОЙНИКА**

В небесах отчизны полог длинный
Сумрак развернул вечеровой,
И над Алазанскою долиной
Тени гор поникли чередой,
И, объятый царственной печалью,
Вышел месяц, и вершины гор —
Льдистые — с полупрозрачной далью
Начали неслышный разговор.

В этот час, безмолвный и печальный,
Звезды, трепетавшие во мгле,
Посылали миру свет хрустальный,
Радуюсь покою на земле;
И под этой лаской молчаливой
Дол притихший отошел ко сну;
Только ветер горный шаловливо
Нарушал лесную тишину,
Только Алазань, на человека
Гневаясь, роптала в полусне,
И гора, молчавшая от века,
Ей одна внимала в вышине.
Утомившись, будет вплоть до света
Спать всё то, что трепетало днем...
Тяжело арба катилась где-то,
И скрипел песок под колесом.
Пел в ночи аробщик, и такую
Полон был ночной напев тоскою,

Что, как подорожный перезвон,
Он остался в сердце угнетенном,
И звучит он заглушенным стоном,
Но и скорбь рассеивает он.

Вылетел из-за деревьев конный,
Пред арбою осадил коня;
Смелый взор, печалью опаленный,
Полон горделивого огня.

«Где на гору Куди здесь дорога?» —
Спрашивает всадник молодой.

«От реки возьми правей немного,
Дол проедешь конною тропой,
А потом дорогою широкой
Поезжай, да пред собой гляди,
Там уж и до Куди недалеко, —
Ты ее увидишь впереди.
Но что хочешь ты найти на Куди?
Лучше ты заночевал бы тут.
Сам Бгачиашвили, молвят люди,
Там в лесу нашел себе приют.
Ты на взгляд и юн, и смел, и в силе
Не уступишь сверстникам своим, —
Всё же берегись Бгачиашвили:
Не пройдешь по Куди невредим.
Прячь коня, когда спешишь на Куди, —
Заприметит — не молись о чуде:
Пули злой Бгачиашвили злей,
Он с тобой повозится недолго;
Кровь за ним оставь, не требуй долга,
О расплате позабудь скорей».

Всадник

И моя душа томится злобой,
Сердце гневом сумрачным полно,
Яростью мы одержимы оба.
Мне теперь на свете всё равно!

И, красуясь, он коня пришпорил.
Соколом рванулс конь лихой,

Цокоту подков недолго вторил
Горный кряж за шумною рекой.
Зависти незваной не противясь,
Прошептал аробщик: «Вот счастливец!»
И вола ударил он в сердцах,
И, тряхнув с досады головою,
Двинулся дорогою глухою
С той же скорбной песней на устах.

Подле Куди темен лес высокий.
В том лесу разбойник одинокий
Находил пристанище не раз,
Там деревья гибелью грозили,
В том лесу Како Бгачишвили
Скрылся от недружелюбных глаз.

Месяц побледнел и закатился.
Чутким сном разбойник позабылся
Под навесом сумрачной листвы.
Враг людей, он спал, отвергнут роком,
Конь его косил пугливым оком,
Под седлом стоял среди травы.

Листья трогал ветер осторожный,
Конь ретивый вздрагивал тревожно
И глядел в рedeющую тьму.
И сначала конь насторожился,
А потом взметнулся и забился:
Звон подков слышался ему.
И тогда со взвившеюся гривой
На дыбы он вскинулся легко,
Разбудил, заржав нетерпеливо,
Господина своего Како.

И вскочил как лев Бгачишвили,
Взвел курок бестрепетной рукой.
Подлетает всадник. Лошадь в мыле.
И ему Бгачишвили: «Стой!
С чем явился: с дружбой иль враждою?»

В с а д н и к

Успокойся, я тебе не враг.

К а к о

Если так — поговори со мною.
Будь к добру знакомство, если так.

В с а д н и к *

Я твой друг, коль ты Бгачиашвили.

К а к о

Что ты хочешь, всадник молодой?

В с а д н и к

Чтобы мы одну судьбу делили,
Жить с тобой и умереть с тобой!

К а к о

Мне твое прямое слово мило.
Мы друзья. Да будет так всегда.

В с а д н и к

Сердце ищет сердца, силы — сила.
И твоя беда — моя беда.

К а к о

Ты мой брат. От края и до края
Этот лес — владение мое;
Не страшна мне здесь вражда людская,
Хоть мое не заперто жильё.
Кров мой там, где ночь меня застала,
Сень любого дерева — мой дом.
Этот лес дарил мне счастья мало,
Но и горе было легче в нём.
Чутким сном забудешься, как заяц,
И во сне тебя терзает страх,
Голодаешь, в зарослях скитаясь,
День и ночь — оружие в руках.
Горе тем, кто принял жребий скудный,
Надоест покорствовать судьбе.
Всё же легче бремя жизни трудной
Там, где мы хозяева себе.
У меня стальные побратимы,
И, пока не наступил мой срок,
Мы взаимной верностью хранимы —

Я, винтовка, да еще клинок,
Да еще, как страсть неукротимый,
Конь мой верный, выращенный мной, —
Сколько вместе бед перенесли мы
В неприютной стороне лесной!
Верному коню не оступиться,
Не сробеть булату никогда,
Да и сам Како не побоится
Вместе с ними согнуть без следа.

Вот какое у меня богатство!
И пускай врагов моих не счесть,
Верному в лесу — почет и братство,
Вероломному — вражда и месть.

Долгою была твоя дорога.
Беден мой приют. Сойди с коня
И за хлеб мой черствый слишком строго
Не суди разбойника — меня.

Всадник соскочил с коня, подругу
Отпустил, хурджин и бурку снял,
Заглянул в глаза коню, как другу,
На траву жирную пустил.
Как погнал коня он на траву,
Сел он пред хозяином своим,
И пришелся гость Како по нраву,
Да и гостю стал Како родным.

Како

Ты прости мне мой вопрос нескромный:
Где ты, брат, услышал про меня?
Почему, скажи мне, в лес мой темный
Ты направил своего коня?

Всадник

Я тебя искал не уставая,
А услышать про тебя легко:
О тебе гремит молва людская,
Дети знают, кто такой Како!
Стар и млад твердят твое прозвание,
На тебя надеется народ,

О тебе правдивое преданье
И до наших правнуков дойдет.
Говорят, ты голову загубишь,
А неправды не перенесешь,
И простого человека любишь,
И защита бедняку — твой нож.
Диво ли считать счастливец братом?
Нет, не этим славен подвиг твой!
То ли дело — братство с небогатым,
Угнетенным горькою судьбой!
Если помнишь, так Арсен когда-то
Свято свой простой народ любил,
Он судьбу, печаль и радость брата
На груди бесстрашной приютил.
Люди, чтущие Арсена, правы:
Стоит он своей высокой славы,
Доброй матери его хвала!
Всякий рад бы вырастить такого,
Но Арсена не родить второго,
И не нам свершить его дела...

Я и вчуже был знаком с тобою.
Как мечтал принять я твой удел
И себя связать с твоей судьбою!
Но расстаться с домом я не смел.
Срок настал — я прогневил я бога:
На меня судьба взглянула строго...
Слушай, брат, я расскажу тебе
Всё по правде, что со мною было,
Как меня беда с дороги сбила,
Прежде благодарного судьбе.

Слушай. Горе с детства мне знакомо.
Было мне двенадцать лет, когда
Оторвал меня наш князь от дома
И послал пасти свои стада.
И сначала тяжкий гнет печали
Я в разлуке выносил с трудом,
Слезы горькие не высохали
На лице измученном моем.
Я томился в ту годину злую
И в мечтах всё видел дом родной;

Позабыв свою печаль былую,
Пастухи смеялись надо мной.
Со слезами не было мне сладу;
Вечных слез и сам стыдился я:
Убегу от всех, на землю сяду,
Плачу, чтоб не видели друзья.

Но явило мне забвенью милость:
Сумрачное облако ушло,
Маленькое сердце прояснилось,
Мне не так уж было тяжело.
Видно, свыкся я с моею долей,
Песни петь, смеяться стал потом,
В чистом поле позабыл о воле
И не плакал, вспоминая дом.

О, как бестревожно проходили
Наши дни, слагаясь в круглый год!
Дружно мы с товарищами жили,
Знать не знали горя да забот.
Мы делили труд между собою,
Не ленясь пасли свои стада,
И черед — кому идти в ночное —
Мы не нарушали никогда.

Помню, солнце за горой садилось,
Звезды усыпали небосвод,
К ночи стадо сытое сходилось,
Тут мы пересчитывали скот.

Скот привязан. На лесной опушке
Кто-нибудь костер уже разжег,
Мы приносим ужин свой да кружки
И садимся у костра в кружок.
Песня испугает о полночи
Птиц, заснувших в зелени на час,
Дрема ли нам затуманит очи —
Сказку скажет кто-нибудь из нас...

В просветлевшем небе золотая
Гасла предрассветная звезда...
В этот час будили, окликаая,

Пастухов для нового труда,
Голосами оживляя дали
До подножий кряжей снеговых,
Мы от пут коров освобождали,
Напевая, погоняли их.
И трава клонилась луговая,
Разбредался тучный скот, мыча,
И слетались мы, как птичья стая,
Около студеного ключа.
Освежались влагой ледяною,
Горною водой смывая лень,
У ручья закусывали стоя,
Звонкой песней начинали день. :
Мы бросали камни, в мяч играли,
К Алазани стадо пригоняли
В душную полдневную жару;
Стадо жажду утоляло жадно,
Мы в воде кипучей и прохладной
Заводили новую игру.
Мало ли что в отрочестве мило?
Где ж всё то, что сердце веселило? ..

Снова тихий вечер подойдет,
Вкруг костра усядемся мы снова,
И простое заиграет слово,
Каждый былъ расскажет в свой черед.

Помню эти сказки золотые,
Сердце погружавшие в печаль. . .
И за них люблю я дни былые,
И за них мне отрочества жаль.
И одна из них, как мать родная,
Стала мне особенно мила,
И звучит в душе не умолкая,
Хороша, печальна и светла.

Наш Арсен, защитник наш, в преданье
Превратясь, дошел до наших дней;
Скорбь моя, отрада, упование —
Наш Арсен, душа души моей!
Образом его благословенным
В отрочестве был я вдохновлен,

В сновиденьях я бывал Арсеном,
Да послужит нам примером он!
Расцветал я, отрок, в чуждом поле,
И бесстрашен, и неукротим. . .
Забывая, что живу в неволе,
Не скучал я по местам родным.
Не было в душе моей беззлойной
Ни сомнений горьких, ни скорбей;
Думал я: на свете, мне подобно,
Все довольны участью своей.
Человек был крепкий, работающий
Мой отец. Он был из крепостных.
Ты его увидеть мог бы чаще
На любой работе, чем других.
Первым мой отец во всем селенье
Выходил на пашню. И добром
За труды его и за терпенье
Наполнял господь наш скромный дом.

Так дойти бы, не изведав горя,
Мой отец и до могилы мог,
Но принес ему обиду вскоре
Беспощадный и превратный рок.

Ненадежна участь крепостного.
Посмотри: **мы счастливы сейчас,**
А судьба уж ниспослать готова
Горе, убивающее нас.
Лишь нагрянут бедственные годы —
Всё мгновенно разлетится в прах. . .
Нет, не должно участи народа
Находиться в княжеских руках!
Время шло меж тем своей дорогой,
Нам беду неверный рок сулил, —
Старился отец мой, и немного
Оставалось у бедняги сил,
Хоть к труду и в эти дни охота
В нем жила, но старость — злой недуг;
У него не спорилась работа
И мотыга падала из рук.
Чем он глубже в старость погружался,
Тем яснее делалось ему,

Что лишь им одним весь дом держался,
Что достатка больше нет в дому.
Тело ссохлось, сгорбилось, устало,
И подкралась хворь исподтишка,
Жить отцу на свете трудно стало,
Лихорадка была старика.

Такова судьба простого люда,
Так уже от века повелось:
Ось погнется — и придется худо,
Колесо пойдет и вкривь и вкось.
Двадцать лет уже тогда мне было.
Не солгав, скажу: моим трудом
И моею возмужавшей силой
Укрепиться мог бы отчий дом.
Я у князя был. Отец, бедняга,
Ждал меня, и рвался я домой,
Но трудился я чужим на благо,
С обнищавшей разлучен семьей.
И, устав бороться с долей черной,
Мой отец, бессильный и больной,
Обратился как-то раз покорно
К нашему хозяину с мольбой.
Подлинно был лютостью отмечен
Гордый князь. Он был упрям и зол,
И неистов, и бесчеловечен, —
К просьбе старика не снизошел.
Многого и лучший князь не стоит,
Что распространяться о дурном!
Князь простых сердец не успокоит,
Не оплатит за добро добром.
Мой отец проговорил в смущенье:
«Князь, ты видишь немощи мои,
Возврати мне сына, он — спасенье
И надежда всей моей семьи».

Князь

Как ты смел?!

Отец

Помолимся мы небу
За тебя. Спаси нас, князь, пока

Не погибли мы. А там потребуй
Птичьего хотя бы молока!
И оброк, и барщину двукратно
Выполним. Хозяйство подкрепим,
Пред тобой не будем виноваты,
От работы мы не убежим.

Князь

А без этого ты убежал бы
И приказом нашим пренебрег?
Вот чего ты, старый пес, желал бы!
Как ты выдумать такое мог!

Отец

Я и в мыслях не имел такого;
Страшен мне твой гнев, но ты не прав.
Молви утешительное слово!
Как служить мне князю, обнищав?
Видит бог, я над собой не волен,
Я совсем лишился прежних сил;
Если б не был я и слаб, и болен,
Разве б я о сыне попросил?
Видит бог, я отдал жизнь работе,
Содержал свой дом, покуда мог,
Днем и ночью я трудился в поте
Своего лица и — видит бог —
За трудом состарился до срока,
И душой и телом изнемог, —
Сын бы мне помог, а сын далеко,
Вот и бьюсь напрасно, видит бог.
Гибну я со всей семьей безвинно —
Ладная семья и ладный дом!
Благодетель, возврати мне сына,
Без него задаром пропадем!
Для того ль в нужде неодолимой
Я влачил свое ярмо, как вол,
Чтоб семье родимой сын любимый
В черный день на помощь не пришел?
Чтоб мой сын, единственный, до срока
Стал как мертвый для своей семьи?
Князь, мой князь, не поступай жестоко
И седины пожалей мои!

Князь

Но кому же поручу я стадо?
Где такого пастуха возьму?
Мало ли тебе чего тут надо!
Провалиться дому твоему!
А коль ты не сможешь откупиться,
Я ж в убытке! Да рассыпся в прах
Весь твой дом! По мне, в руках синица
Лучше журавля, что в небесах.

Отец

Что твое — тебе и возвратится,
Верь мне — отработаем!

Князь

Уйди!

Отец

Если так — к кому мне обратиться?
Нищета и голод впереди.
Кто мне руку помощи протянет?
Как мне быть? Как справиться с бедой?
Хлеба где семья моя достанет?
Что мне делать, князь мой дорогой?

Князь

А по мне хоть сдохни! Надоело!
Бейся хоть о камень головой!

Отец

Благодетель, разве это дело!
Что за речь такая, бог с тобой!
Нам ведь тоже есть и жить охота,
Мы ведь тоже люди!

Князь

Пес дрянной!

Палкой я тебе напому, кто ты!
Ты еще поговори со мной —
Погоди, мою узнаешь ярость.
Я на возраст твой не посмотрю.

Отец

Нищета мою терзает старость,
Гибну я и правду говорю:
Князь мой заживо меня хоронит.
Как бы мне помог Закро — мой сын!
Чье же сердце наше горе тронет,
Если равнодушен господин?
Сына мне призвать нельзя родного,
А когда я слезы лью скорбя,
Не даешь мне вымолвить и слова!
Вот какая правда у тебя! . .

Так отец сказал. И речи эти
Принесли погибель нам двоим.
Лучше уж молчать на этом свете! . .
Но отец тревогой был томим;
Чуть дыша, измученный безвинно
Непосильным бременем невзгод,
Зря он ждал добра от господина,
Злого и холодного, как лед.
Тут на старика наш князь безбожный
С чубуком, как буря, налетел!
А себе представить невозможно,
Чтоб отца и пальцем кто задел!

Отец

Как! Ты смел меня ударить?

Даром
Что отец мой был и слаб и стар —
В нем выиграла гордость, и ударом
Он ответил князю на удар.
«Розги, живо!» — крикнул князь.

Сейчас же
(Слушай, брат!) два княжьих молодца,
У дверей стоявшие на страже,
Повалили моего отца.
Захлестали розгами в неволе
Старика! Клянусь тебе, мой брат,
Эти стоны ужаса и боли
Слух мой бедный до сих пор казнят!

Ни седины, ни болезнь, ни хилость,
Ни морщины бледного лица,
Ни людская, ни господня милость
Не были защитой отца.
Я всё это видел... —

Прошептали
Скорбные уста, и сам не свой
Глухо застонал Закро в печали
И замолк, поникнув головой.

Разъярен, вскочил Бгачишвили,
На Закро обрушился, крича:
«При тебе отца родного били?
Ты его не спас от палача?
Молви, баба, что тебе шептало
Сердце? О, когда бы я там был,
Доконал бы я тебя сначала,
А потом и князя зарубил!
Ты глядел, как пили кровь живую?
Как в то время не померк твой взор!
Да падет на жалкую и злую
Душу труса вековой позор!
Сердцем низок, ты признаться смеешь
В мерзости своей? Ты — человек —
Для чего своим клинком владеешь,
Если им злодея не рассек?
С этой опозоренною шашкой,
В подлом сердце отчий плач храня,
Ты ко мне приходишь!.. Сердцу тяжело!
Не срами разбойника — меня!
И тебе ли думать о разбое!
Брось, приятель! Это нелегко.
Ты рожден, чтоб бабой жить в покое.
Уходи!»

В с а д н и к

Не гневайся, Како!
Не брани меня, мой брат, безвинно:
Я не трус. Тверда моя рука.
И с Како я бился б, как мужчина,
Не позоря своего клинка!
Мой отец лежал, повержен наземь.

Засвистев, лоза рванулась вниз...
Чтобы тотчас не сквитаться с князем,
Я, как пес, себя терзал и грыз!
«Отомсти!» — внушал мне тайный голос,
Но другая мысль в душе моей
С жаждой мести яростно боролась:
Отомщу — и сворой палачей
Мой отец растерзан будет разом...
О создатель! — по моей вине.
Как всё это выдержал мой разум?
Как я в этом не сгорел огне?
Но когда полуживое тело
Скорчилось под пыткой, на мою
Душу пал туман и закипела
В жилах кровь. Я подбежал к ружью,
Чоха с плеч моих сама слетела,
Сам, как птица, вскинулся приклад...
Огненная вспышка прогремела,
Князю в грудь ударил весь заряд —
Ибо он поправ людское право,
Ибо он поправ людскую честь!..

К а к о

Твоему отцу — почет и слава!
А тебе — хвала, свершивший мечь,
Муж достойный! Гордость и отрада
Матери, чье молоко пошло
Впрок тебе! Да будет ей награда
В небесах! Мой брат, мне тяжело,
Безрассудные прости мне речи.
Мне теперь понятен подвиг твой,
Горький стыд мне грузом лег на плечи.
Над моей склоненной головой
Волен ты... .

В с а д н и к

Нет, похвалы не стоит
Сын несчастный, мстящий за отца:
Трус и храбрый мезтью успокоят
Одинаково свои сердца.
И в упреках — преувеличенья,
И в твоей хвале... . Не прекословь... .

Но, тоскующему, исцеленья
Не дала мне княжеская кровь.
Неминучая погибель сына
Не могла уже спасти отца.
Схватят, нет ли — было всё едино!
Что мне смерть? Что мне кусок свинца?
Подбежал к отцу, а он — недвижим.
На ногах не мог я устоять. . .
Только след предсмертной муки выжжен
На лице родимом — как печать.
Эта безответная могила,
Эта смерть под розгами. . . О брат!
Неужели вправду это было?
Ад во мне, как вспомню, черный ад!

И Закро упал в траву лесную,
И лежал безмолвен и суров,
Словно зверь затравленный тоскуя.
Скорбь его не находила слов.
Он и брат его — Бгачиашвили —
Лютой болью мучились одной,
И какие бури их томили —
Догадайся сам, читатель мой!

*11 декабря 1860
Петербург*

69. ДИМИТРИЙ САМОПОЖЕРТВОВАТЕЛЬ

Посвящается Петру Накашидзе

В воскресенье у церкви толпился народ,
О невзгодах своих толковали крестьяне.
Тут же рядом слепец на зеленой поляне
С молчаливой пандури сидел у ворот.

«Неужели вы дома не свыклись с бедой? —
Так заметил крестьянам какой-то прохожий. —
Эх, раскрыть бы нам крылья для жизни хорошей!
Спой нам песню, слепец! Спой нам, старец седой!

Расскажи нам о том, как жилось в старину.
Чтоб согрелось покрытое ржавчиной сердце,
Чтоб душа молодая могла отогреться,
Чтобы мысль устремиться могла в вышину!»

И народ понемногу вокруг присмирел,
И, как будто почуяв дыхание бури,
Встрепенулся слепец, и схватил он пандури,
И ударил по струнам, и тихо запел. . .

1

«Подойдите ближе, дети,
Позабудьте про невзгоды,
Я спою вам, как на свете
Жили мы в былые годы.

Как дела своей отчизны
Мы рукой вершили властной,
Как любили больше жизни
Счастье Грузии прекрасной.

Чтоб она была богата,
И свободна, и едина,
Брат готовил в битву брата,
А отец — родного сына.

И рождением дитяти
Был народ тогда доволен,
Потому что к нашей рати
Прибавлялся новый воин.

Мать его в самозабвенье
Молоком своим питала,
Чтоб душа его в сраженьи
Никогда не трепетала.

И зато как львы сражались
За отчизну наши деды —
Или с жизнью расставались,
Или бились до победы.

Кто о собственной напасти
Вспоминал в минуту боя,
Если общее несчастье
Сердце ранило любое?

Знать, любовь к отчизне милой
Нас броней покрывала,
Коль, сражен чудесной силой,
Враг бежал куда попало!

Дети, помните и верьте:
Мы — потомки наших дедов,
Что спасли народ от смерти,
Все мучения изведав!

Ну а нынче? Как коровы,
Мы мычим, чтоб нас доили!
Дети, дети, наши кровы
Разве мы не осквернили?

Разве так бывало ране?
Нет спасенья от позора!
Мы сильны на поле брани,
Если детям есть опора.

Говорят, отец для сына —
Словно мост для пешехода.
Слава тем, кому судьбина
Жить для счастья народа!

Для того чтобы на свете
Наступил конец потемкам,
Как свеча, пылайте, дети,
Освещая путь потомкам!

Эту заповедь картвелы
В старину не забывали,
Оттого и были смелы,
И в сраженьях устояли.

Пусть примером этих правил
Будет мой рассказ правдивый.
Было время — нами правил
Некий царь благочестивый.

Был Димитрий крепок телом,
Знал он воинское дело,
И владел он самострелом
Лучше старого картвела.

То был царь с кристальным взглядом,
С человеческой душою!
На погибель супостатам
Правил он своей странюю.

Чтобы видеть зло воочью,
Он без царской багряницы
Уходил скитаться ночью
По окрестностям столицы.

Обходил он вдов бесправных,
Навещал сирот убогих
И из рук своих державных
Наделял богатством многих.

Кто обижен был напрасно,
Шел к нему с надеждой верной,
И Дмитрий беспристрастно
Правил суд нелицемерный.

Потому в его державе
Волк над стадом не глумился
И народ о царской славе,
Благоденствуя, молился.

4

Подчинен руке татарской
Был наш царь единокровный,
Но в своей державе царской
Он правитель был верховный.

И случилось так, что с ханом
Не поладил хан подвластный,
И пошел по целым странам
Полыхать мятеж опасный.

Лишь Дмитрий в это время,
Верный царскому обету,
Чтоб спасти родное племя,
Не вмешался в распрю эту.

Долго бились в годы эти
Два могучих супостата,
На отцов вставали дети,
Брат с дубиной шел на брата.

И для старого владыки
Бой окончился бедою,
И мятежник полудикий
Воцарился над Ордою.

Старый хан с женою вместе
Был растоптан табунами,
И угроза страшной мести
Вдруг предстала перед нами.

б

Время быстро пролетело,
И решил владыка новый:
«Нерадивого картвела
Смерти я предам суровой».

И послал он повеленье:
«Царь, явись в мою столицу,
Или всё твоё владенье
В прах и пепел обратится».

Ужаснулся царь, увидев,
Сколь владыка был коварен,
Понял он — возненавидев,
Смерть изрек ему татарин.

Воин Димитрий не боялся
И за войско был спокоен,
Но когда ж один сражался
Против целой сотни воин?

И в тяжелом размышленьи
Царь не знал, на что решиться.
Край обречь на разоренье
Иль к татарину явиться?

И решил пастух проверить,
Как об этом мыслит стадо, —
Ибо двадцать раз отмерить,
Чтобы раз отрезать, надо.

Пусть дадут ответ вельможи,
Пусть решат без принужденья —
Жизнь царя для них дороже
Или Грузии спасенье?

6

И по слову господина
На высокое собранье
Собралась его дружина,
Дидебулы и дворяне.

И когда предстал владыка
В длинной мантии с алмазом,
Все от мала до велика
Перед ним склонились разом.

Был прекрасен он в сиянье
Дивных царственных уборов,
И красой его собранье
Не могло насытить взоров.

И сказал Димитрий: «Дети,
Разрешим вопрос печальный —
Мне ли жить теперь на свете,
Иль стране моей опальной?»

Вам известно, что в столицу
Прискакал гонец от хана,
И к татарину явиться
Я обязан без обмана.

Если ж я, объятый страхом,
Не исполню повеленья,
Басурман развеет прахом
Наши славные владенья.

Я явлюсь пред палачами —
Что там ждать мне, кроме смерти?
Как мне быть? Решайте сами,
Но утраты соизмерьте».

И вскочили тут вельможи,
Дидебулы и дворяне,
И воскликнули: «О боже,
Горе нам и поруганье!

Царь, твое ужасно слово!
Весь народ тебя осудит!
Коль убьют тебя, такого, —
Кто тебе заменой будет?

Вот совет тебе нехитрый:
К хану ездить не годится!
Ведь такой, как ты, Димитрий,
Дважды в мире не родится.

Пусть приходит вместе с войском
Басурман в твои пределы, —
Не сдадут в бою геройском
Благородные картвелы!

Разве твой народ могучий
Супостатов видел мало?
Разве перед грозной тучей
Рать картвелов отступала?

Ты скажи одно лишь слово —
И злодея мы накажем,
Сокрушим врага лихого
Иль костями на поле ляжем.

Ведь для Грузии бесчестье —
Выдавать царя на муки!
Услыхав такие вести,
Что о нас помыслят внуки?

Пожалей народ, державный,
Будь владыкой над страной!
Пусть приходит враг коварный —
Встретим мы его стеною!»

Спасалар поднялся с кресла
И воскликнул, безутешен:
«Государь, ужель на чресла
Меч напрасно нам привешен?»

Чтобы мы спаслись бесчестно,
А тебя судьба сломила?
Нет, мой царь! Давно известно:
Или честь, или могила!

Положись на войско смело,
Сохрани нас от позора!
Как разит клинок картвела,
Басурман узнает скоро».

И, поникнув головою,
Царь задумался опальный,
И народ стоял толпою,
Безутешный и печальный.

И промолвил царь: «Страною
Правлю я по воле бога.
Коль предам ее разбою —
Чести будет мне не много.

Каждый воин мой сегодня
С десятью бороться может,
Но коль с ним сразится сотня —
Тут и храбрость не поможет.

О, я знаю — басурмана
Мой народ не побоится.
Но ведь поздно или рано
Сила силе покорится.

И погибнем зря тогда мы,
И в стране моей несчастной
Враг разрушит божьи храмы,
Истребив народ безгласный.

Наши древние столицы
Навсегда сравняет с прахом.
И откроет он гробницы,
И тела отдаст собакам.

Обесчестит горожанок,
Дев невинных опозорит,
У беременных крестьянок
Животы кинжалом вспорет.

Даст он матери младенца
И заставит рвать зубами,
И поставит отщепенца
Надзирателем над вами.

10

Боже, сколько душ невинных
Муки адские познают!
Ведь от жалости в долинах
Даже камни зарыдают!

И всему виною буду
Я — ваш царь и сын картвела!
Проклянете, как Иуду,
Вы меня за это дело!

Даже собственные дети
Скажут мне, что из боязни
Я остался жить на свете,
А отчизну предал казни.

Я — ваш царь, служить опорой
Мне для подданных — отрада.
Горе пастырю, который
Сам спасется, бросив стадо!

Вы кричите о позоре.
В чем позор? Без принужденья
Лягу я как жертва вскоре
Ради общего спасенья.

За меня сочли вы честью
Пасть среди родных пределов,
Как же мне не лечь на месте —
Одному за всех картвелов?

Нет мне выбора иного.
Медлить доле не годится.
Пусть погибнет плоть царева,
Но душа возвеселится!

II

Что молчишь, отец духовный?
Слово нам твое бесценно.
За народ единокровный
Пострадать ли мне смиренно?»

Зарыдал служитель божий
И сказал царю с тоскою:
«Хоть скорбит душа, но всё же
Прав ты, царь, перед страной!

Пусть спасения залогом
Ей твоя кончина будет.
Согрешит, о царь, пред богом
Тот, кто мой совет осудит.

Пострадать в молодые лета,
Знать, судьба тебе велела,
И другого нет совета
В сердце любящем картвела.

Нелегко мне, повелитель,
Говорить перед тобою.
Но за ближних сам Спаситель
Учит жертвовать собою.

Дай же нам пример усердия,
Послужи своей отчизне.
Не лишай себя бессмертья
Для мгновенной этой жизни».

С умиленною душою
 Слушал царь католикоса
 И высоко над землею
 Духом царственным вознесся.

«Дидебулы, вы слышали,
 Что поведал нам святитель?
 Ради ближних в день печали
 Учит жизнь отдать Спаситель!»

Нет, на труса не похож я!
 Не изменник я народу!
 Коль на это воля божья,
 Жизнь отдам я за свободу!

Ныне собственной охотой
 Вам я Грузию вручаю,
 Окружить своей заботой
 Вдов и нищих завещаю.

И крестьянству вы и знати
 Милость равную явите,
 Бедняков не угнетайте,
 Но от сильных защитите.

Если к вам вернется витязь—
 Не забудет он услуги,
 Не вернется — помолитесь
 О его спасенье, други!»

И слезами страстотерпца
 Царь заплакал пред кончиной. . .
 Как прекрасна нежность сердца
 В том, кто дух имеет львиный!

Ибо нежность сердца вдвое
 Ценным делает геройство,
 И печаль в глазах героя
 Есть души великой свойство.

Так закончилось собрание
 Дидебулов, и тотчас же
 Дал Димитрий приказанье
 Снаряжаться верной страже.

Дал Димитрий повеленье
 Собираться в путь картвелам,
 Ибо царское решение
 Разойтись не может с делом.

И когда, закончив сборы,
 Царь назначил день отъезда,
 И когда пришли дозоры
 На указанное место, —

Слух пошел от дома к дому,
 Что Димитрий, царь любимый,
 К супостату едет злому
 Пострадать за край родимый.

Взволновался целый город,
 Загудел он, словно море,
 Ко дворцу и стар и молод
 Пospешил в порыве горя.

Видят — площадь городская
 Любопытными покрыта:
 Крлыхаясь и сверкая,
 На конях гарцует свита.

Уж навьюченные мулы
 Шли с поклажей по дороге,
 И владыку дидебулы
 Ждали, стоя на пороге.

Чистым золотом дворянство
 На конях своих сверкало.
 Неизвестно — чье убранство
 Тут красой преобладало.

Свита выстроилась строем,
Латы в воздухе блеснули,
Каждый выглядел героем
В этом грозном карауле.

Кто бы мог налюбоваться
Этой дивной красотой?
Кто посмел бы надругаться
Над громадою такою?

За спиной у царской стражи
Лошадей вела прислуга.
И один другого краше
Были кони. И подпруга,

И седло, и сбруя вместе
Были ценностью дороже,
Чем привольное поместье
У хозяина-вельможи.

И шагал там горделиво
Иноходец белой масти.
Отыскать такое диво
Для царя — большое счастье.

На своем носил он теле
Только царственное бремя
И чужой ноги доселе
Не пускал в золотое стремя.

Горделив, как лев пустыни,
Словно лань лесная, ласков,
Был грозою он доньше
Для конюших и подпасков.

Весь дрожа от нетерпенья,
Ржал он голосом сердитым
И метался в отдаленье,
И о землю бил копытом.

Облаченный для похода
 В дорогие одеянья,
 Царь предстал очам народа,
 Весь исполненный сиянья.

Вслед за ним, объятый думой,
 Справа шел святитель, слева
 Спасалар шагал угрюмый,
 Полный ярости и гнева.

Был святитель безутешен,
 Он не знал себе покоя.
 Спасалар был явно взбешен
 Тем, что царь не принял боя.

И народ заплакал снова,
 И, как птица в непогоду,
 Сердце дрогнуло царево,
 Устремленное к народу.

И сказал Димитрий: «Дети,
 Что горюете напрасно?
 Быть за родину в ответе—
 Разве это не прекрасно?»

Не горюйте же в разлуке,
 Не страшитесь разоренья, —
 Я приму любые муки
 Ради вашего спасенья».

И прервался голос гордый,
 Очи сделались печальней.
 Так дробится камень твердый
 На свинцовой наковальне.

И, внимая царской речи,
 Площадь глухо зарыдала,
 И толпа сирот далече
 Воплем сердце надорвала.

Вдруг мужчины расступились,
И, представ перед народом,
Двое юношей явились
С стариком седобородым.

Старец древен был годами,
Еле двигался, и внуки
Шли неспешными шагами,
Подхватив его под руки.

Не жилец на свете белом —
Он смотрел уже в могилу,
Но в душе он был кавказом
И хранил былую силу.

«Царь, — сказал он, — умоляю,
Не суди меня сурово:
Из могилы обращаю
Я к тебе живое слово.

Царь, когда настало время
Всенародных испытаний,
На себя ты принял бремя
Наших тягот и страданий.

Все мы знаем, что без страха
Встретил ты свою невзгоду
И готов идти на плаху,
Чтобы счастье дать народу.

Но подумай, — коль с тобою
Мы расстанемся навеки,
Кто отеческой рукою
Наших слез осушит реки?

Царь, на страждущих кавказах
Кто омоет капли пота,
Если нас, осиротелых,
Не спасет твоя забота?

Беднякам, слепцам и вдовам,
Обездоленным и нищим
Кто надежным станет кровом,
Коль тебя мы не разыщем?

Вот о чем мы, царь, рыдаем,
Чем сердца у нас убиты!
Расставаясь с отчим краем,
Ты лишаешь нас защиты.

18

«Что горюете напрасно?» —
Ты спросил нас. . . Царь могучий,
Разве сердце нам подвластно,
Коль печаль нависла тучей?

Будь оно у нас из стали,
Всё равно б в огне сгорело. . .
Не бросай же нас в печали,
Вынь из ножен меч картвела!

Мало нас, но в лишней силе
Не нуждается удамый, —
Ведь не раз врагов мы били,
Побеждая силой малой.

Вот два юноши со мною,
Два моих любимых внука.
Оба сердцем рвутся к бою, —
Впрок пошла моя наука.

Так возьми их жизнь, владыка!
За тобой идти мы рады!
Всех от мала до велика
Собери в свои отряды!

Львы гнездятся в гнездах наших,
А не слабые калеки!
Весь народ оплачет павших,
Будет проклят трус навеки.

И не то случилось с нами,
Но Иверия, бывало,
Без сраженья пред врагами
Головы не преклоняла.

Поступай же, царь, как деды!
Встретив полчище любое,
Иль добьемся мы победы,
Иль умрем на поле боя!»

19

Царь ответил: «Старец милый,
Внятен мне язык картвела.
Даже стоя над могилой,
В битву ты стремишься смело.

Но зачем в боях бесплодных
Нам желать кровопролитья?
Не хочу я жертв народных,
Не могу людей губить я.

Нынче день над нами зноен.
Но изменится погода,
Грянет гром, и каждый воин
Будет дорог для народа.

Я — один, но посмотрите,
Сколько вас в моей державе!
Если вы меня щадите,
Пощадить и я вас вправе.

20

Для того и царь, поверьте,
Чтоб служить своей отчизне,
Коль за вас он предан смерти —
Эта смерть подобна жизни.

Тот не мертв, кто умирает,
Жизнь свою отдав народу,
Но навеки погибает —
Кто себе живет в угоду.

Пусть свершатся все напасти,
Пусть близка моя кончина, —
Не хочу, чтобы в несчастье
Мать оплакивала сына.

Положась на милость божью,
Я печаль души нетленной
Уношу с собой к подножью
Вседержителя вселенной.

То, к чему душа стремится,
Уж не сделать мне сегодня,
Пусть же, дети, совершится
Воля дивная господня!

Пусть хранит судьба вас, дети,
От неравной этой битвы.
Мне ж довольно, что на свете
За меня творят молитвы. . .»

21

И как будто свод небесный
Раскололся над землю,
И господь, склонясь над бездной,
Посмотрел в лицо герою.

И, коленопреклоненный,
Пал народ перед владыкой,
И замолкнул, изумленный
Духом доблести великой.

Так высокая отвага
Поражает человека,
Ибо сила зла и блага
Беспредельна в нас от века.

22

Стало жаль царю народа,
И сказал он: «Боже правый!
Да минует нас невзгода,
Да исчезнет враг кровавый!

Царь — слуга единоверцам,
И свое он слово сдержит.
Всякий, кто отмерит сердцем,
Пусть потом рассудком режет.

Час настал... Друзья, прощайте!
В путь меня благословите.
В чем не прав — не осуждайте,
А повинен в чем — простите».

Дал он знак, труба запела,
И подвел коня стремянный,
И вскочил в седло он смело,
Дивным светом осиянный.

Даже враг, взглянув украдкой,
Мог царем залюбоваться,
Ибо кто еще посадкой
Мог с Димитрием равняться?

И простился царь со всеми,
Кто стоял пред ним доселе,
И, поставив ногу в стремя,
На коней вельможи сели.

Сам святитель, не желая
Преждевременной разлуки,
Из родного ехал края
Проводить царя на муки.

И поехал царь, и свита
Вместе с войском поскакала,
И, несчастьем убита,
Вся страна вослед рыдала.

Но куда поезд царский
Пробирался по пустыне,
В нетерпенье хан татарский
Кликнул клич своей дружине

И, чтоб разом кончить дело,
Приказал сардару, гордый:
«Привези ко мне картвела,
Будь живой он или мертвый».

Если ж он успел укрыться,
Разгроми его владенья —
Будь то крепость, иль столица,
Или бедное селенье».

И когда в степи безводной
Рать несметная явилась,
Понял царь наш благородный,
Что недоброе случилось.

И сказал он так вельможам:
«Что бы ни было со мною,
Мы несчастью не поможем,
Если будем рваться к бою».

Дайте клятву мне, картвелы,
Что во имя господина,
Как бы ни были вы смелы,
Не поднимет меч дружина.

Все вы будете убиты.
Враг разрушит ваши кровы.
Так ужель из-за обиды
Вы страну предать готовы?

Ради счастья народа
Пусть свершается расплата.
«Отойди, коль нет исхода» —
Так сказал мудрец когда-то.

Дайте ж клятву, что не встретит
Лютый враг сопротивленья.
В Судный день цари ответят
За напрасные сраженья».

Что ж вельможам оставалось?
 Поклялись, ломая руки!
 Кто к стране имеет жалость,
 И позор снесет, и муки.

Били в грудь себя картвелы,
 Говорили: «Боже правый,
 День придет — за это дело
 Враг ответит нам кровавый!»

Но гонца уже к татарам
 Их владыка посылает:
 «Встань, явись перед сардаром
 И узнай — чего желает.

Коль ему Димитрий нужен —
 Я иду к нему навстречу».
 Поскакал гонец, послушен,
 И с такой вернулся речью:

«Царь, враги идут лавиной,
 Их сардар в сраженье гонит.
 Но коль ты придешь с повинной,
 Он страны твоей не тронет».

И сказал Димитрий снова:
 «Коль страна моя спасется,
 Значит, ныне кровь царева
 Понапрасну не прольется».

И поехал он к татарам,
 Непреклонный и могучий,
 И предстал перед сардаром,
 И сказал: «Бери и мучай!»

И накинулись, как звери,
 На владыку басурмане,
 И пред ним открылись двери
 Беспримерных испытаний.

Царь, измученный в дороге,
 Должен к хану был явиться.
 Словно волк в своей берлоге,
 Ждал владыку кровопийца.

«Как ты смел, — спросил он важно, —
 Быть с моим злодеем вместе?
 Отвечай и знай, бесстрашный,
 Что настало время мести.

Говорю тебе заранее:
 Будешь ты лежать в могиле.
 Помни: это наказанье
 Отменить аллах не в силе.

Но куда совершится
 Изреченное судьбою,
 Ты обязан повиниться,
 Как преступник, предо мною».

Царь сказал: «Побойся бога,
 Быть судьей моим тебе ли?
 Не кичись, что стран ты много
 Захватить сумел доселе!

Нет, моих страданий повесть
 Пред тобой я не открою.
 Будет собственная совесть
 Мне единственным судьей.

Не спрошу, зачем я брошен,
 Словно вор, в твою темницу. . .
 «Почему ты, коршун, — коршун?» —
 Разве спрашивают птицу?»

Рассердился хан надменный.
 С ханом спорить так не смели.
 По его указу пленный
 Очутился в подземелье.

И закрылась дверь со стуком,
И царя отчизны нашей,
Предавая тяжким мукам,
Окружили крепкой стражей.

26

И решили басурмане
Испытать его терпенье,
Применяя в наказанье
Нестерпимые мученья.

Словно коршун голубицу,
Хан терзал царево тело
И никак не мог напиться
Кровью дивного картвела.

Как-то раз, упав в избытке
Беспримерной этой муки,
Царь томился после пытки,
На полу раскинув руки.

Кое-как собравшись с силой,
Он поднялся на колени,
И воскликнул он, унылый,
Зарыдав в изнеможенье:

«Боже, — он рыдал, — страданья
Суждены мне в жизни трудной,
Пусть же эти испытанья
Не зачтутся в день мой судный.

Не хочу, чтоб эти муки
Были мне во искупленье,
Но спаси друзей в разлуке
Ради этого мученья!

Распят был твой сын единый,
И за нас погиб он тоже.
Дай и мне своей кончиной
Отстоять отчизну, боже!»

Вдруг лучи во тьме блеснули,
 Дверь, скрипя, открылась в сени
 И в темницу проскользнули
 Две таинственные тени.

Два пришельца осторожных
 Поклонились страстотерпцу,
 И, узнав друзей надежных,
 Бедный царь прижал их к сердцу.

«Царь, — пришельцы прошептали, —
 Всё готово! Дверь открыта!
 Сила денег тверже стали,
 Подкуп — лучшая защита.

Но не медли ни мгновенья,
 Береги минуты эти:
 Больше нет тебе спасенья —
 Казнь свершится на рассвете».

И сказал им царь: «Доколе
 Мне твердить одно и то же?
 Неужели здесь, в неволе,
 Изменю себе я, боже?

Нет, страна моя прекрасна!
 Мой побег грозит войною.
 Не согласен я! Напрасно
 Вы пришли, друзья, за мною!»

Как пришельцы ни просили,
 Не склонился царь к молениям...
 Ах, какое сердце в силе
 Так бороться с искушеньем!

И настало утро казни.
 Плачьте, плачьте, иверийцы!
 Без волненья, без боязни
 Вышел царь наш из темницы.

Уж толпа зевак бежала —
Басурман к потехам падох!
Сам визир, трудясь немало,
Наводил вокруг порядок.

Рядом с ним палач огромный,
Засучив рукав кафтана,
Грубый, жилистый и злобный,
Ждал несчастной жертвы хана.

Приведенный из темницы,
Встал меж ними царь печальный
И, подняв свои ресницы,
Кинул в небо взгляд прощальный.

И обвел он скорбным взглядом
Площадь, полную волненья,
И палач, стоявший рядом,
Вызвал в сердце омерзенье.

И смутился царь наш бедный —
Ведь и он был смертным тоже!
Ведь и он, больной и бледный,
Эту жизнь любил, о боже!

Но скрепил себя несчастный,
Превозмог свои мученья.
В это время вопль ужасный
Прокатился в отдаленье.

Оглянулся царь, и что же?
Обезумев от печали,
Перед ним его вельможи
Истомленные стояли.

И святитель там с иконой
Чуть живой стонал от боли. .
Ах, услышав эти стоны,
Зарыдали б камни в поле!

Увидав родные лица,
Вдруг припомнил царь печальный
Свой очаг, свою столицу,
Свой народ многотрадальный.

Эх, вся жизнь распалась прахом!
Сердце дрогнуло картвела!
Плоть, подавленная страхом,
Душу мигом одолела!

И, закрыв лицо рукою,
Царь к визиру обернулся:
«Пощади! . . .» — И вдруг собою
Овладел. . . и ужаснулся!

О, как сердцу стало мерзко
Это жалостное слово!
«Гей, палач! — вскричал он дерзко. —
Что ты медлишь? Всё готово!»

Вся в крови стояла плаха,
И палач схватил картвела,
И главу его с размаха
Топором отсек от тела».

1878

70. ОТШЕЛЬНИК

Легенда

Посвящается Ольге Чавчавадзе

1

Там, где орлы, кочуя над Казбеком,
Не достигают царственных высот,
Где цепи гор блистают вечным снегом
И ледники не тают круглый год,
Где шум людской и суета земная
Не нарушают мертвенный покой,
Где только бури стонут, пролетая,
Да рев громов проносится порой, —
Давным-давно в скале уединенной
Отцы-монахи вырубил скит.
Поныне, Вифлеемом нареченный,
Тот божий храм в народе знаменит.
Сплошной ледник отвесною стеною
Спускался в пропасть. Как гнездо орла,
Сквозь глыбы льда высоко над землею
Пробита дверь убогая была.
К подошве скал от той высокой двери
Спускалась цепь, прикована навек,
И лишь по ней подняться мог к пещере
Отрекшийся от мира человек.

Подвижники минувших поколений
 Здесь основали бедный свой приют.
 Над миром льдов лишь звуки песнопений
 Во славу бога раздавались тут.
 И под напев смиренного хорала,
 Преодолев соблазны бытия,
 Здесь свой покой душевный обрела
 Монахов просветленная семья.
 Года прошли. . . Обитель опустела. . .
 Вслед за монахом в землю лег монах. . .
 Но весть о них селенья облетела
 И до сих пор не умерла в горах,
 И до сих пор окрестности пещеры
 Священной почитаются землей,
 И копь туда бегут, спасаясь, звери —
 Для них стрелок не страшен удалой.
 Он знает: только праведник смиренный
 Достоин здесь с молитвою пройти,
 Но прямо в сердце грешник дерзновенный
 Сраженный громом ляжет на пути.

Случилось так, что в древнюю обитель,
 В покинутый и позабытый храм,
 Из дальних мест пришел пустынножитель,
 Поднялся вверх и поселился там.
 Простой монах, он мир покинул грешный,
 Ревнуя к правде, бросил бедный свет,
 Где человек живет во тьме крошечной,
 Где от соблазнов избавленья нет;
 Где день и ночь вослед за человеком
 Влачится грех, коварный, словно вор,
 Где истина, не принятая веком,
 Обречена на гибель и позор;
 Где всё превратно, временно и тленно,
 Где нож на брата поднимает брат,
 Где клевета, коварство и измена
 Взамен любви вражду боготворят. . .
 Всеобщего падения свидетель,

Он, полный гнева, скрылся из страны,
Где даже красота и добродетель
Служить пороку гнусному должны.

4

Под сенью скал и ледников опасных
Он поселился — бедный житель гор,
И позабыл о прежних он соблазнах,
И не стремился к людям с этих пор.
Достигнув монастырского порога,
Убил он в сердце грешные мечты,
Чтоб в Судный день предстать пред очи бога,
Не запятнав душевной чистоты.
Он день и ночь на страже был духовной,
Здесь, в глубине однообразных скал,
Он плоть свою — сосуд тоски греховной —
Слезами покаянья омывал.
И день и ночь неслись его стенанья,
И день и ночь, стекая из очей,
Не высыхали слезы покаянья,
Как безутешной горести ручей.
Чуждаясь треволнения мирского,
Его душа воскресла среди могил,
И все желанья сердца молодого
Он глубоко в себе похоронил.

5

Он был не стар, но в молодые годы
На нем почила божья благодать,
И дух его, забыв свои невзгоды,
Привык в высоком небе обитать.
Был худ и бледен лик его угрюмый,
Но светом озаренное чело
Невыразимо благостною думой
Дышало и сердца к себе влекло.
И взор его, когда-то полный страха,
Теперь светился тихой добротой,
И было видно, что душа монаха
Погружена в смиренность и покой.

Какой сиял он радостью смиренной,
В небесные чертоги устремлен!
Какой дышал он верой неизменной,
Когда смотрел в далекий небосклон!
Смирив себя молитвой и постами,
Он все страдания плотские постиг,
Но дух его, испытанный трудами,
Воистину был светел и велик.

6

И услышал господь его мольбы,
И дал ему избыток дивных сил,
И символ своего благоволения
Страдающему иноку явил.
В пустынной келье малое оконце
Пробито было посредине скал,
Чтоб днем туда заглядывало солнце
И свет луны во мраке долетал.
Когда, в одежды светлые одето,
Светило поднималось ото сна,
Наклонный луч дымящегося света
К ногам монаха падал из окна.
И брал монах молитвенник смиренный,
И возлагал на луч перед собой,
И в час молитвы этот луч нетленный
Держал его, как дивный аналой.
Так проходили годы и недели,
Так соблюдал отшельник свой устав,
И чистоту души своей на деле
Он мог проверить, чудо испытал.

7

Вечернею молитвой истомленный,
Стоял он раз у края ледника.
Туманных гор шатер темно-зеленый
Манил его и звал издалика.
Еще, сверкая, солнце не успело
Уйти из глаз, и в золоте огней
Оно, припав к вершине, пламенело,
Как колесо, скатившееся к ней.

Гигантский уголь тлел перед очами,
И запад был охвачен багрецом,
И облако, пронзенное лучами,
Переливалось перед чернецом.
И понял он мгновенное обличье
В природе существующих начал,
И дивный образ божьего величья,
Весь потрясенный, в солнце различал.
И вдруг оно померкло, и свирепо
Дохнул в пещеру ветер ледяной,
И, закрывая солнечное небо,
Громада туч повисла над землей.

8

Громада туч повисла над землею,
Как будто в небе встретилась с врагом,
И, молнией сверкнув над головою,
Обрушила на землю первый гром.
И вздрогнула вселенная от страха,
И тяжкий мрак упал на листья трав,
И грянул град, перед лицом монаха
По ледяной скале зарокотав.
И этот град, и молнии сверканье,
И этот грохот яростных громов,
И облаков безумное метанье,
И злобное дыхание ветров —
Всё это вдруг смешалось воедино
И разразилось, словно божий гнев,
Который небо свергло на долины,
Людского беззаконья не стерпев.
И удалился инок потрясенный,
И пред иконой матери святой
Молил ее, коленопреклоненный,
Вернуть земле утраченный покой.

9

И вдруг, когда всё небо расколось
И молния ударила из мглы,
Монах услышал чей-то робкий голос,
Зовущий у подножия скалы.

Монах взглянул в ущелие — и что же?
За звенья цепи ухватясь рукой,
Какой-то путник звал его. . . О боже,
Как очутился он перед скалой?
Коль вправду был он сыном человека,
Что привело несчастного сюда,
Когда под кровлю своего ночлега,
Дрожа от страха, прячутся стада?
«Ты человек иль демон преисподней?» —
Спросил монах и услышал ответ:
«Я — человек по милости господней,
Спаси меня, святой анахорет!
Я — человек, но свод небес расколот,
Холодный ливень хлещет всё сильней.
Что ж медлишь ты? Меня измучил холод,
Дай мне приют под кровлею твоей!»

10

«Ты прав, пришлец! Священная обитель
Спасет тебя, коль ты не злобный тать.
Но если ты — лукавый соблазнитель, —
Знать, сам господь желает испытать
Монаха грешного. . . Да будет с нами
Его святая воля! Ухватись
За эту цепь и, встав в звено ногами,
Как по ступеням, кверху поднимись».
И вот из бездны пропасти пустынной
Поднялся путник, слаб и изнурен,
И сам монах, склоняясь над стремниной,
Помог ему. . . Но кто же, кто же он?
Не рассмотрев пришельца на пороге,
Монах сказал: «Иди за мной вослед!
Кто б ни был ты, забудь свои тревоги:
Здесь божий дом, и он спасет от бед».
И он повел пришельца за собою,
И в келье был всё тот же черный мрак,
И только уголь, тлея под золою,
Неверным светом освещал очаг.

И думал схимник: «Если мать божья
 Его ко мне впустила на ночлег, —
 Как видно, он не осквернился ложью,
 Когда предстал сюда как человек».
 А гость его, не проронив ни слова,
 Присел к огню и уголья раздул,
 И, весь дрожа от холода ночного,
 Над очагом ладони протянул.
 «Какая ночь! — промолвил посетитель. —
 Как свищет ветер над твоей скалой! . . .»
 И задрожал, как лист, пустынножитель,
 Девичий голос слыша пред собой.
 Ужель судьба послала испытанье?
 Ужель явилась женщина к нему?
 Ужель она, смутив его сознание,
 Повергнет душу в пагубную тьму?
 Ужели бог судил ему сегодня
 Все искушенья плоти побороть?
 Так пусть же воля сбудется господня
 И да молчит бунтующая плоть!

«Святой отец, хоть малую вязанку
 Дай хвороста! Хоть несколько полен!
 Я завтра утром встану спозаранку
 И сколько хочешь принесу взамен!»
 И вот монах дрожащими руками
 Принес ей дров, и пламя очага
 Вдруг вспыхнуло у них перед глазами
 И озарило келью бедняка.
 И перед взором схимника святого,
 Презревшего житейские мечты,
 Под сводами божественного крова
 Явилась дева чудной красоты!
 Без ложного смущения и страха
 Она сидела около огня
 И пристально смотрела на монаха,
 Как лань лесная, шею наклоня.

И жар очей прекрасного созданья
Был так неистов, так неукротим,
Что даже пламя, вспыхнув на прощанье,
Бледнело, угасая, перед ним.

13

Когда б любовь явиться пожелала
В наш бедный мир, наверно, и она
О красоте иной бы не мечтала,
В девических чертах воплощена!
Кто б мог сказать, что спорить с красотою
Не в силах был чудесной девы нрав?
Пред нею зависть стала бы немою,
Несовершенных черт не отыскав!
Кто б устоял пред этими очами,
Пред этим ликом, сладостным, как сон,
Пред этими волшебными устами,
Где поцелуй любви напечатлен?
Кто б мог красе такой не покориться,
Взглянув на эти нежные черты?
Ведь даже зверь и тот угомонится
Перед лицом столь дивной красоты!
И покорился схимник ей бесстрастный,
Угрюмый житель каменных могил,
И, замерев, с тревогою безгласной
На деву взор плененный устремил.

14

«Дитя мое, — сказал пустынножитель, —
Откуда ты? В ужасный этот час
Что привело тебя в мою обитель,
Когда всё небо рушится на нас?»
— «Пастушка я... На этих горных склонах
Моих овец пасу я с малых лет.
Но здесь, вверху, так много трав зеленых!
И поднялась за стадом я вослед.
О, как прекрасен вечер был сегодня!
Такого я не видела давно.
Сияло солнце, как лицо господне,
Короною лучей окружено.

И долго-долго в небо я смотрела,
И вслед за стадом шла я без конца,
И сердце так неистово звенело,
Что я забыла про совет отца.
«Не верь, дитя, коварному Казбеку, —
Предупреждал не раз меня старик, —
Пусть весь в лучах он виден человеку —
Глядишь, и ливень хлынет через миг!»

15

Что сделаешь? Ведь сердце своенравно,
Слова ему — что прошлогодний снег!
И вот, еще сверкающий недавно,
Нахмурил брови ледяной Казбек.
Всё небо разом обступили тучи,
Рванулся ветер, набежала мгла.
Как ни хотела я спуститься с кручи —
Ступить в потемках шагу не могла.
И грянул гром над самой головою,
И град пошел, и наступила ночь,
И разбежались овцы предо мною,
И я была не в силах им помочь.
И впрямь, коварна высота Казбека,
Коль может вмиг покрыться темнотой,
Соединив в себе для человека
И ад и рай, и бурю и покой!
Ах, как нуждалась в отчем я совете!
Зачем я в горы вздумала идти?
Знать, верно, что неправедные дети
Всегда идут по ложному пути!

16

Сгубила я родительское стадо,
Сама себе наделала хлопот. . .
Но, знаешь ли, печалиться не надо,
Когда беда неожиданная придет.
И не о стаде вовсе я горюю, —
Мне жаль отца. . . У хижины пустой
Единственную дочку дорогую
Напрасно он сегодня ждет домой.

Не поведет и бровью мой любимый,
Когда узнает о судьбе овец,
Лишь только б мне вернуться невредимой
И успокоить старца наконец.
А град хлестал, и небо надо мною,
Казалось, землю поглотить могло,
И от раскатов грома под ногою
Тряслась скала, вздыхая тяжело.
Что было делать? Где искать спасенья?
Как пережить ужасный этот град?
Довериться ли власти провиденья,
Или дорогу поискать назад?

17

Стоять под градом — разве это шутка?
Оставшись там, замерзла б я давно.
Блуждать во мраке боязно и жутко,
Да и сорваться вниз не мудрено.
Но будь что будет! Помолившись богу,
Решилась я и двинулась вперед,
И потеряла сразу я дорогу,
И очутилась у твоих ворот.
Увидев цепь, я поняла мгновенно,
Где я стою. . . Отец твердил не раз,
Что здесь, в горах, прилежно и смиренно
Пустынный божий молится за нас.
Я стала звать, но ветры так свистели,
Что ты не слышал несколько минут.
«О боже, — я подумала, — ужели
Придется мне остаться на ночь тут?»
Но пожалел творец меня, и вскоре
Ты отозвался. . . Вот и весь рассказ!
И да спасет господь тебя от горя,
Как ты меня сегодня ночью спас!»

18

«Дитя мое, десница всеблагая
Вернет земле сияние зари.
Господь хранит нас, в бедах помогая,
Ты не меня — его благодари».

— «Ты думал, я разбойник или дьявол?»
— «Дитя мое, не надо осуждать, —
В такую бурю кто б себя заставил
Забывтого отшельника искать?»
— «Но у тебя ужели нет на свете
Ни брата, ни сестрицы?» — «Дочь моя,
Я свет познал в монашеском обете,
Я позабыл, что где-то есть семья».
— «И ты давно монахом стал?» — «Не знаю».
— «Но как же так?» — «Я не считаю лет,
Покинув мир, я жизни не внимаю,
И в этом — мой монашеский обет».
— «Ты целый мир покинул для пещеры?»
— «Да, бог меня наставил на пути».
— «Ужели бог велит во имя веры
Всю жизнь сидеть и плакать взаперти?»

19

Прости меня, господь, за это слово,
И ты не осуди, честной отец.
Когда, бывало, у холма крутого
Я стерегла на пастбище овец, —
Слова отца я часто вспоминала:
**«Там, среди льдов, угрюм и одинок,
Живет монах, он терпит бед немало,
Он ради духа плотью пренебрег».**
Как я дивилась, господи помилуй, —
Зачем тебе монашеский наряд?
Ужели бог утехам жизни милой,
Которые он создал сам, не рад?
Зачем же он украсил мир цветущий
Сияньем вод и трепетом светил?
Ужель затем, чтоб человек живущий
Отверг его, и проклял, и забыл?
Как? От всего на свете отрешиться —
От радостей, от близких, от друзей?
Но разве я сама себе убийца?
Нет, не ужиться б в келье мне твоей!

Жилищем ты избрал каменьев груду.
 Но сладок мир, как ты ни прекословь!
 Здесь смерть царит — там жизнь кипит повсюду!
 Здесь скорбь кругом — там радость и любовь!
 Ужели круг семьи своей любимой
 Покинул ты без горя и без слез?
 Ужель тоску души неукротимой
 О ком-нибудь из мира не унес?
 Ужели так легка тебе разлука?
 Отца и мать неужто ты забыл?
 Неужто ты навек покинул друга,
 С которым вместе плакал и любил?
 О, как ты мог?!» — «Что я тебе отвечу?
 Душа для нас дороже бытия.
 В плену соблазна душу человечью,
 Дитя мое, не мог оставить я».
 — «Так, значит, нет в миру нам искупленья
 И не спастись, изведав суету?»
 — «Спастись-то можно. Только путь к спасенью
 Достался мне, несчастному, в скиту».

Несчастному?! Что он сказал такое?
 Как повернулся у него язык?
 Как вылетело слово роковое,
 К которому он вовсе не привык?
 Несчастному?! Ведь это стон печали,
 Ведь это вопль тоскующей души,
 Души того, кто счастлив был вначале,
 Души того, кто здесь погиб в глуши!
 Но что случилось? В чем его утрата?
 Не в том ли, что, расставшись с суетой,
 Греховный мир покинул он когда-то
 И здесь обрел душевный свой покой?
 Ужель считает мукою бесплодной
 Свои труды бестрепетный монах?
 Не в том ли счастье, чтоб душе свободной
 Воздвигнуть храм бессмертия в веках?

Что с ним стряслось? Откуда это слово?
Ужель роптать он стал на свой удел?
Ужель он счастья захотел земного?
Ужель творца он упрекнуть посмел?

22

Но нет, напрасна грешная тревога!
Свой светлый дух не бросит он во тьму!
Его удел — хвалить и славить бога,
Столь дивного и щедрого к нему!
Но кто ж его лукавый соблазнитель?
Кто породил в устах его упрек?
Взглянул вокруг себя пустынножитель,
И никого заметить он не мог.
Да, никого. . . Лишь дева молодая
Дремала сладко возле очага,
И бледный свет, ланиты озаряя,
Скользил по ней, смущая бедняка.
И так была пленительно-прекрасна
Она в сиянье трепетных огней,
Как будто все усилия соблазна
Соединились, торжествуя, в ней.
Как будто все утехи наслажденья,
Вся свежесть молодой ее поры
Рассыпали в пещере на мгновенье
Свои благословенные дары!

23

Дитя любви, дитя земного праха,
Молчала дева, в сон погружена,
И в сердце истомленное монаха
Блаженная сходила тишина.
Зачем же он с нее не сводит взгляда,
Зачем глядит чем дале, тем нежней,
Зачем струится в грудь ему отрада
И он невольно радуется ей?
И вот душа страдальца посветлела,
Небесный луч, сверкая, пал во тьму,

И трепет, пробегающий по телу,
Теперь, увы, приятен был ему.
А сердце билось так неукротимо,
Как будто вырывалось из груди,
И золотая арфа серафима
Звала его и пела впереди.
Впервые это чувство неземное
Познал отшельник, гордый и немой,
И понял он, что грех блаженной вдвое.
Чем торжество души его живой.

24

И он шагнул вперед, не понимая,
Чего он хочет. . . Сладостно чиста,
Она спала, едва приоткрывая
Улыбкой озаренные уста.
Казалось, к упоительным лобзаньям
Звала она улыбкою своей. . .
И в этот миг, истерзанный желаньем,
Кто б устоял, не дрогнув, перед ней?
Не устоял и схимник. . . И, ликуя,
Склонился он над девою. . . И вдруг
Остолбенел. . . Ужели поцелуя
Он жаждет, грешный? Горестный недуг
Ужель его преодолел сегодня?
Нет, это ложь! Жива его душа!
Тверда в нем вера дивная господня.
И он пред нею чист, не согреша!
О, нет, он не лишится благодати!
Живую душу, что воздвиг господь,
Он променять не может на объятие
И превозможет немощную плоть!

25

Но что это? Чей это адский шепот:
«Ага, попался, праведник?» Чей крик,
Чей злобный вопль, чей богомерзкий хохот
В погибшем сердце явственно возник?

«Что, одолел тебя?» Откуда эти
Слова проклятые? Ужели он
Сошел с ума? Как жить теперь на свете?
Но, может быть, всё это только сон?
И оглянулся он, объятый дрожью, —
Нет никого. . . Лишь девы молодой
Дыханье слышится. . . И пал он ниц к подножью
Изображенья матери святой.
Но нет душе его успокоенья —
Всё тот же трепет, тот же лютый страх,
Всё то же в сердце грозное смятенье,
Всё тот же ужас чувствует монах.
Душа полна молитвою усердной,
Но сердце зла не может побороть. . .
Ужель под кровом девы милосердной
Не замолчит бунтующая плоть?

26

Заплакал он и поднял кверху очи. . .
О горе! Вместо матери святой
Сиял пред ним во мраке темной ночи
Прелестный образ девы молодой!
Что с ним стряслось? Проклятое виденье!
~~Ужели грех его настоль велик,~~ . . .
Что матери святой изображение
Восприняло греховный этот лик?
Ужели бог лишил его навеки
Святого лицезренья божества,
Чтоб снова плоть воскресла в человеке
И отказался дух от торжества?
Перекреститься? Но рука как гиря!
Читать молитву? Но дрожит язык!
И кажется, остался в целом мире
Один прелестный, но проклятый лик!
«Что, одолел?» И снова чей-то хохот,
И снова кто-то ластится к нему. . .
И, заглушив души последний ропот,
Он, как безумный, выскочил во тьму.

Зажглась заря, и утро засияло,
 И разбежались в небе облака,
 И тихо над землей затрепетало
 Спокойное дыханье ветерка.
 Кто там бежит над пропастью ужасной?
 Кто бродит там, блуждая между скал?
 Ужель монах? Да, это он, несчастный!
 Как бледен он, как жалок и устал!
 Вот он остановился на мгновенье,
 Вот устремил на небо жадный взор. . .
 Последняя надежда на спасенье
 Вставала, полыхая, из-за гор.
 Он солнца ждал. . . Но медлило светило. . .
 Еще вчера, открыв из кельи дверь,
 Он тихо ждал, пока оно всходило. . .
 Он ни минуты ждать не мог теперь!
 И наконец вошло, блистая, солнце.
 И побежал он, торопясь, домой,
 И светлый луч, упавший сквозь оконце,
 Опять, опять увидел пред собой!

И с облегченьем он вздохнул, и снова
 На богоматерь глянул, весь дрожа,
 И чудным светом образа святого
 Опять его наполнилась душа.
 И взял монах молитвенник смиренный,
 Чтобы прославить бога своего,
 И возложил на луч благословенный.
 Но луч, увы, не удержал его!
 И закружилась голова монаха,
 И слезы горя хлынули ручьем,
 И возопил он к богу, полон страха,
 И бездыханный пал перед лучом.

И там, где раньше, полные терпенья,
 Отцы святые славили творца,
 Где возносились к небу песнопенья,

Где проливались слезы без конца, —
Там, посреди пустующих развалин,
Теперь лишь ветра раздастся вой
Да стонет зверь, испуган и печален,
Спеша уйти от тучи грозовой.

6 февраля 1883

ПРИМЕЧАНИЯ

В настоящем сборнике представлена наиболее значительная часть стихотворного наследия И. Чавчавадзе. Весь существующий фонд переводов критически пересмотрен с точки зрения смыслового и художественного соответствия оригиналу. Все новые переводы на русский язык осуществлялись по текстам Полного собрания сочинений в десяти томах (на груз. яз.), т. 1, Тбилиси, 1951.

На протяжении всей литературно-общественной деятельности И. Чавчавадзе выступал врагом самодержавно-крепостнического строя и поборником национально-освободительных идей. Публикация его произведений не обходилась без жестокого цензурного вмешательства, особенно усилившегося с начала 1880-х годов, когда над писателем был установлен негласный полицейский надзор. В дореволюционные годы на русский язык переводились несколько стихотворений И. Чавчавадзе и поэма «Отшельник». Первым стихотворением, переведенным на русский язык, было его знаменитое стихотворение «Муша» («Кавказ», 1863, № 96, с. 1). В последующие годы число переводов возросло, переводились чаще всего следующие стихотворения: «Пахарь», «Молитва», «Рассчитаемся, судьба!», «Тоска», «С тех пор как я любви к тебе почувствовал волненье...», «Поэт» и др., отрывки из поэмы «Видение», поэма «Отшельник». Одними из первых русских поэтов-переводчиков, познакомивших русского читателя с поэзией И. Чавчавадзе, были И. Ф. и А. А. Тхоржевские, нередко выступавшие под общим псевдонимом Иван-да-Марья. Стихотворения И. Чавчавадзе переводили также Д. Эристави, В. Величко, В. Лебедев и другие. Русские переводы печатались в газетах «Кавказ», «Кавказская жизнь», сборнике «Вестник Грузии», в журналах «Русская мысль», «Новое обозрение», «Вестник Европы» и входили в состав сборников: «Грузинские поэты в образцах. Переводы И. Ф. Тхоржевского», СПб., 1889; В. Л. Величко, Восточные мотивы. Стихотворения, СПб., 1894.

После 1907 г. переводы произведений И. Чавчавадзе на русский язык на долгие годы, по существу, прекратились. Только в советскую эпоху развернулась большая и плодотворная работа по переводам поэзии и прозы И. Чавчавадзе на русский язык. Они включались в антологии грузинской поэзии, многократно печатались отдельными изданиями: Избранные стихи и поэмы, М., 1938; Избранное, Тбилиси, 1947; Избранные произведения, М., 1950; Избранное, Тбилиси, 1952;

Избранные сочинения, Тбилиси, 1957; Сочинения в 2-х томах, т. 1. Стихи и поэмы, М., 1960 и др.

В настоящем издании стихотворения и поэмы располагаются по жанровым рубрикам в двух соответствующих разделах, внутри которых они размещаются в хронологическом порядке. В большинстве своем даты под текстами авторские. В примечаниях сообщаются необходимые сведения историко-литературного характера, даются объяснения реалий, специфических слов из национального быта. В примечаниях к настоящему изданию частично использованы фактические сведения из комментария литературоведа П. Ингороквы к первому тому Полного собрания сочинений И. Чавчавадзе (на груз. яз.).

СТИХОТВОРЕНИЯ

1. *Кварели* — ныне город в восточной Грузии, в Кахетии. В бывшей деревне Кварели родился И. Чавчавадзе. После окончания гимназии И. Чавчавадзе для продолжения учения отправлялся в 1857 г. в Петербург.

3. *Мдиванбег* — советник.

5. Вторая редакция стихотворения была опубликована в «Сакртвелос моамбе» («Вестник Грузии»), 1863, № 6. *Лаба* — обычная грузинская кличка вола.

11. *Бахус* (греч. миф.) — бог вина и веселья. *Эрот* (греч. миф.) — бог любви. *Аврора* (римск. миф.) — богиня зари, рассвета.

18. Впервые опубликовано в 1864 г. в Петербурге в сборнике «Чонгури» (антология грузинской поэзии) другом поэта Кириллом Лордкипанидзе. *Лейбниц Готфрид Вильгельм (1646—1716)* — немецкий математик, философ-идеалист.

23. Это стихотворение, направленное против самодержавия, распространялось в списках. Для маскировки его политического содержания делались определенные купюры. Полный текст стихотворения был напечатан в «Литературной Грузии» (1936, № 12) по списку, но четыре стиха (10, 13, 32, 44), в которых имелось слово «цензор», вызывали серьезные сомнения в подлинности, так как по числу слогов (девять вместо восьми) отличались от остальных стихов, нарушая ритмическую схему стихотворения. При ознакомлении с автографом оказалось, что в нем написано не «цензор», а сокращенное слово «ц. . .». Сокращенное слово «царь» было ошибочно понято как слово «цензор». Восстановление подлинного текста стихотворения П. Ингороквой позволяет отнести его к документам серьезного политического значения, раскрывающим мировоззрение И. Чавчавадзе. Это стихотворение является определенным подражанием стихотворению Александра Чавчавадзе «Мухамбази латанури». *Тариарали, ариарали* — припев застольной песни.

28. Впервые опубликовано в 1864 г. в сборнике «Чонгури». Вторая публикация — в собр. соч. И. Чавчавадзе в 1892 г. В обоих

изданиях стихотворение напечатано с цензурными искажениями. *Нана, нанина* — припев в колыбельной песне.

30. Стихотворение посвящено другу студенческих лет И. Чавчавадзе, впоследствии общественному деятелю, Луарсабу (Шакро) *Магалашвили*.

33. Стихотворение посвящено Элисабед Чавчавадзе-Марджанишвили, в которую в молодости был влюблен И. Чавчавадзе. Элисабед Чавчавадзе — мать выдающегося грузинского режиссера Коте Марджанишвили (1872—1933). *Алазани* — река в восточной Грузии, в Кахетии. Эпиграф — из грузинского перевода сборника басен «Калила и Димна», который литературно обработал и снабдил превосходными стихами *Сабá Орбелиани* (Сулхан-Саба) (1658—1725), известный грузинский писатель, ученый, политический деятель.

34. *Темур* Чавчавадзе (1845—1860) — младший брат И. Чавчавадзе, скончался в Петербурге, где он учился в Кадетском корпусе. Стихотворение, вероятно, написано в мае 1860 г., так как в письме к тетке от 14 мая 1860 г. И. Чавчавадзе сообщал о смерти брата.

37. *Муша* — рабочий, носильщик. *Куртан* (куртани) — род подушки, которую кладут на спину при переносе тяжестей.

38. *Чавчавадзе Александр* Гарсеванович (1786—1846) — поэт, основоположник грузинского романтизма. *Гокча* — прежнее название озера Севан.

39. Это стихотворение посвящается сестре великого русского композитора Софье Чайковской, в которую был влюблен И. Чавчавадзе в студенческие годы.

41. Стихотворение посвящается вождю итальянского национально-освободительного движения Джузеппе Гарибальди (1807—1882), который вел непримиримую борьбу против Австрии и папы римского за освобождение Италии. Написано в дни победоносного шествия воинов Гарибальди. И. Чавчавадзе мечтал поехать в Италию и сражаться в рядах освободительных войск Гарибальди, которого он считал одним из выдающихся людей мировой истории. Многие годы портрет Гарибальди висел в рабочем кабинете поэта. Цензура долгое время препятствовала публикации этого стихотворения. Для того чтобы замаскировать посвящение стихотворения блестящим победам Гарибальди в боях за освобождение Италии, редактор журнала «Кребули» Н. Я. Николадзе (1871, № 1) первую публикацию снабдил примечанием: «Это стихотворение относится ко времени освобождения крестьян».

42. Стихотворение посвящено другу И. Чавчавадзе Сосико Вацнадзе, который был младше его по возрасту. Стихотворение в прижизненных публикациях — в журнале «Мнатоби» («Светило») (1870, № 2) и в собр. соч. 1892 г. — было сильно искажено цензурой. И. Чавчавадзе, представляя стихотворение для рассмотрения цензуры

(цензурное разрешение от 16 декабря 1869 г.), изменил заглавие на «Песня студентов» и снял строфу, направленную против царя:

Мы отказываемся от братания с царем,
Мы молимся за братство с крестьянином.

Несмотря на эти купюры, цензура исправила заглавие («Песня»), изъяла ст. 25—28 и искажила ст. 9—10, 23, 24.

43. *Барагашвили* Николоз Мелитонович (1817—1845) — грузинский поэт-романтик. Эпиграф — из его знаменитого стих. «Мерани».

45. Стихотворение посвящено Элисабед Соломоновне Чавчавадзе-Марджанишвили (см. примеч. 33).

53. Стихотворение посвящается сыну сестры И. Чавчавадзе Нино Чавчавадзе-Абхазы — Гуго Абхазы.

54. В первой публикации («Кребули», 1873, № 5-6) стихотворение было напечатано с другим загл.: «Париж», под которым оно печаталось в прижизненных изданиях. В автографах поэта оно озаглавлено: «1871 год, 23 мая» (день падения Коммуны).

55. Во всех дореволюционных публикациях эта стихотворная сатира, содержащая резкую критику дворянских деятелей, подвергалась сильному цензурным искажениям. В первой публикации («Кребули», 1871, № 5) было напечатано с цензурным изъятием строф 8—11, с искажениями в строфе 12. В полном виде произведение появилось только в советских изданиях И. Чавчавадзе. *Когда иссякли Судьбы Грузии единой и далее. Ираклий II (1718—1798)* — царь Кахетии (1744—1762) и Картли-Кахетии (1762—1798) — стремился к объединению разрозненных грузинских владений в централизованное государство, свободное от ирано-турецкого господства. Заключил Георгиевский трактат (1783) о союзе с Россией, в котором он видел необходимое условие прогресса и мирного развития родной страны. *А когда Георгий в горе Воцарился на престоле.* Георгий XII Багратиони (1746—1800) — последний царь (с 1798) Картли-Кахетии (восточная Грузия), сын Ираклия II. Возобновил Георгиевский трактат. Не имея сил для борьбы против внешней и внутренней агрессии, Георгий XII просил Павла I о принятии Грузии в подданство России. Павел I подписал манифест о присоединении Грузии к России 22 декабря 1800 г. Георгий XII умер, не дождаввшись возвращения послов. Присоединение к России являлось единственным путем избавления от засилья отсталых и агрессивных Турции и Ирана. И. Чавчавадзе давал высокую оценку этому историческому событию, определившему судьбу грузинского народа. «Исконные враги Грузии — Персия и Турция много раз разоряли Грузию, разрушали ее, отсекали от нее периферийные области, — писал И. Чавчавадзе в статье «Сто лет назад», напечатанной 26 ноября 1899 г. в газете «Иверия», — но сердце ее не могли разбить. Грузия боролась, терпела муки, но хранила твердость духа. В таких страданиях эта маленькая страна достигла конца

восемнадцатого века. Она сохранила свою веру, язык, свое национальное самосознание и свой народ. Когда великая Россия уперлась стопой в горы Северного Кавказа и многострадальная Грузия обратила свои взоры к России, и у нее появилась надежда, — тогда еще более лютыми стали ее враги. . . Выхода не было. Царь Георгий должен был выбирать между Турцией, Персией и Россией, чтобы спасти страну от нахлынувших бедствий. . . Царь Георгий выбрал единовенную Россию». *И враги восстали вскоре.* Имеется в виду нападение персидского шаха Ага-Мохаммеда-хана, противодействовавшего союзу Грузии с Россией, на небольшое грузинское войско под предводительством Ираклия II. 11 сентября 1795 г. произошла ожесточенная битва, в которой грузинское войско, несмотря на самоотверженность и героизм, потерпело поражение и вынуждено было отступить, оставив Тбилиси. Персы разграбили и сожгли город. *И царевы Братья, ссорясь, повалили Царства нашего основы.* Внешняя опасность усугублялась внутренними неурядицами, борьбой придворных клик за власть, притязаниями братьев на престол. *Кабахи* — старинный ипподром в Тбилиси, на месте которого был разбит общественный сад. *И когда явивший милость Затянул петлю на шею.* Имеется в виду политика национального угнетения русского царизма. *Собираясь на задворках, Перешептываться стали.* Имеется в виду дворянский заговор 1832 г. против захватнической политики самодержавия. Представители прогрессивной группы мечтали о создании в Грузии республиканского или конституционно-монархического государства, а реакционная часть дворян ратовала за восстановление престола Багратионов и своих классовых привилегий. Заговор был раскрыт и его участники сосланы в отдаленные губернии России. *Банк придумали земельный И над ним же хохотали.* Имеется в виду дворянский банк, основы которого были заложены в 1873 г., при непосредственном участии и руководстве И. Чавчавадзе; открыт же он был в 1875 г. Председателем его был избран И. Чавчавадзе, в течение 30 лет остававшийся на этой должности. Благодаря доходам банка существовали все основные грузинские культурно-общественные учреждения: «Общество по распространению грамотности среди грузин», грузинский театр, грузинская гимназия, хозяйственная школа и др.

56. В 1871 г. в связи с приездом в Грузию русского императора Александра II съезд князей и дворян под давлением радикально настроенного молодого поколения постановил просить императора об открытии университета в Тбилиси. Но предводитель реакционной дворянской группы заменил адрес и вместо университета просил об открытии кадетского корпуса. Лакейское угодничество дворянской верхушки дало поэту повод для написания сатирических «Загадок», в которых в неприглядном свете были охарактеризованы виднейшие деятели консервативного дворянства: Реваз Андрионикашвили — предводитель дворянства, один из руководителей реакционной группы; Георгий Мухран-Батони (Багратион Мухранский) (1820—1877) — в то время сенатор, затем член Государственного совета; Иван Мухран-Батони — брат Георгия, бывший генерал, пользовался большим влиянием в дворянско-княжеских кругах; Платон Иоселиани (1809—1875) — историк, в составлении прошения, представленного императору, он не принимал участия, но примыкал к руководителям этой

группы, написал исследование «Жизнь Георгия XIII»; Дмитрий Джорджадзе (1822—1883) — член совета наместника царя на Кавказе; Яссе Чавчавадзе — член правления губернии; Виссарион Гогоберидзе (1833—1879) — педагог, общественный деятель, участник молодежного движения, перешедший затем в лагерь «отцов»; Григор Орбелиани (1804—1883) — известный грузинский поэт, один из выдающихся представителей грузинского романтизма, одно время был помощником царского наместника. «Загадки» по цензурным условиям не могли появиться в печати и распространялись в списках. Сохранилось два письма И. Чавчавадзе к Давиду Эристави от 11 декабря 1871 г. и от июля 1872 г., в которых он просил своего друга распространять это стихотворение в списках. Давид Эристави перевел на русский язык это стихотворение и стихотворение «Ответ на ответ». Во втором письме от июля 1872 г. И. Чавчавадзе в качестве образца перевел две первых строфы («Вот мой перевод. Прodeгусти-руй»):

1

Он плешив и усат,
 Руколиз, и бас густой.
 Хоть и карлик, а забияка,
 С бестолковой головой.
 Мал он ростом, но ведь важен...
 Во всем прочем остальном —
 На дела родного края
 Ему плюнуть нипочем.

2

Франтик он, да и пролаза,
 Мал тож ростом, худощав,
 Клювонос и крутонрав.
 В нем истерлись ум и сердце,
 Праздно дремлет в мире сем,
 И ему на дело края
 Плюнуть также нипочем.

57. Это стихотворение является в определенном смысле продолжением предыдущего стихотворения. Здесь имеются в виду: Михаил Таризелович Лорис-Меликов (1825—1888) — генерал, один из видных военных деятелей, затем граф, министр, во время написания стихотворения «Еще загадки» он был начальником Терской области; Леван Меликашвили (1817—1892) — генерал, начальник Дагестанского военного округа; Иосиф Давидович Тархнишвили (умер в 1878 г.) — генерал-адъютант, литератор, поэт, принимал участие в составлении прошения императору; Михаил Туманишвили (1818—1875) — литератор, поэт, сотрудник журнала «Цискари» («Рассвет»), принимал участие в составлении прошения императору; Дмитрий Кипиани (1814—1887) — известный общественный деятель (об этом благородном представителе старого поколения И. Чавчавадзе отзывется с похвалой).

58. Появление этого стихотворения было вызвано памфлетом Григола Орбелиани «Ответ детям», который в свою очередь являлся откликом на стихотворение И. Чавчавадзе «Загадки». Еще в 1861 г. И. Чавчавадзе напечатал в журнале «Цискари» статью «Несколько слов о переводе князем Ревазом Эристави «Безумной» Козлова», в которой он объявил войну царившему в литературе тех лет архаичному книжному языку и отстаивал решительную демократизацию литературного языка. Представители старого поколения выступили против этой статьи на страницах того же журнала «Цискари», но И. Чавчавадзе в своем «Ответе...» на полемические статьи архаистов-консерваторов, доказав всю несостоятельность позиции противников, еще яснее и последовательнее изложил и аргументировал принципы реалистической эстетики. Его поддержала группа радикально мыслящей молодежи, так называемых «тергдалеули» («испившие из Терека»). Так началась в 60-х годах борьба между «отцами» и «детьми», еще более обострившаяся в 70-х. По цензурным причинам стихотворение не могло быть напечатано и распространялось в списках. *Фарисеи, саддукеи* — названия древнееврейских религиозных сект в Иудее; здесь — ханжи, лицемеры. *Шота сказал: «Уж коль есть что в кувшине — То из него и течет, господи!»* — изречение из «Витязя в тигровой шкуре» Шота Руставели.

59. В стихотворении подвергнута критике опубликованная в 1872 г. брошюра Георгия Мухран-Батони «О существе национальной индивидуальности и об образовательном значении крупных народных единиц», где автор отстаивал необходимость растворения малых национальностей в больших нациях. В письме к Петру Умикашвили от конца августа 1872 г. И. Чавчавадзе писал: «Прочел брошюру Мухранского. Вот мой ответ: «Лишь право сильного раб свято почитает». В ответ на эту брошюру вот что я написал...» (далее следовал текст стихотворения). Стихотворение было напечатано в газете «Дроеба» («Время»), 1872, 8 сентября, с цензурным изъятием последней строфы.

63. Старинная легенда говорила, что на дне Базалетского озера, находящегося недалеко от Душети (восточная Грузия), в золотой колыбели растет младенец, будущий герой грузинского народа.

ПОЭМЫ

66. Эту поэму И. Чавчавадзе посвятил своему другу по гимназии, родившемуся и выросшему в Грузии, *Ивану Полторацкому* (1836—1892) и известному общественному деятелю *И. Цинамдзгвришвили* (1846—1918). Поэму «Видение» И. Чавчавадзе написал в студенческие годы, в основном в 1858 г. Самая ранняя рукопись, переписанная самим поэтом набело, датируется 29 января 1859 г. В 1859 г. по цензурным условиям удалось опубликовать лишь одну главу (5-ю) из поэмы. В 1860 г. поэма готовилась для отдельного издания, но и этот вариант был запрещен цензурой. Далее, в самом начале 1860-х годов, когда И. Чавчавадзе основал собственный журнал «Сакартвелос моамбе», он опять попытался напечатать свою поэму, но, видимо, не мог преодолеть цензурных препятствий. В журнале были опубликованы искаженные цензурой лишь 24, 26 и 27-я главы. В новой

редакции поэму удалось напечатать в журнале «Кребули» только в 1872—1873 г. Переработка коснулась первой части поэмы, а конец поэмы, посвященный историческим судьбам Грузии (гл. 19—25), не перерабатывался и не печатался. О причинах, вызвавших исключение исторической части из поэмы, И. Чавчавадзе писал драматургу Давиду Эривастави в июле 1872 г.: «Это «Видение» буквально опустошило меня. После исторической части я не могу сделать и шага вперед. Что делать? Часто думаю, не оставить ли его? Проклятая у нас история — история войн и царей. Народа нигде не видно. А я человек такого склада, что войны и цари меня не привлекают. Основное народ, а народа в нашей истории не видно...» (И. Чавчавадзе, Полн. собр. соч. (на груз. яз.), т. 1, Тбилиси, 1951, с. 370). Переработанные в 1872 г. 13—14-я главы поэмы написаны под влиянием героической борьбы парижских коммунаров. На поражение Парижской коммуны поэт откликнулся стихотворением «День Парижской коммуны». После 1872 г. И. Чавчавадзе внес в поэму историческую часть (гл. 19—25) и эту последнюю редакцию опубликовал в 1881 г. в журнале «Иверия» (№ 2-3), с цензурным изъятием отдельных строк 22 и 23-й глав, текст которых утрачен. Эпиграф — из поэмы «Витязь в тигровой шкуре» Шота Руставели (XII в.), гениального грузинского поэта-гуманиста. *Терек* — река на Северном Кавказе, по части долины Терека проходит Военно-Грузинская дорога. *Арагва* — река в восточной Грузии. *Картвели* — грузины. Название это происходит от легендарного прародителя грузинского народа Картлоса. *Мцхета* — город в восточной Грузии, неподалеку от Тбилиси, у устья рек Арагвы и Куры, до VI в. древняя столица Грузии, затем церковно-религиозный центр. *Иберы* — древнее название восточно-грузинских племен. *Когда врата твои всесильный Македонец* и т. д. Имеется в виду Александр Македонский (356—323 до н. э.), полководец и государственный деятель, в результате многочисленных жестоких завоеваний ставший главой огромной державы, простиравшейся от Инда до Дуная. По преданию, прошел со своими войсками и через Грузию. *Фарнаоз* (Фарабодз) — царь Иберии в I в. до н. э. *О мать божия!* Дева Мария почиталась покровительницей Грузии. С культом богоматери связана легенда о том, что ей выпал жребий проповедовать христианство в Грузии.

67. Эта поэма И. Чавчавадзе посвящена другу студенческих лет писателю Петру Георгиевичу Накашидзе (1838—1895), который затем был приглашен в Москву в Институт восточных языков в качестве преподавателя грузинского языка. Первый вариант поэмы был закончен 14 июля 1860 г. Поэма была опубликована в журнале «Кребули» (1871, № 3) и в «Иверии» (1879, № 7-8) с примечаниями, появившимися, скорее всего, по цензурным соображениям: «Драматический эпизод из жизни царицы Тамары во время битв с османами» и «Эпизод из эпохи Давида Строителя, воевавшего за освобождение Грузии от арабов». В автографах поэмы, которые были присланы Петру Накашидзе в редакцию «Кребули», этих примечаний не было. По требованию цензуры первоначальное заглавие «Мать грузина» было заменено на «Мать и сын», впоследствии сохранявшееся во всех изданиях. Слова «Грузия», «восстал народ родной» также подверглись цензурным заменам.

68. Поэма, написанная до отмены крепостного права в Грузии, продолжительное время находилась под строгим цензурным запретом, но распространялась в рукописных списках. В 1863 г. удалось напечатать в журнале «Сакартвелос моамбе» (№ 10) только первую часть поэмы под заглавием «Начало одного рассказа». В письме другу Кириллу Лордкипанидзе, просившему И. Чавчавадзе дать эту поэму для публикации в сборнике «Чонгури», он писал в начале 1864 г.: «„Несколько картин, или Случай из жизни разбойника“ мною хотя и закончены, но не посылаю, так как знаю: не напечатают. Если ты даже добьешься там у вас разрешения — все равно здесь конфискуют весь ваш сборник, это я точно знаю. Я сам много старался в здешнем Цензурном комитете, но очень, очень воспретили» («Мнатомби», 1933, № 8-9, с. 273). К. Лордкипанидзе в сб. «Чонгури» в 1864 г. удалось напечатать тоже только первую часть поэмы. В 1873 г. редактор журнала «Кребули» Н. Я. Николадзе снова попытался напечатать поэму целиком: в одном из своих номеров редакция журнала объявила о скорой публикации полного текста поэмы, но публикация поэмы — опять-таки, видимо, из-за цензурного запрета — не состоялась. Поэма полностью была напечатана только в 1879 г. в журнале «Иверия» (№ 5). На создание этой поэмы И. Чавчавадзе вдохновила, с одной стороны, легендарная борьба одного из организаторов крестьянского освободительного движения народного героя *Арсена Одзелашвили* (ум. в 1843 г.) против социальной несправедливости и, с другой — встреча в 1857 г. с крестьянином, убившим своего господина и затем подавшимся в разбойники, неким Гаухарашвили. *Хурджин* — переметная сума. *Чоха* — национальная грузинская одежда.

69. Эта историческая поэма посвящена Петру Накашидзе (см. примеч. к поэме «Мать и сын»), который был непосредственным вдохновителем ее создания. В 1289 г. монгольский хан казнил царя Димитрия, и имя самоотверженного царя стало легендарным. И. Чавчавадзе, еще будучи учеником, заинтересовался трагической историей царя Димитрия Самопожертвователя, которую ему рассказал учитель деревенской школы, сельский священник. Священник был хорошим знатоком истории Грузии и прекрасным рассказчиком. Его рассказы о событиях прошлого оказали большое влияние на будущего писателя, пробудили в нем неугасимую любовь к героической истории своей родины. Характеризуя этого первого своего учителя, И. Чавчавадзе писал в автобиографии: «Священник очень хорошо знал грузинский язык и славился как замечательный чтец священных книг. Однако его главное достоинство заключалось в том, что он умел увлекательно рассказывать. На простом, понятном для детей языке он рассказывал нам о событиях из священного писания и истории родной страны; кто какое совершил геройство, кто какое посеял добро и потрудились на пользу и в защиту родины и веры. Многие из рассказанного им глубоко сохранилось в моем сердце, а рассказ «Димитрий Самопожертвователь» я через много лет взял темой...» (И. Чавчавадзе, Полн. собр. соч. (на груз. яз.), т. 10, Тбилиси, 1961, с. 307—308). *Пандури* — грузинский народный трехструнный инструмент с деревянным корпусом несколько удлиненной формы. *Картвел* — грузин. Название это происходит от легендарного прародителя грузинского народа Картло-

са. *Царская багряница* — царское одеяние багряно-красного цвета. *Волк над стадом не глумился* — изречение из «Витязя в тигровой шкуре» Шота Руставели. *Подчинен руке татарской Был наш царь единокровный*. Во второй четверти XIII в. Грузию покорили монголы. Татаро-монгольское иго имело тяжелые последствия для страны. Завхватчики разорили население, способствовали ослаблению централизованной власти и дроблению Грузии. *Дидебулы* — вельможи. *Спасалар* — полководец, верховный главнокомандующий. *Католикос* — патриарх, глава грузинской церкви. *Так дробится камень твердый На свинцовой наковальне* — изречение из «Витязя в тигровой шкуре» Шота Руставели. *Иверия* — Грузия. *Сардар* — персидский военачальник. *Визир* (вазир) — министр, первый советник хана.

70. Эта поэма посвящена супруге и другу Ольге Тадеозовне Гурамишвили-Чавчавадзе (1843—1928). Идея «Отшельника» была вдохновлена грандиозным зрелищем Бетлеемской пещеры в ледниковой скале в горах Грузии и услышанной в народе легендой о бетлеемском священнике. Эта пещера была известна грузинским географам XVIII в. Так, известный географ этого времени царевич Вахушти Багратион писал: «В скале Мкинвари (Казбек), весьма высокой, высечены пещеры, и называют их Бетлеми (Вифлеем), подъем туда труден, ибо с пещеры спущена железная цепь и по ней взбираются. Говорят, что там находится колыбель Господа и шатер Авраама, стоящий без столбов, без веревки, сказывают и о других чудесах...» («Записки Кавказского отделения Русского географического общества», кн. 24, вып. 5. Царевич Вахушти, География Грузии, с. 76). Поэма в свое время вызвала большой интерес в широких читательских кругах. Еще при жизни поэта она была переведена на русский и иностранные языки. *Хорал* — род религиозных песнопений. *Аналой* — высокий столик с наклонной плоскостью для чтения стоя или для положения иконы. *Анахорет* — отшельник. *Татъ* — вор, разбойник.

К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

1. *Фронтиспис*. Фотография И. Чавчавадзе. 1897 г. Государственный литературный музей Грузии.
2. *Между с. 96 и 97*. Фотография И. Чавчавадзе, 1874 г. Там же.
3. *На обороте*. Фотография И. Чавчавадзе. 1889 г. Там же.
4. *Между с. 128 и 129*. Фотография И. Чавчавадзе. 1902 г. Там же.
5. *На с. 135*. Автограф стих. «Весна» («Лес расцветает нарядный...»). Там же.

СОДЕРЖАНИЕ

Поэтическое наследие Ильи Чавчавадзе. <i>Вступительная статья</i> <i>Бесо Жгенти</i>	5
---	---

СТИХОТВОРЕНИЯ¹

1. Горам Кварели. <i>Перевод Н. Заболоцкого</i>	47
2. Свеча. <i>Перевод М. Талова</i>	49
3. Голос из могилы. <i>Перевод В. Шефнера</i>	50
4. Весна. <i>Перевод В. Шефнера</i>	53
5. Пахарь. <i>Перевод А. Кочеткова</i>	55
6. Песня. <i>Перевод В. Шефнера</i>	57
7. Черные глаза я видел тоже. . . <i>Перевод В. Шефнера</i>	58
8. Сон. <i>Перевод В. Шефнера</i>	59
9. Молитва («К стопам твоим припав, о боже правый. . .»). <i>Перевод В. Шефнера</i>	61
10. На чужбине. <i>Перевод А. Тарковского</i>	62
11. Совет бражника. <i>Перевод Б. Брика</i>	63
12. Не пора ли понять. <i>Перевод В. Шефнера</i>	65
13. Молитва («Если демон лжи и сомненья. . .»). <i>Перевод</i> <i>В. Шефнера</i>	66
14. «Помню, любимая долго, протяжно рыдала. . .». <i>Перевод</i> <i>В. Шефнера</i>	67
15. «Женщина прекрасная со мною. . .». <i>Перевод А. Тарковского</i>	68
16. «В море жизни плыву одинокий я. . .». <i>Перевод Вс. Рожде-</i> <i>ственного</i>	69
17. «Пусть я умру, в душе боязни нет. . .». <i>Перевод Н. Заболоц-</i> <i>кого</i>	70
18. Грузинке-матери. <i>Перевод В. Звягинцевой</i>	71
19. «Страдал и я. И я отлично знаю. . .». <i>Перевод Н. Заболоцкого</i>	73
20. Почему я тебя полюбил? <i>Перевод В. Шефнера</i>	74
21. «Я блаженствовать мог бы, как в раю. . .». <i>Перевод Вс. Рож-</i> <i>дственного</i>	75

¹ Переводы Вс. Рождественского и В. Шефнера публикуются в наст. изд. впервые.

22. «Скажи, зачем запала в сердце грусть? ..». Перевод В. Шефнера	76
23. Мой тариарали. Перевод Вс. Рождественского	77
24. Глас сердца. Перевод В. Шефнера	79
25. Рассчитаемся, судьба! Перевод Вс. Рождественского	80
26. «Та, которой вручил я судьбу свою...». Перевод В. Шефнера	81
27. Звуки небесные. Перевод В. Шефнера	82
28. Колыбельная. Перевод А. Кочеткова	83
29. Элегия. Перевод Н. Заболоцкого	86
30. На берегу Куры. Перевод Б. Серебрякова	87
31. «Юность, где сладость твоя...». Перевод А. Тарковского	88
32. Потерянный эдем. Перевод Вс. Рождественского	89
33. К Алазани. Перевод К. Липскерова	90
34. На смерть брата. Перевод В. Шефнера	91
35. Спящей женщине. Перевод Вс. Рождественского	92
36. Тоска. Перевод Вс. Рождественского	93
37. Муша. Перевод Н. Заболоцкого	94
38. Александру Чавчавадзе. Перевод В. Шефнера	97
39. Ч(айковский)й («Ах, зачем очаровала...»). Перевод В. Шефнера	98
40. Поэт. Перевод В. Шефнера	99
41. «Слышу звук цепей спадающих...». Перевод В. Державина	100
42. Песня грузинских студентов. Перевод Н. Заболоцкого	101
43. Николаю Бараташвили. Перевод С. Шервинского	103
44. «О мучительница! Знаю...». Перевод Вс. Рождественского	104
45. «Милая, ты сад наш помнишь...». Перевод В. Шефнера	105
46. «Темно вокруг, и на душе темно...». Перевод А. Тарковского	107
47. «Пустую жизнь без вдохновения...». Перевод А. Тарковского	108
48. «Под бременем печали изнывая...». Перевод А. Тарковского	109
49. Весна. Перевод Н. Заболоцкого	110
50. «С тех пор как я любви к тебе почувствовал волнение...». Перевод Вс. Рождественского	111
51. «О перо мое, друг мой, — для дела живого...». Перевод Вс. Рождественского	112
52. Ночь. Перевод Вс. Рождественского	113
53. Г. Абхази. Перевод Н. Заболоцкого	114
54. День падения Коммуны. Перевод В. Шефнера	115
55. Как поступали, или История Грузии XIX века. Перевод Н. Заболоцкого	116
56. Загадки. Перевод М. Талова	121
57. Еще загадки. Перевод М. Талова	125
58. Ответ на ответ. Перевод Н. Заболоцкого	130
59. Совет. Перевод Вс. Рождественского	136
60. «Славная родина, что ты сегодня грустна?..». Перевод С. Шервинского	137
61. «Забыты мечты и надежды ранние...». Перевод В. Шефнера	138
62. К. Б. М. Перевод Вс. Рождественского	139
63. Базалетское озеро. Перевод В. Державина	140
64. Приглядись! Перевод Вс. Рождественского	142
65. Вопросы-ответы. Перевод В. Шефнера	145

ПОЭМЫ

66. Видение. <i>Перевод Н. Заболоцкого</i>	149
67. Мать и сын. <i>Перевод Н. Заболоцкого</i>	167
68. Несколько картин, или Случай из жизни разбойника. <i>Перевод А. Тарковского</i>	174
69. Дмитрий Самопожертвователь. <i>Перевод Н. Заболоцкого</i>	190
70. Отшельник. <i>Перевод Н. Заболоцкого</i>	216
Примечания	233
К иллюстрациям	244

Илья Григорьевич Чавчавадзе СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМЫ

Л. О. изд-ва «Советский писатель», 1976, 248 стр. План выпуска 1976 г. № 372.
Редактор *Л. А. Николаева*. Художник *И. С. Серов*. Худож. редактор *А. Ф. Третьякова*. Техн. редактор *В. Г. Комм*. Корректор *Ф. Н. Аврунина*.

Сдано в набор 1/VI 1976 г. Подписано к печати 14/X 1976 г. М 34955.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типогр. № 1. Печ. л. 7³/₄+3 вкл. Усл. печ. л. 13,33.

Уч.-изд. л. 9,88. Тираж 30 000 экз. Заказ № 658. Цена 66 коп.

Издательство «Советский писатель», Ленинградское отделение. Ленинград,
Невский пр., 28.

Ордена Трудового Красного Знамени Ленинградская типография № 5 Союз-полиграфпрома при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 190000, Ленинград, Центр, Красная ул., 1/3.

